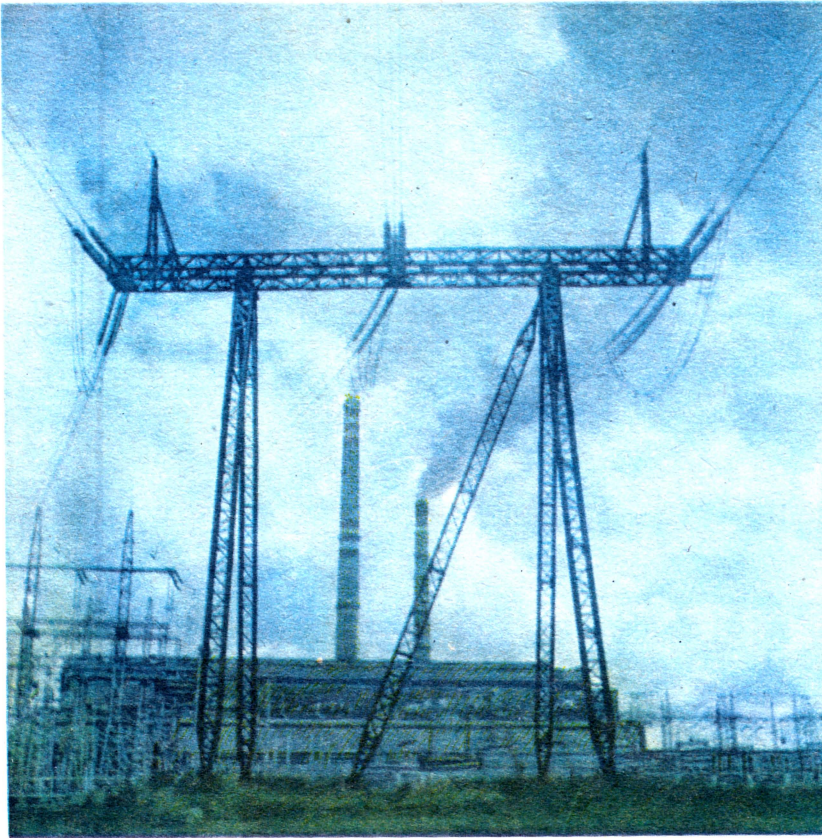

6
1974

У Р А Л Ь С К И Й
С Л Е Д О П Ы Т

Стройка учится

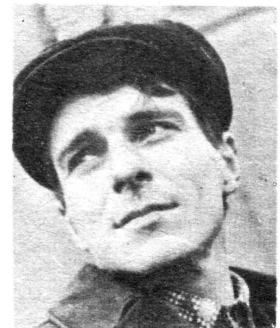
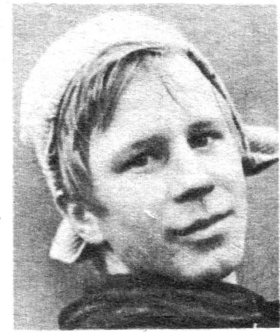
А. НАГИБИН

Фото автора

В прошлом году один из выпускных классов Рефтинской средней школы (Свердловская область) почти в полном составе пошел работать на строительство и в смены эксплуатационников Рефтинской ГРЭС.

Анатолий Савин и Валерий Орлов попали в бригаду Виктора Дмитриевича Елизарова на монтаж вспомогательных механизмов, сборку блоков котлов на стендах. Их наставником стал звеньевой Юрий Моторин. Новички пошли учиться в тот же техникум, что и другие члены бригады — Анатолий Фридрих и Сергей Харин. Этот же техникум закончил недавно Юрий Моторин. Вот почему он теперь у них за главного консультанта.

Сегодня более тысячи строителей Рефтинской ГРЭС учатся в школах, техникумах и институтах.

В НОМЕРЕ:

В. Яковлев. ВЕСЕЛЕНЬКАЯ АРИФМЕТИКА	2
СЛЕДОПЫТСКАЯ ХРОНИКА	9
Е. Богданов. ЧЕРНЫЙ СОБОЛЬ. Повесть. Продолжение	10
В. Коротких. СПЕЦИАЛИСТ	26
В. Панкратов. САМОУТВЕРЖДЕНИЕ	29
С. Харин. СРЕДИ БЕЛЫХ МЕДВЕДЕЙ	32
Б. Дижур. КУКЛЫ, КУКЛЫ, КУКЛЫ...	49
Ю. Трифонов, И. Беляев, Г. Цветков. СТИХИ	52
А. Щербаков. ПЕРВАЯ ЛАСТОЧКА	54
А. Коровин. КОРРЕСПОНДЕНТ С УРАЛА — КТО ОН!	56
А. Козлов. УТОЧНЕНИЯ ИЗВЕСТНОГО ПИСЬМА	57
А. Походов. ЕКАТЕРИНБУРГ. 1889 г.	58
МОЙ ДРУГ — ФАНТАСТИКА	59
А. Шалимов. ВТОРЫЕ ТЕНИ. Фантастический рассказ	61
Ю. Яровой. ГРАНИ ПАМЯТИ	67
В. Банькин. ИЗ КНИГИ ПРИРОДЫ	71
П. Дедов. ДЕД ПРОША	74
Б. Сергеев. РОЗОВАЯ ПТИЦА ФЛАМИНГО	75
А. Матвеев. КТО ОКРЕСТИЛ ГОРКУ?	78
СЕРЬЕЗНОЕ С КУРЬЕЗНЫМ	80

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР,
СВЕРДЛОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

Свердловск
Средне-Уральское Книжное Издательство

6
1974

У Р А Л Ь С К И Й
С Л Е Д О П Ы Т Ы

Валерий ЯКОВЛЕВ

Рисунки В. Бубенщикова

ВЕСЕЛЕНЬКАЯ

АРИФМЕТИКА

*«Город Нефтекамск
расположен
на северо-западе Башкирии,
там, где река Белая
впадает в реку Каму».*
(Из путеводителя)

*«Основным потребителем
продукции новой фабрики
технического и трикотажного волокна
будет завод «Кама»,
изготавливающий кожу
для отделки салонов
легковых автомобилей,
выпускаемых
в Тольятти,
Москве,
Ижевске
и Запорожье».*
(Из сообщения ТАСС)

*«Приказ
шеф-инженера
наладочной группы ВПО
«Союзэнерголегпромавтоматика»
Лебедева:
«С сегодняшнего числа
и впредь до особого
на то распоряжения
субботние и воскресные дни
считать рабочими днями».*

Все начиналось, как говорили древние, с начала.
Плывут по Каме пароходы, везут стройматериал и оборудование для будущей фабрики. Летят по небу самолеты (в понедельник и пятницу — прямой рейс Москва — Нефтекамск), а в них наладчики: киповцы, электрики, химики, котельщики.

Перестукивают по рельсам поезда, а в багажных вагонах, запакованные, лежат приборы, перечисление которых заняло бы не одну страницу. Пылят по дорогам автобусы и доставляют на объект монтажников: они будут монтировать оборудование, которое плывет по Каме, а наладчики пустят это оборудование в ход с помощью тех самых приборов, что едут в вагонах. Вот какая цепочка получается!

Я не берусь рисовать полную картину стройки. Об этом, возможно, еще будет написано. Возможно, где-то оттачивает свое перо будущий летописец стройки. Моя цель простая. Я как наладчик, мастер по наладке электрооборудования, хочу хотя бы бегло рассказать о жизни нашего племени. То, что сам видел. В чем сам участвовал. Что знаю.

Наладчик сродни кочевнику. Клубится под ним дорога, тысячи верст отделяют от родного дома, правда, транспорт претерпел изменения: лошадь — в отставку, подавай самолет, пароход, поезд.

Там, где строятся фабрика, завод, комбинат, там и наладчик, легкий на подъем, веселый, неунывающий, со скупым багажом в чемодане. То носит его по стране — с севера на юг, с востока на запад, а то на целый год приходится где-то осесть. Год — это уже история, это как-никак единица века, и обрывается она подробностями, о которых и рассказывать пока.

1. Валенки

Столбик термометра дополз до цифры «сорок» и замер, будто раздумывая: стоит ли пугать народ? Видимо, все же решив поугаать, опустился еще ниже.

— Сорок один, сорок два,— отсчитывал Иван и хлопал ладонями в рукавицах.— И морозец знатный, и валенки худые. Во, полюбуйся!

Он попрыгал на одной ноге, высоко задрав другую: действительно, на подошве сверкала дыра размером с пятак. Витька Ерохин удивленно присвистнул.

Глухо покашливая и потирая щеки, к ним подошел Сахно, зам. главного инженера.

— Хлопци, а хлопци,— певуче и как-то нежно, что не вязалось с его массивной фигурой, заговорил Сахно.— Трэба врубить подстанцию. Якие морозяки, а все ж трэба.— Он пристально оглядел ребят, затем добавил:— Вы ж золото, а не хлопци. Вы же комсомольцы. Перший трансформатор запустили— золото, а не трансформатор. Правда, то осенью було,— повздыхал, потоптался на месте, скрипнул снегом.— А надо. Току нэма—и плану нэма.

— Валенки будут?— неожиданно спросил Иван.

— Яки валенки?— удивился зам. главного.

— Обыкновенные, на сорок первый размер. В награду за ударный пуск.

Иван вновь продемонстрировал ущербность своей обуви.

— Ая-яй!— покрутил головою Сахно.— Це надо ж! Слухай, слетай к завхозу, скажи, щоб выписал добрые со складу. А сробите ко времени, будет что и потеплее валенок,— он заговорщически подмигнул.

Завхоза на стройке прозвали «неуловимый Степан»: вот сию минуту клекотал его бодрый тенорок, глядь—и нет Степана, след простыл. А без него кладовщица—ни в какую. Отчаявшись поймать Степана, Иван плюнул на валенки: «Перебьемся. Не в первый раз».

Подпоясали туго телогрейки ремнями и полезли по ячейкам. Ячейкой на высоковольтной подстанции называется тесный высокий ящик, где собрано все оборудование: и масляный выключатель, и трансформаторы тока, привод, изоляторы, реле и еще разные разности. В ней, в ячейке, добром не повернешься: рискуешь лоб разбить. А ведь работать надо. Летом куда ни шло. Летом духота, жара, но терпимо. А зимою брови инеем покрываются. Пальцы к металлу примерзают.

Как-то зимой, в крещенские морозы, налаживали подстанцию—в другом городе, на Оке. Но там рядом котельная дымилась. Грелись по очереди: валенки поскидают и пятками—к печной дверце. А тут никакого тебе микроклимата: что на улице—сорок два, что в здании—сорок два.

Итак, подстанция—святая святых предприятия. Здесь все подчинено строгому, почти армейскому порядку. Правила техники безопасности—устав. Наряд на выполнение работ—команда. Производитель работ—командир. Дежурный по подстанции сравним с целым наблюдательным пунктом.

Подстанция—это храм, где властвует электрооборудование. Аккуратно развешаны и пронумерованы заземления, на столах—резиновые перчатки, боты, изливающие штанги, клещи, в углу поблескивает кенотрон. На дверях—грозные предупредительные плакаты. Гул трансформаторов вызывает

тайный трепет. Сюда не каждый вхож. Тут ошибка, небрежность стоят жизни.

Но посмотрели бы вы на подстанцию в период пуска: железный беспорядок! Провода уныло свисают, там движок не выставлен, там счетчик разбит, то да се, грязь, мусор. Войдешь—и закрадывается в голову мыслишка: мол, сроду этот беспорядок в порядок не обратишь. А надо. Пока что перед тобою рисунок начерно, не подстанция, а ее эскиз, и наладчик, подобно художнику, доводит эскизный набросок до наглядной картины, только не на полотне, а в натуре. Тут многое зависит от опыта, смекалки, разворотливости. И от напарника.

У Ивана Цибилова напарник Витька был малый и смекалистый, и разворотливый. Притерлись они друг к другу, как шестерни, Иван да Витька.

Масляный выключатель—продолговатый бак, килограммов под тридцать, где масло укрошает, гасит смертельную электродугу. Витька ворочал эти выключатели с цирковой легкостью: снимал, разбирал, подтачивал, подкручивал где что надо, а затем на место ставил.

Хлебнули горя с выключателями. Один совсем не включался дистанционно, от кнопки. Витька в ячейку с головою залез—шплинты на валу срезались. Побежал в мастерскую, принес новые. Забил их в отверстия кувалдой. Теперь другое—не отключается от кнопки. Озяб он что ли на морозе? Подтянули пружины. Каждая пружина, если распрямится, слона доброго убьет. Нет, бесполезно. Иван стал вслух припоминать: «Вот когда в Балашове пускали РП...» Ага, вспомнил! Заглянул под самое дно ячейки. Вал, оказывается, застыл в положении «мертвого хода». Передвинули его по кругу. Порядок!

Пол—форменный ледник: квадратные стальные плиты, прикрывающие кабельный канал. Распластавшись на полу, регулировали блок-контакты привода. Они поржавели: то не замыкаются, то не размыкаются. Потому что щит сигнализации словно в лихорадке, а ведь сюда стекаются сигналы и команды со всей подстанции.

Ладно, довели контакты «до ума». Теперь в самой схеме сигнализации обнаружился порок. Или проектант поторопился, или чертежница напортачила. Пришлось вести прямо на панели перемонтаж, исправлять чертеж на ходу.

Верно говорят: глаза боятся, а руки делают. Понемногу все рассовалось по сучкам да по веточкам, приобрело божеский вид.

Заглянет зам, главного, погукает голосом: «Гарни хлопцы. Золото, а не хлопцы». А про валенки и не спросит, видно, думает, что «неуловимый Степан» сам принес их «гарним хлопцам».

Приспело время лопнувшую тягу менять в самой главной ячейке. Иван поймал за рукав бригадира монтажников, Захара: давай, дескать, браток, не задерживай. А «браток» нос воротит: наряд ему с легкой руки закрыли, и переделывать-перекраивать вроде бы теперь ни к чему. «Мороз,— говорит Захар.— Какая по морозу работа!»

— Ну, пеняй на себя!— пригрозил Иван.— Мы сами заменим, а тебя на весь район прославим. Будь спокоен!

Крепко они поругались. Надо заметить, монтажники и наладчики частенько ругаются. Это уже традиция. «Липы» после монтажников — ой, ой, сколько! Иногда дефектная ведомость, шутят наладчики, распухает до размеров детективного романа.

Тягу выточили сами. Иван тряхнул стариною: когда-то он в механическом цехе токарил. И резьбу он же нарезал. Занятие не для наладчика, но обидно перед самым пуском идти на отступную из-за какой-то тяги.

На пуске красную ленточку не разрезали, речей не говорили: пуск стал рядовым явлением. Сахно обнял ребят своими ухватистыми ручищами, пригласил к себе в кабинет, намекнув: «Душу трохи погреем». А потом вдруг вперился глазами в ваденки Ивана:

— Чи старые, чи новые?

— Старые,— заулыбался Иван.— Еще дед мой носил.

— Ай, чертяка!— хохотнул Сахно и посерьезнел:— В старой обуви на новую фабрику — ни-ни, не моги. Идем, я сам тебе новые подарю.

2. Спор

Утром Костя Протасов, молодой начальник цеха, приехавший в Нефтекамск после института, попросил:

— Ребята, вы бы раскрутили мне барабан в другую сторону. Можно, а?

— Попробуем,— сказали наладчики.

Красильная машина Костромского завода имеет свою станцию управления. Отсюда двигатели запускаются, переводятся с первой скорости на вторую, регулируются режимы: заправка полотна, его выборка, прямой ход, обратный и т. д. В самой машине громадный барабан подобен вороту, каким открывали в стародавние времена крепостные ворота, впуская возвращающуюся домой дружину. Этот барабан и крутит полотно — десяток холстин, сшитых в разных местах; они ниспадают с барабана на гладкий полированный вал и, получив порцию красителя, вновь устремляются к самому потолку машины. Внутри ее водопадом бурлит так называемая технологическая среда. И постепенно на глазах полотна занимается алым цветом, который становится все гуще, все сочнее. Именно с красного полотна приступили в цехе к эксперименту.

А потом полотно промывают водой, и вот уже его пора выбирать. Тут главное, чтобы автоматика не отказала и работница проявила сноровку. Девчатам с утра выдали новые фартуки и сапоги, и они, облачившись в этот наряд, вдруг стали подчеркнута вежливы, таинственны и неприступны. Что делает форма с человеком!

Уважили ребята просьбу Кости Протасова. Тем более, что работа не хлопотная, если схему, разумеется, знаешь, как свои пять пальцев и она уже выверена и опробована. Поменять на станции управления два привода на клеммнике и прибавить на реле времени секунды две-три. Вот и вся работа.

При выборке — а ее черед пришел — стал барабан разворачиваться обратным ходом. Позвали Костю, который все время бегал то в дирекцию, то к технологам, то в завком, — большую активность

проявлял. «Вот спасибо»,— повеселел Костя и даже произнес пару умных фраз о прогрессивных методах труда.

— Это за что «спасибо»?— удивилась Светлана.

— За придание двигателю реверсивности,— строго сказал Костя, не преминув вернуть техническое словечко.

— Ух ты, реверсивность!— передразнила Светлана, обжигая Костю взглядом.— А ты попробуй теперь зачалить холст.

— Как это «зачалить»?— опешил Костя. В институтской программе он такого слова не слышал.

— А видел, как рыбаки бредень зачаливают? Вот и попробуй холст зачалить на отжимной барабан; с этой твоей ре-вер-сив-но-стью,— по слогам язвительно проговорила Светлана.

Наладчики, рассовав инструменты по карманам, сгрудились у машины. Ай да Светлана! Тихоня, бывает слова за весь день не проронит, все молчком и молчком, а тут развернула целую полемику.

Наладчики порой суеверны, как моряки. Женщина для тех и других— на корабле и на пусковом объекте— дурная примета. К тому же в наладке не последнюю роль играют сила и выносливость. Недосыпаешь, недоедаешь, морозы, дожди, авральная работенка по ночам— это, что ни говори, привилегия сильного пола. Но Светланку все-таки приняли в наладку. Прежде она работала мастером на комбинате шелковых тканей в одном маленьком городке. Городок был действительно маленький: деревянные домики, палисадникова зелень, узкие патриархальные улочки— за полчаса обойдешь,— а комбинат большой. И станки большие, конвейеры французской марки и наши, отечественные. И пока их пускали— заметно похудели от каждодневных забот ребята-наладчики. Впрочем, несмотря на заботы, они находили все же время, забегали в ткацкий, уже действующий цех поглядеть на работающих там девчат и искренне удивлялись: как это девчонки в громыхании станков понимают Светланку, слышат ее команды. «А по губам,— простодушно объяснила Светлана.— Они у меня выразительные!»

Понятливой оказалась и сама Светлана. Когда «обкатывали» конвейер фирмы «Анвер» и почему-то отказала адресная система, построенная на релейных блоках, Светлана помогала ребятам ее наладить. «Да у тебя природный дар,— хвалили ее наладчики.— Чутье».

Тут Светлана, набравшись храбрости, и попросилась в бригаду: ну, пусть сперва хотя бы ученицей или приборы таскать за ними— кем угодно.

А теперь она неожиданно для всех поспорила с Костей, бросила ему, так сказать, перчатку. Костя даже малость дрогнул. «Переведите автомат на выборку»,— побледнев, кивнул он наладчикам. Те перевели.

И вот зарябил в глазах красный бесконечный круг. Костя выступил вперед, стараясь не показывать волнения. Первая попытка ему не удалась: полотно как бы набегало сверху, лавиной, и ухватить «сшивку», то место, где круг, собственно, и становился кругом, было непросто. Лишь со второй попытки он уцепил обеими руками наплывающее полотно. Костю порядком потрянуло, словно под ток попал, шея взбурлилась от натуги и, не отцепись он вовремя, или рука бы под валик съехала, или головой бы под барабан угодила.

— Третий раунд!— торжественно возгласил Костя Дыкин, юркий, насмешливый наладчик.

— Не надо третьего,— вмешалась Светлана.— Выбрали время шутить.

— Я по науке, а оно...— бормотал про себя Костя,— оно не по науке...

Еще пять минут назад он был уверен, что раскрути барабан по часовой стрелке— и это сократит время на выполнение операции. Куда там!

— Мальчики, давайте по-старому,— попросила Светлана,— без— как его?— реверанса.

Ребята прыснули со смеху.

— Реверсивность, а не реверанс,— взмолился от досады Костя.

Поддела Костю Светлана. Она-то прекрасно знала, что реверсивность— свойство двигателя вращаться в ту и в другую сторону. Знала, но виду не подавала, хитрая.

Ребята снова переналадили схему. Снова перекинули на станции управления провода, подрегулировали релюшку.

Теперь уж Светлана, сдвинув брови, заняла позицию у машины. Пуск! И неподатливое сырое полотно прямо заструилось в ее руки, смотреть на это было удивительно, точно глазам открывалась тайна волшебства. А Светлана ловко подхватила полотно и по-женски изящным движением заправила в отжимной барабан. И— похоже стало— полоска зари заалела в цехе. Девчата захопали в ладоши. Им же, в конце концов, обслуживать машину, а не Косте Протасову. А Светлана ему наглядный урок преподала. Не хуже любого мастера-инструктора.

— Ура!— гаркнули наладчики.

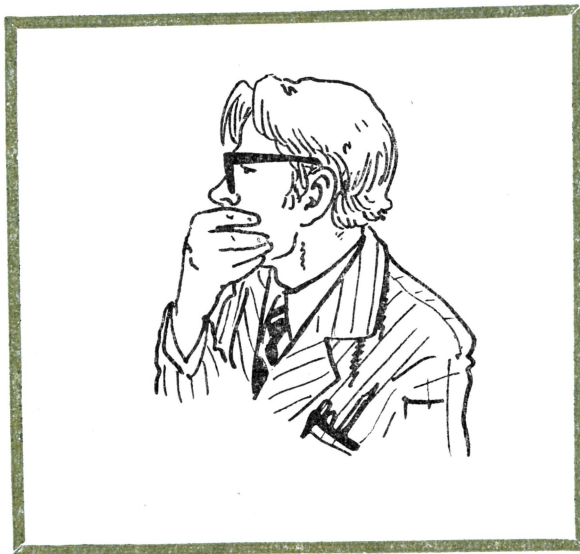
И Костя Протасов не удержался и крикнул со всеми: «Ура!»

До того красивое было зрелище.

3. Музыка

Димке Ерохину поручили выпустить стенную газету. Как раз приближался пуск красильно-отделочного цеха. Вот к этой дате и поручили.

— Только со стихами,— сказал шеф-инженер Лебедев.— Знаешь, что-нибудь этакое, музыкальное...

Шеф-инженер играл на пианино и благоговел перед классикой.

— Со стихами?— удивленно переспросил Димка.— Я их сроду не писал.

— Напишешь, напишешь,— шеф даже похлопал Димку по плечу, в знак особого доверия.

Устным приказом он освободил Димку от всяческих работ, и тот уныло побрел в комнату наладчиков, их походную резиденцию, где по углам груды лежали валенки, сапоги, брезентовые куртки, по столам были разбросаны чертежи, инструменты, мотки провода и прочий технический реквизит.

Разложив перед собой нетронутой белизны лист бумаги и крупно подписав сверху: «Стихи», Димка задумался. За окном как-то неровно падал снег, то косыми нитями, а то валил хлопьями. На дороге снег пожелтел, порыхлел — весна была не за горами.

Первые строки пришли внезапно. Удивившись самому себе, Димка нацарапал их, крепко надавливая пером, будто отверткой болты прокручивал:

Когда город рассветный зажигает огни,
Когда улицы дышат ветрами,
Нас огромная стройка зовет и манит,
Молодыми зовет голосами.

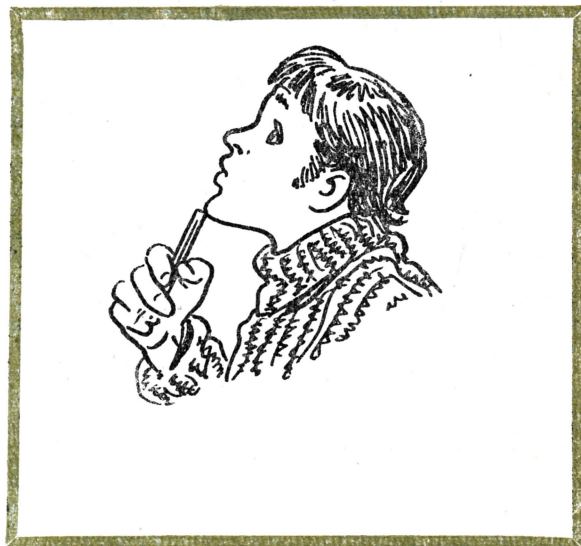
Откинувшись на стуле, он полюбовался своим творением и, припомнив пожелание шефа о музыкальности, ухватился за само слово «музыка». И тут его фантазия дала крен. «Музыка» решительно ни с чем не рифмовалась. Бестолковые слова и целые предложения лезли в голову, и Димка отбрасывал их с яростью тореадора, вышедшего на бой.

Погрустил-погрустил Димка, глядя в окно на снег, на дорогу, потом встал, прикрыл написанное газеткой и полпелся на третий этаж главного корпуса, где его друзья готовили пуск технологической линии.

По всему пространству громадного цеха сновали люди.

Димка подошел к Павлычу, которого за роскошные казацкие усы так прямо и прозвали: «Усы».

— Усы,— проникновенным голосом сказал Димка.— Придумай рифму к слову «музыка».

Павлыч настраивал регулятор, дело не клеилось: ему явно было не до музыки.

— Иди ты...— отмахнулся Павлыч отверткой.— Выбрал время...

Выражение лица у него было прямо свирепое.

— Ладно, ладно,— примирительно проворчал Димка.— А регулятор ты влево загнал, по шкале. Поддай чуток правее.

— Верно,— пробормотал Павлыч.— А я не заметил. Вот голова!

Оставив Павлыча в растрепанных чувствах, Димка продолжил свой путь. «Буги-вуги, центрифуги», плелось у него в голове. Тьфу, напасть!

А солнце, заметно повеселевшее в последнюю неделю, совершало свой круг по белому, словно инеем припорошенному небу, и в самом его свете чудилась Димке музыка.

— Музыка?— переспросил Димку Толя Корнеев, спокойный, добродушный увалень, «старичок» в наладке.— Слушай,— оживился он,— где-то, не помню, читал я: крокодилы тоже, оказывается, понимают музыку, но по-своему, ну вроде как она доходит до них трансформированной и регулирует у них, крокодилов, аппетит. Ты не слыхал, а?

— Да мне рифма нужна!— в отчаянии взревел Димка.— Рифма! А ты лезешь с дурацкими крокодилами.

— А-а... рифма... — протянул Толя.— Рифмы не знаю.

Ноги исколотил Димка, а толку никакого. Все заняты, у всех щетина с проволоку, давно не стриглись, не брились, и дом родной давным-давно не видели. Наконец, он решил оставить товарищей в покое, не нервировать их понапрасну. У Вити Левина спросил так, по инерции:

— Вить, а Витя, а к слову «музыка» какое слово подходит? Ну, например, «кровь-любовь», «боец-удалец». А к «музыке»?

К этому времени Витя Левин проверил — «прозвонил» — цепи, выставил на панели управления тумблеры, ключи, уставки защиты. В последний раз окинув все придирчивым взглядом, надавил пальцем на кнопку. И сказал громко: «Пуск!»

Запела, заиграла машина, внутри ее перепле-

лись разных оттенков звуки, весело загомонили шестерни и валы главного привода: это и впрямь была музыка, ее полнота и ритм заставили сладко вздрогнуть сердце.

— «Музыка — пуск»... — растроганно пробормотал Димка. — Нет, негодная рифма. А станочек добрый...

Газета вышла к сроку. Правда, без стихов.

4. «Прибавь току»

То работы по горло, перекурить некогда, а то в буквальном смысле слова загораешь.

Лежу на камском песочке, макушку газеткой прикрыл, чтобы особо не припекало. Покой, благодать. Пароход гукнет вблизи, подплывет неторопко, накатит с шуршанием волны, и снова горячий воздух точно придавливает землю, разлита в нем ленивая тишина. Лежу и думаю. Не о конкретных предметах, а так, вообще: о нашей бродяжьей жизни, и чем она хороша, и чем плоха. Перебираю события недавних дней — всего было поровну: и веселого и горького. Все по справедливости поделено.

Конечно, главное событие — акт о сдаче-приемке «подстанции № 2 — десять киловольт». Его мы подписали. Энергия, какая заводу необходима, поступает. Потом я ходил к энергетика Пал Палычу подписывать еще одну бумагу. Нельзя сказать, что пустяковую, но и не бог весть какую ценную, с актом не сравнишь. Инструктаж по технике безопасности. Мол, прослушали наставления Пал Палыча, вникли, мол, куда лезть, а куда воздержаться. Техника безопасности для нас вроде утренней молитвы: нужно знать назубок. Пал Палыч в настроении, поставил размашистый росчерк и весело спросил: «Всяко-разных ЧП не было?» «Нет», — говорю, а сам себе думаю: кабы были, дорогой Пал Палыч, еряд ли бы я с вами тут беседовал. Да втемяшилось мне в голову это короткое слово «ЧП», словно нарочито стиснутое до двух букв, для большего устра-

шения, что и теперь, на берегу Камы, загораю, а две буквы возле меня назойливыми пчелами кружат.

Ну, право, что такое «ЧП» в нашей работе? Попасть под напряжение? (Свят-свят!) Свалиться в кабельный колодец? (Ух! Мурашки по спине!) Или прибор сжечь? Недавно, к примеру, Ваня Зайцев спалил дорогой амперметр электромагнитной системы. За это «ЧП» его, думаю, по головке не погладят. Они, «ЧП», от нашей беспечности. Это не работа, когда «ЧП». Вот если наладчик до потемнения в глазах сидит на подстанции, или в цехе, приводя в разумное чувство строптивый кондиционер, или у парового котла, сам многократно рискуя «испариться», когда он в сотый раз плутает по схеме и, наконец, — «эврика!» — находит решение, когда минутки свободной нет перекусить краюхой хлеба, загодя припасенной, и товарищ из соседней бригады сильно втискивает в него бутерброд, памятуя о сроках, сроках и сроках сдачи подстанции или там цеха — вот тогда это и есть настоящая мужская работа наладчика, несравнимая ни с какой другою. Тогда она повинуется роковой фразе: «Пуск завтра, утром!»

Станков, двигателей, приборов, автоматов разных — тьма-тьмущая, и наладчик обязан их настроить, отрегулировать, оживить. Он к ним — добром, а они выкидывают фокусы. Задают загадки без разгадок. А то и пугают. Все ж везде электричество.

Иногда начинается со смешного, а потом, глядишь, дело принимает серьезный оборот. На текстильном комбинате, помню, прибегает ко мне мастер. «Помоги, — просит, — Серафиме. У Серафимы веретено «гуляет». «В каком плане гуляет? — спрашиваю, очень уж забавно стало. — По надобности или без?» «Без надобности», — трагически шепчет мастер и подсовывает инструкцию. В ней написано: «Прядильщица должна придти на работу за 15—20 минут в соответствующей одежде и с необходимым инструментом. При приемке смены прядильщица должна проверить: наличие ровницы, чистоту рабочего места, качество пряжи. Если есть гуляющее веретено, то спросить, по какой причине оно гуляет». Я не удержался от смеха. «А мне у кого спросить? У Серафимы или у веретена?» Мастер печальным голосом: «Веретено не скажет. А Серафима не знает»

На прядильной машине веретена по всей длине рядками, точно воробушки на проводах. А одно веретено прямо-таки взбесилось: подпрыгивает, нитку рвет. По-ихнему, «гуляет». Каков стиль! Серафима, девчонка лет семнадцати, глядит с мольбой. «Ладно, Серафима, сделаю». И провозился я с проклятым веретенком. Там от мотора привод барахлил, не выдерживал постоянной скорости вращения.

Сейчас, спустя время, думаю: мог бы и не возиться, моя, дескать, хата с краю, зовите механика. Но я наладчик, а на наладчика смотрят, как на бога. Он, по мнению окружающих, все умеет.

Все да не все. Однажды отсекагель так и не отрегулировал. Только перепугался досмерти. Отсекатель на котле — прибор, подобный заслонке. Оправдывая свое название, он отсекает доступ мазута в систему. Занимаюсь с прибором согласно объему испытаний: то опущу его в раструб, то подниму. И вдруг по глазам будто молния стеганула, дым коромыслом, и я на котле верхом, как кочегар в преисподней. Дверка пудовая едва с петель не сорвалась. Потом понял: мазут просочился, температура высокая и — микровзрыв. «Микро» или «макро» — мне от этого не легче.

Вижу скуластое бородастое лицо Юры Петрова, шефа котельщиков. «Дверка, старик, детская шалость, — таинственно улыбаясь, говорил Петров. — Вот когда трубы рвутся, тогда — кошмар, тогда — свистать всех наверх!»

Так что без «ЧП» все-таки, хочешь — не хочешь, а не обходится. И все-таки, чтоб им пусто было!

Не успел я проникновенно так подумать, смотрю: разворачивается перед пляжем «аварийка». Выскакивает из нее Ишимбаев, энергетик с подстанции, и мелко-мелко семенит короткими ножками в моем направлении. «Дорогой! — издали вскрикивает. — Мы тебя обыскались. Полежай в машину!» С тоскою поглядел я на реку, на ее серебристые волны, подхватил в охапку вещички и — за Ишимбаевым.

Дело — дрянь! Бульдозерист прокладывал траншею, наткнулся на кабель и «погасил» целый фабричный цех. А в цехе процесс непрерывный, и его более как на час-два нельзя останавливать. «Посадили» цех на резервный кабель, от другого трансформатора. «Директор с меня стружку снимет», —

жалуется Ишимбаев. А чего зря стружку снимать! Он-то вовсе не виноват, Ишимбаев. Релейная защита там настроена по наибольшей нагрузке двух цехов, а туда еще третий включили. Ну, представьте себе, несете вы мешок в гору, а вам сверху второй наваливают. Выдержите? Вот и релейная защита не выдерживает. Она — механизм тонкий, перегруз чует. Релейный диск накручивает свои секунды, ток в катушке растет до тока срабатывания, масляный выключатель со страшным грохотом вырубается, и опять — общее погашение.

— Перестрой защиту, — просит Ишимбаев. — Прибавь ей, проклятой, току.

— А сколько даете времени?

— Ну, час. Ну, от силы — полтора, — извиняющимся голосом говорит Ишимбаев.

Да, веселенькая арифметика! Подъехали к фабрике, бегом — на подстанцию, и будто хронометр внутри у меня включился. Отстукивает. Минуту — снять крышку с реле. Десять минут — собрать испытательную схему (обычно собираешь за полчаса). Пять минут — зачистить провода (тьфу, зараза, нож тупой!). Пять минут — подсоединить провода к клеммнику. Пока подготовка. А испытание или, по науке, «опробование защиты» может перевернуть самые пылкие надежды. Надо, чтоб каждый раз реле четко срабатывало с определенной выдержкой времени. Бывает полдня проканителиться. Но тут хорошо — сразу заладилось. Пятнадцать минут — и готово дело. Я повеселел.

Рано повеселел: реле контакты замыкает, а катушка не выбивает привод. Это, знаете, случись где короткое замыкание, защита не сработает — и погорит все к дьяволу.

Ишимбаев нетерпеливо вышагивает, маячит перед глазами, на нервы действует. Прошу его посидеть в сторонке. Он не противится, затихает где-то в уголке. Остервенело вращаю ручку мегомметра. Стрелка показывает сопротивление изоляции. А моя внутренняя стрелка, мой хронометр фиксирует: норма! Норма! Нуль! «Ага, нуль! — повторяю вслух со злорадной ухмылкой. — Попался, голубчик!» Один провод в цепи касается заземленного корпуса. Ликвидирую. Теперь катушка оживает.

Разбираю схему, попеременно жонглирую то отверткой, то плоскогубцами, то гаечным ключом. Давно заметили: когда спешишь и хочешь сделать быстрее, назло выходит медленнее. Крохотный болтик — доброго слова не стоит — выскользнул из рук и — кувырк! — в реле. Застопорит диск — тут и авария.

Пришлось снимать реле с панели.

Звонок длинный, переливчатый. Голос директора в трубке: «Скоро?» Без всяких предисловий. «Еще пять минут, — говорю. — Через пять минут можете пускать машины».

За пять минут я не управился. Управился за десять. Но технология, к счастью, не пострадала.

«Одна бывальщина кончается, другая — продолжается», — говорят в народе. Мои истории тоже продолжают: записями в моих блокнотах, делами моих друзей, рокотом станков в цехах, справивших новостей.

Самолет, качнув крыльями, уносит меня из Башкирии.

До свидания, стройка! До свидания, Нефтекамск!

Марина Чечнева — Герой Советского Союза, кандидат исторических наук, председатель Комитета ветеранов Великой Отечественной войны. Имя М. П. Чечневой — бывшей летчицы, майора 46-го гвардейского ордена Красного Знамени и ордена Кутузова III степени Таманского женского бомбардировочного полка — известно каждому ученику 22-й школы города Хабаровска.

Три года следопыты группы «Поиск» собирали материал об отважной летчице. Здесь и вырезки из газет и журналов довоенных и военных лет, фотографии Марины Чечневой, ее спортивные дипломы заслуженного мастера спорта, переписка с московскими следопытами школы имени О. Гротевоя, где Марина Чечнева до войны работала старшей пионервожатой.

Особенно дороги ребятам письма самой прославленной летчицы и ее воспоминания о боевых друзьях-однополчанях.

Красные следопыты другой хабаровской школы — средней школы № 74 — посвятили свой поиск герою гражданской войны Виталию Баневуру.

Юные корреспонденты школы № 7 города Николаева посвятили свой поиск журналистам города, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны. Особенно много интересных материалов у них о фотокорреспонденте областной комсомольской газеты «Большевикское племя» Николае Ксенофонтове. Он участвовал в освобождении Крыма, был одним из первых журналистов, побывавших в Севастополе и Ялте.

В школьном музее хранятся восемнадцать фронтовых снимков, сделанных героем-земляком. Сейчас ребята разыскивают людей, запечатленных на этих фотографиях.

Уже более десяти лет существует школьный музей села Махнева Свердловской области. Часть его экспозиций рассказывает об Урале XIX века. Здесь представлены предметы быта, орудия труда, одежда крестьян. Один раздел музея посвящен героям гражданской войны и людям, проводившим в Махневской волости коллективизацию, другой — участникам Великой Отечественной войны, среди которых восемь Героев Советского Союза.

Есть в музее уникальные экспонаты — подлинные документы из архивов бывшей Махневской волости, рассказывающие о начале коллективизации, фотография уральской делегации на I съезде учителей, снятой у Мавзоля В. И. Ленина в 1925 году. На этом съезде делегатами от махневской школы были Н. Бранников и его жена Татьяна Григорьевна. Она подарила музею платок делегатки с изображением Владимира Ильича.

Особый стенд музея рассказывает об истории школы, со дня основания которой прошло уже более ста лет.

Следопыты средней школы села Михалишки Островецкого района Гродненской области уже несколько лет вместе со своим учителем М. А. Клецковским пишут историю родного села. Ребята изучали архивные материалы, работали в библиотеках, раздобыли старые географические словари, беседовали со старожилами. В результате они собрали богатый материал по истории Михалишек.

Так стало известно, что в средние века в этих местах активно действовали иезуиты. Именно тогда появились костелы в Гервяхтах, Михалишках, Островеце. Иезуиты несли белорусам нищету и голод. Недаром от тех времен остались такие названия, как Голодно, Голоднянко, поговорка «Островец — свету конец».

Ребята установили, что Петр I проездом из Вильно в Полоцк останавливался в Михалишках. А в нескольких километрах от села шли кровопролитные бои между русскими и шведами во время Северной войны.

Были следопыты в походе по озерам Подкостелок, Голубино, Подлилье, Тумки. Во время Отечественной войны 1812 года здесь проходил стратегический рубеж русской обороны. Сохранились многочисленные курганы.

Славится история села и своими революционными традициями. В школе на основе собранных следопытами материалов открыт историко-краеведческий музей.

ИЗВЕРННЫЙ СОБОЛЬ

Повесть

Евгений БОГДАНОВ

Рисунки С. Киприна

ГЛАВА ПЯТАЯ

В конце Ямальского волока, в устье реки Се-Яха, на выходе в Обскую губу летом Мангазея держала стражу — четверых стрельцов. Служивые жили на правом берегу Зеленой реки в полуземлянке с глинобитной печью, нарами, на которых лежали тюфяки с сеном. Лесу в этих местах не было, и жилье построили из чего пришлось — из бревен и досок, захваченных из дому, глины и камня. Рядом была избушка для ночлега путешественников. Под берегом, у приливной черты, стрельцы соорудили крохотную баньку с каменной, а повыше, на косогоре, амбар для хранения съестных припасов. Возле жилья на кольях сушились сети, тут же, развешенная, вялилась рыба.

Для рыбной ловли у стрельцов была лодка. На ней выезжали с неводом на реку, а когда было тихо, рыбачили и в Обской губе. Для возвращения в Мангазею имелся большой морской карбас с парусом и тремя парами весел.

Зимой стражи здесь не держали из-за лютых холодов и непроходимости Ямальского волока. А летом стрельцам тут жилось привольно. Дичи и всякого зверья, как и рыбы, водилось в изобилии. Стрельцы охотились на тундровых куропаток, прилетных гусей и уток. В реке ловили саженных щук, нельму, осетра. В губе промышляли пыжьяна, чира. Иной раз удавалось подстрелить и дикого оленя.

В ямальское «сидение» служивые шли охотно — ради отдыха, речного и морского промысла на даровых казенных хлебах и денежном довольствии. И хотя караулить было нечего и некого, стрельцы все же службу несли исправно. Круглые сутки на берегу возле костра сменялись дозорные.

В канун Ильина дня стрельцы помылись в бане и рано легли спать, чтобы наутро, как следует по

русскому обычаю, встретить праздник Ильи-пророка. По старому стилю он приходился на 20 июля. С Ильей были связаны народные приметы. «До Ильина дни в сене пуд меду, а после Ильина дни — пуд навозу» — гласила пословица, связанная с сенокосом.

На Ямале сенокосом не занимались, пчел не держали, но Ильину дню воздавали должное. Грома здесь не гремели, заполярная северная сторона редко видела грозы. Однако на стрелецком стане среди ночи, переполошив спящих воинов, раздался гром...

Караул сменился в полночь. Заступивший на дежурство стрелец добавил в костер дров, уселся поудобнее на положенном возле кострища бревне, пристроил рядом мушкет и, запахнув поплотнее кафтан, задремал. Белая ночь, чуть потемневшая к концу июля, была тиха и задумчива. Под обрывом струилась река, качались в воде осока-резунья да хвощ. На камне неподвижно стоял кулик на тонких ножках, и хвост у него дрожал, словно эта приченная птаха озябла от сырости.

На другом берегу по низинам стлался парным молоком туман. Солнце, едва зайдя за горизонт, тут же показало из вод Обской губы свой багровый край. Навстречу солнцу с верховьев реки двигалось судно, похожее на большой морской карбас. Гребцы, видимо, устали и взмахивали веслами редко и тяжело.

Это был коч холмогорцев. Аверьян, оглядывая берега, заметил костерок и сгорбившуюся возле него фигуру. Поморы несказанно удивились, впервые за два с лишним месяца встретив на своем пути человека.

Коч повернулся к берегу и ткнулся носом в песок под обрывом, на котором горел костер. Герасим неосторожно стукнул веслом о борт. Стрелец вздрогнул, протер глаза, схватился за мушкет.

— Эй, не стреляй! Сперва поговорим! — крикнул Аверьян.

Он сошел на берег и направился к костру.

Стрелец для порядка все-таки выстрелил в воздух. Из караульной землянки, взбудораженные ружейным громом, наскоро одетые, выбежали осталь-

Продолжение. Начало см. № 5.

ные стрельцы. Старшой — Михайло Обрезков — успел нацепить саблю, и она билась ножами о голенища сапог.

Обрезков хотел было спросить грозно: «Кто такие? Откуда? Зачем?». Но с самой весны так истосковался по людям, ему так надоело смотреть на одни и те же лица своих сотоварищей, что он смягчился и сказал миролюбиво:

— Милости просим, дорогие гости! Откуда пожаловали? Видать, с Поморья? Али с Пинегги?

— Из самих Холмогор! — с достоинством ответил Аверьян, сняв шапку и поклонившись.

— Из Холмогор? — удивился стрелец и вдруг изо всей силы обнял Аверьяна. — Счастливые вы, видать, под праздник пришли! Таким гостям мы вдвойне рады. Только сперва надо службу соблюсти. Ты уж не обидься. Бумага у ты есть какая ни то?

— Есть, есть, — Аверьян вытащил из-за пазухи кожаный мешочек, что висел на ремешке на шее, вынул из него грамотку, полученную перед отъездом в Холмогорах. Стрелец стал ее читать:

«Дана грамота холмогорскому вольному крестьянину и промышленнику Бармину Аверьяну, сыну Петрову о том, что промышленник опытный человек православный, звания достойного, поведения благонравного, отправился своим коштом для промышленного и торгового дела в Мангазею. И просят в оном деле препятствий ему не чинить, а во всем оказывать подмогу. А идут с ним на его коче трое холмогорцев: Никифор Деев, сын Григорьев, Герасим Гостев, сын Офонасев, и сын оного Аверьяна шошнадцати лет по имени Гурий. И все они тоже люди порядочные, уважаемые, и о том составлена сия грамота 1609 года, апреля 28 дни с ведома архиепископа да воеводы. А составил грамоту и скрепил оную печатью дьяк воеводского приказа Леонтий Струнников...»

Пока старшой, шевеля губами, читал грамоту, Гурий с любопытством разглядывал стрельцов, одетых в кафтаны, высокие сапоги. На головах у них красовались островерхие шапки.

— Грамота как следует быть, — сказал Обрезков. — Думку твою, холмогорец, угадываю: идешь промышленять соболем кулемками да кошельком? Так-так. Но придется тебе, мил-человек, заплатить проходную пошнину в воеводскую казну: шесть гривен¹ серебром. Тогда и весь спрос с тебя. Пойдем-ко...

Аверьян и стрелец ушли в землянку. Остальные служивые стали осматривать коч, дивовались тому, как крепко и ладно он шит. Потом долго говорили с холмогорцами, сидя на берегу.

Стрельцы были рослы, сильны, с упитанными розовощекими лицами, одеты опрятно, и во всем у них был порядок. В жилье скамьи чисто выскоблены, на столе полотняная набойчатая скатерть.

Промышленники за долгий путь исхудали, одежда-обувка на них поизносилась, пообтерхалась. Герасим первым делом спросил:

— А банька у вас есть? Мы ить как из дому вышли — не мылись.

— Есть, есть, спворим быстро! — засуетились хозяева.

— Соболя нынче даются дорогой ценой. Не то, что раньше, — сдержанно сказал Михайло Обрезков Аверьяну, когда они сидели вдвоем на берегу, а все остальные после бани и застолья крепко спали. — Ты в Мангазее бывал раньше-то?

— Не доводилось. Слыживал, что там слободка есть. Избы да амбары промышленниками срубленные. А после, говорят, острог возвели...

— Теперь уж не острог, а крепость. И не слободка, а город дивный, первостатейный. Изб в крепости много, воеводский двор, таможня, съезжая, аманатская изба, караульная — все есть. Да и на посаде изб немало. Две церкви. Людное место, бойкое. По весне боле тыщи народу на торг собирается: самоеды, остяки, купцы из Тобольска да Борисова. Теперь, брат, Мангазею не узнать! Диву даешься: за каких-то пять годиков расцвел город. Дивна судьба Мангазеи. А есть у меня предчувствие, што плохо она для нее обернется. Выловят кругом зверье — замрет город. Торговли не будет, и народ на другие места потянется...

Михайло умолк, подбросил в костер дров и продолжал:

— Соболей уж и теперь много повыволовили. Редки они стали да и дороги. Сам посуди: охотник ясак царю платит, воеводе — платит, затем общинникам, кои город содержат, да одного зверя сборщику ясака, да подьячему, да караульщикам... Сколько же остается у него мехов-то? Всего ничего. Ты, вижу, промышленник небогатый, купец невеликий. Руки дрожали, когда шесть гривен отсчитывал. На деньги тебе мехов не закупить. Рассчитывай, стало быть, на свой труд да на удачу в промысле. Зимовать будешь?

— Придется, видно, — ответил озадаченный Аверьян. — Соболей ведь зимой промышленяют.

— Ну, зимовка — дело нелегкое. Харчей надо немало, одежды, припасов. Так что на дешевый товар не рассчитывай.

Стрелец умолк.

— Понял, братец, — сказал Аверьян. — Спасибо за советы. Как бы трудно ни было, обратно ни с чем не пойдешь...

За сутки артельщики немного отдохнули. Коч Аверьяна покинул гостеприимный стрелецкий стан и пошел Обской губой дальше, к своей цели.

Мангазейский воевода Иван Нелединский в своей канцелярии разбирал судные дела и жалобы, венчая их приговором. Он сидел за столом, покрытым тканой зеленой скатертью с голубыми узорами по кромке, расстегнув воротник кафтана: в комнате жарко натоплено, пахнет дымком. Слуги недавно, видно, закрыли печь. Воевода недовольно морщил нос. Вьющиеся черные волосы его были расчесаны на прямой пробор. Из-под выпуклого лба, из-под угрюмых широких бровей сердито глядели цепкие ястребиные глаза. Борода у воеводы курчава, окладиста, лицо белое, упитанное. На руках золотые перстни с камнями.

В небольшое оконце с тонким свинцовым переплетом видны площадь с проходящими и проезжающими мангазейцами. Верхушка Троицкой церкви сверкала куполами.

Сбоку у стола примостился благообразного вида длинноволосый подьячий с толстоносым хитроватым лицом. Губы у него узкие, злые. Перед подьячим — бумага, бронзовая чернильница с маленькими ушками для подвески к поясу на шнурке. В руке — гусиное перо, только что очиненное.

Стрелецкий голова Иван Батура пришел к воеводе с докладом о происшествиях в мангазейской вотчине за последние дни.

— Позавчера стрельцы приволокли в съезжую язычника по имени Тосана. Был он дело пьян, а при

¹ Здесь — шестьдесят копеек (шесть гривенников).

нем нашли порох и пули в количестве изрядном,— говорил Батура, стоя перед воеводой. Он был высок и чуть наклонял голову, чтобы не задеть за низкую притолоку.— Когда самоед проснулся, стали пытаться, где он взял огневой запас. А он поведал, что запас этот весной купил у купцов, имени коих не ведаю, спрятал в посаде, а ночью хотел увезти в становище. Где прятал — тоже не сказал. Ну, запас, понятное дело, отобрали, самоеда выпороли и выпустили...

— Для чего отпустили?— спросил воевода.— Не выпытав, у кого взял порох да свинец, нельзя было выпускать! Забыли, как осаждали крепость пять лет

назад? Еще того не хватало, чтобы туземцы в нас нашими же пулями палили? Где он теперь, этот самоед?

— Откочевал неведомо куда.

Воевода недовольно хмыкнул:

— Разыскать! Допросить сызнова. Откуда туземцам взять огневое зелье, как не у стрельцов? Сам виноват: за стрельцами плохо следишь,— выговаривал воевода.— Сыскать самоеда!

— Будет исполнено,— поспешно заверил Батура.— А кладовки свои проверю, все припасы огневые перевешаю и опечатаю.

— Проверь-ко, проверь! Ну, што еще?

— Из Инбацких краев, с верховьев Таза самоеды приезжали. Челом били. Жаловались, што шайка лихих людей ночью налетела на стойбище. Все барахло туземцев перетрясли, искали меха да золото-серебро. Двух молодых самоедов в лес утащили. Надругались над ними. Потом отпустили... Зело сердиты были старшины. Еле успокоил. Обещал воров сыскать и наказать.

— Ищи ветра в поле!— раздраженно бросил воевода.

— Старшины говорили, што лихие люди ругались по-русски...

Нелединский вздохнул, подумав, обратился к подьячему:

— Напиши грамоту во все ясачные зимовья: беглых людей ловить, зело виноватых — в колодки и в Тобольск. Мене виноватых гнать в шею из этих

мест. Разбоя в самоедских да остяцких становищах не чинить. А отвечать за все — ясачным сборщикам со стрельдами и казаками. Головой!

Подьячий кивнул, перо заскрипело по бумаге.

— Ну, што еще?

— Ясачного сборщика Рогачева пымали. Привоенных мехов при нем не нашли. Посадили в погреб. Стражу крепкую приставили.

— Поймали-таки. Сколь же он утаил мехов?

— Стоит на своем: соболей не утаивал, с охотников взятки не брал...

— Врет. Допросить хорошенько. С пристрастием!

— Будет исполнено!

Отпустив Батуру и подьячего, Нелединский задумался. Его тревожило, что за последнее время в мангазейском крае не стало порядка. По лесам бродят и разбойничают лихие люди. Ясачные сборщики заворовались, и неизвестно кто крадет казенный порох да продает на сторону. Народ стал дерзок и неповиновен. Царю Василию Шуйскому не до Мангазеи: еле справился с Ивашкой Болотниковым. Да и в его окружении, среди боярства, слышно, идут раздоры. Недолго, видно, править Шуйскому. Ох, дела! Москве не до Сибири. Дай бог престол от врагов Руси уберечь... А здесь надобно полагаться только на свои силы.

Стрельцам было наказано: кто увидит Тосану или узнает, где стоит его чум, немедленно схватить ненеца и доставить к воеводе. Узнав об этом, Лаврушка порядком перетрусил. Сменившись с караула, он оседлал коня и поскакал по берегу Таза, предполагая, что Тосана поставил свой чум где-нибудь у реки. Оленьего стада у него не было, зверя летом в тайге не промышляют, и Тосана, наверное, где-нибудь ловит рыбу, запасая ее впрок.

В своих предположениях Лаврушка не ошибся. Часа через три пути он наткнулся на чум Тосаны.

Ненец развешивал вялиться рыбу, когда стрелец подъехал на маленькой мангазейской лошадке. Казалось, не конь везет Лаврушку, а он, зацемявив лошадку меж ног, тащит ее по мягкой торфянистой тропке...

— Здорово, Тосана! — крикнул стрелец, слезая с седла. — Как ловится рыба? Живешь каково?

Тосана, словно бы не замечая Лаврушку, продолжал свое дело. Наконец он обернулся и, кивнув Лаврушке, сел на бревно.

— Дорово! — отрывисто бросил он, отводя в сторону взгляд. — Садись. Гостем будешь.

Лаврушка привязал коня к дереву, сел рядом.

— Чего сердисься? — спросил он. — Это не тебе надо сердиться, а мне. Пошто свалился пьяный на улице? Я же тебя оставлял в избе поспать! Пошто в съезжую попал? Хорошо хоть обо мне не проговорился. И на том спасибо.

Тосана вздохнул:

— Огненная вода подвела. Шибко подвела...

— Я ведь тебе не навязывал. Ты сам просил выпить.

— Сам. Верно. Пойдем в чум. Угощать буду.

— Спасибо. Мне некогда. Я по делу.

В щель меж шкурами чума за приезжим внимательно смотрели черные глаза Еване. Девушка следила, не будет ли стрелец угощать дядю вином.

— Какое дело? — Тосана настороженно глянул на стрельца.

— Уезжай отсюда. Поскорее. Воевода сердит, ищут тебя. Попадешься — не слобровать. Будут пытаться, где взял порох-свинец. Проговорись — и мне крышка. Понял?

Тосана вздохнул, долго думал. Наконец, сказал: — С земли, где мой отец кочевал, где отец отца кочевал и еще многие кочевали, — уходить?

— Ничего не поделаешь. Голова дороже.

— А ты правду говоришь?

— Вот те крест, святая икона! — Лаврушка перекрестился. — Уезжай сегодня же. Не то схватят. Розыск объявлен. Пропадешь.

— Ладно. Уеду. Мне не долго чум собрать.

Лаврушка поднялся с бревна, подошел к коню, подтянул подпругу, вскочил в седло.

— Ну, прощай! Гостевать у тебя некогда. Скоро заступаю в караул. Помни мой совет. — Стрелец подумал, вынул из-за пазухи мешочек. — На, держи! Малость припасов тебе. Помни: я тебе не враг, а друг.

Тосана поблагодарил, проводил взглядом вершника...

К вечеру Тосана сложил на нарты пожитки и уехал на лесные озера.

Едва коч Аверьяна покинул стоянку в устье реки Зеленой, ветер переменялся и подул с севера вдоль Обской губы. Небо заволочло низкими тяжелыми тучами, и на головы промышленников обрушились потоки дождя. Шквальный ветер, хоть и был попутным, мешал воспользоваться парусом. При малейшем отклонении от курса коч могло перевернуть. С моря в губу нагнало много воды со льдом.

Аверьян, чуть ли не всем телом навалившись на руль, с трудом держал судно по курсу. Валы были высоки и свирепы, и его с кормы обдавало водой, как из бочки. Герасим и Никифор сидели на веслах, помогая удержать коч в нужном направлении. Длинные и прочные весла гнулись и, казалось, вот-вот сломаются. Гурий крепко держал наготове багор и, если к бортам приближались льдины, отталкивал их. Хоть были они невелики, но при такой волне все же могли повредить суденышко.

Отец велел Гурию отлавить набегавшую в коч воду. Паренек взялся за черпак, не забывая следить

за льдами. Он то и дело терял равновесие — коч кидало из стороны в сторону, — и цеплялся за что придется: за борта, за банку, за мачту.

Бармин всматривался в сумеречность полярного ненастного дня и беспокоился, как бы не проскокить мыс, а за ним и Тазовскую губу, которая ответвляется от Обской изогнутым рукавом к востоку.

Аверьян чуть положил руль влево. Теперь волны пошли к борту наискосок, болтанка усилилась, вода плескала в коч. Гурию работы прибавилось. К тому же отец велел убрать мачту. Юноша долго возился с железной скобой, которой мачта крепилась к носовой банке, наконец высвободил ее, но не смог удержать на весу: тяжелая. Верхним концом мачта упала за борт.

— Держи-и-и! Гурка-а-а! — предостерегающе закричал отец, и Гурий, собрав силы, стал вытаскивать мачту. В лицо плескало водой — то ли с неба, то ли с моря — не разберешь. Парень, почти ничего не видя, все-таки выволок мачту из пучины, положил ее вдоль борта.

— Воду отлива-а-й! — опять закричал отец. — Пошевеливайся!

Гурий снова взялся за черпак. Гребцы видели старания парня, понимали, что с непривычки ему трудно, а помочь не могли. Весла нельзя было выпустить из рук.

Наконец впереди слева показался долгожданный мыс. Коч стало прибывать к нему ветром. Но мыс следовало обогнуть и зайти в Тазовскую губу с подветренной стороны. Где-то тут должны быть и отмельные места, каменные гряды. А где? Кто их знает... Вода кипит, волны дыбятся — ничего не видеть. Аверьян стал держаться дальше от берега, рассудив, что на глубине опасности сесть на мель меньше.

Коч понесло мимо мыса вдоль Обской губы. Чутье опытного морехода подсказало Аверьяну, что именно здесь надо круто и сразу поворачивать судно влево. Он бросил взгляд на волны, на суденышко, то взлетавшее вверх на гребни, то проваливавшееся вниз. Гурий, вцепившись в борт, мотал взлохмаченной непокрытой головой и ловил ртом воздух. Его укачало.

— Держись, Гурка-а! — крикнул отец. Он принял неожиданное решение — не поворачивать в этом месте, а пройти еще немного вверх по губе: «Ежели круто повернуть, может сломаться руль, да и коч захлестнет, а то и опрокинет».

Герасим и Никифор работали веслами, полагаясь во всем на кормщика. Гурий справился со своей слабостью, вытер лицо рукавом и принялся вычерпывать воду. Аверьян, улучив момент, когда ветер ослаб, плавно положил руль влево. Коч, описав дугу, стал носом против ветра.

— Гурий! Бери весло! — скомандовал отец, и сам, оставив руль, взялся гребсти...

Аверьян благополучно привел коч к мысу Русский заворот с подветренной стороны. Сразу стало тише. Ветер проносился над головами. Поморы, собрав остаток сил, подошли к берегу, чтобы отдохнуть и привести в порядок судно. Дальнейший путь был менее опасен.

Через три дня после основательной трепки у Русского заворота, после нелегкой работы веслами и путешествия вверх по реке Таз с отмельными, кое-где всхолмленными, местами они увидели, наконец, Мангазею.

Коч подошел к Златокипящей под вечер. Уже потемнела вода в реке, смокли в прибрежных кустах птицы, загустилось синевой облаков небо. Гребцы увидели на правом берегу Таза, на холме, крепостные стены с башнями по углам. Из-за стен

высовывались тесовые крыши домов, а над ними царили, как бы плывя в воздухе, купола Троицкой церкви. Острровершие крыши, верхушки башен, «бочки», врезанные в церковный шатер, золоченые купола с крестами — все тянулось к небу. А внизу под стенами — вода, и город словно вставал прямо из речных глубин. Холмогорцы перестали гребсти, коч остановился и поплыл обратно по течению. Мангазея, окруженная с трех сторон лесом, стала удаляться. В воде, основанием вверх — второй город, отражение первого. И все кругом синевато-сиреневое, словно подернутое дымкой.

Артельщики, спохватившись, взяли за весла, то и дело поворачивая головы к крепости. Гурий был на носу и, затаив дыхание любовался прекрасным зрелищем. Волшебным, неведомым, тающим бездну загадок, представлялся город в его воображении.

Совсем неожиданно церковные купола вспыхнули, загорелись, будто огненные, и кровли домов и башен стали малиновыми. Над обломом стены что-то заблестело, словно глаз какого-то чудища. Облака над городом засветились поверху карминново-фиолетовыми красками, а снизу желтовато-белыми. И лес вокруг как бы ожил, там и сям золотинками заиграли пожелтевшие листья.

Это с запада ударили яркие лучи закатного солнца.

Гурию показалось, что такое диво он когда-то видел, должно быть, в легком и радостном предпраздничном сне? А может, наяву?...

Артельщики не удержались от восторга:

— Дивно-то как!

— И вправду Златокипящая...

Полюбовавшись городом издали, они пошли к берегу, под его стены. Уже и караульный стрелец, что разгуливал на стене, остановился и, облокотясь о бревно, всматривался в подходившее судно. Что за люди? Откуда?

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Под стенами крепости на берегу Таза ни лодок, ни других судов у причалов не было. Карбаса и кочи, должно быть, стояли где-то в ином месте. Пройдя немного вдоль берега, мимо избенки на посаде, Аверьян увидел за узким мысом речку поменьше, впадающую в Таз, — Мангазейку. На ней-то и приткнулось к бревенчатым причалам множество разных суденышек — от шитика до парусника. Туда он и стал править.

Вскоре коч, не дойдя до берега, сел днищем на песок. До земли оставалось несколько сажень.

— Негожее место, отмелое, — проворчал Аверьян. — Надобно поискать поглубже. Тут коч не вытащить.

— А может, на якорь стать? — предложил Герасим.

— Речонка узкая. Другим мешать будем. — Аверьян взял шест. Артельщики оттолкнулись и причалили в другом месте, где было поглубже. Затравеневший берег снизу подмыло водой. Холмогорцы вышли, подтянули судно, вбили заостренный кол и намотали на него причальный конец. Стали на берегу, оглядываясь:

— Ну вот и пришли. Слава богу!

— Только не встретил никто. Ни хлеба-соли, ни пирогов не принесли...

Рядом раздался голос:

— Ишь чего захотели! Пирогов! Хо-хо! А пекут ли у нас пироги-то, не спросили? У нас, брат, и хлеб не всегда досыта...

Холмогорцы обернулись на голос и увидели близости лодку-плоскодонку, только что ткнувшуюся в берег. В ней кучей сложена мокрая сеть, на дне навалом свежая рыба. Иные рыбины еще трепыхались, шлепали хвостами по воде, скопившейся в дощанике от сети. Возле лодки стоял среднего роста сухопарый и жилистый мужик в коротком армяке, высоких бахилах, простоволосый. Он подошел:

— Это я пошутил малость. На жительство не беремся. А будете гостями, так моя женка и пирогами вас накормит, и чарку нальет. Отколь прибыли, православные?

Аверьян ответил, приглядываясь к мужику, как бы оценивая, чего он стоит. Мангазеец был проворен, остер на язык, а глаза у него нахальные, плутоватые, так и зыркают по сторонам, так и ощупывают поморов, коч и поклажу в нем, спрятанную под брезентом.

— Так-так... Значит, холмогорцы, — сказал мужик. — А меня звать Лаврентием. Изба на посаде. Ловлю рыбу, охотой пробавляюсь. Живу, чем бог пошлет. — Лаврушка посмотрел в свой дощаник. — Чем будете заниматься?

— Надобно по начальству явиться, Пошлину, или што там положено, в казну нести, — ответил Аверьян. — А дальше — видно будет...

— Ишь ты, — неодобрительно сказал Лаврушка. — Сразу и платить! Видно богатый пришел. Ну да в ваших краях, говорят, жемчуга да серебро-золото голыми руками в Студеном море берут. Где ночевать-то будете? Ворота в крепости заперты до утра. После захода солнца теперь их запирают наглухо. Коли хотите — идите ко мне на повесть. Одежда оленья дам. Тепло будет. Комарья нынче меньше стало... Дело к осени.

Аверьян опять посмотрел на мангазейца испытующе. «Жулик мангазейский... Видно! Глаза так и бегают, — подумал про себя. — Ночуй у такого — всех перережет, в реку спустит и добро наше загребет».

— Переспим в коче. Привыкли. А ты, значит, рыбак?

— Рыбак. Я же сказал! — Дух предпринимательства с рождения руководил головой Лаврушки. — Купите-ко у меня рыбу. Свежее отменное. Уху сварите...

— Это нам не мешало бы, — Аверьян переглянулся с товарищами. — Заварили бы уху тут, на бережку. Дрова, вижу, можно найти. Не на ямальском волоку. А почему у ты рыба?

— Денег мне не надоть, — Лаврушка поглядел на рыбу в дощанике, прикидывая, сколько ее тут. — А дали бы мне фунта два пороху. Да, может, и свинец у вас есть? Мне ружье зарядить нечем. Хотел вчерась гусей пострелять, да зелья нет...

Аверьян насторожился, смекнув что к чему: «Пытает».

— Нету у нас зелья. Никак нету. А деньгами сколь возьмешь, ежели на уху?

— На деньги не продаю. — Лаврушка зашел в дощаник, взял мокрый мешок, накидал в него щук, окуней, язей и вытряхнул рыбу на траву к ногам Аверьяна. — Ешьте на здоровье. Так даю. Еще свидимся. Зимовать будете?

— Не знаю, — уклончиво ответил Аверьян. — А за рыбу спасибо. Вознаградить тебя не знаю чем... Может, потом рассчитаемся?

— Брось! — Лаврушка замахаля руками. — Рыбы у нас много. Хоть руками лови. Она дешево стоит.

Ну, прощайте. Ежели запонадоблюсь вам — советом помочь или еще что, — спросите Лаврушку, стрельца. Меня тут каждая собака знает. Бабы о меня языки свои до мяса обтерхали... — Лаврушка рассмеялся и стал скидывать в мешок остальную рыбу.

Поморы развели костерок и стали варить уху в котле. Уже поздно улеглись спать в кочке на привычном ложе, оставив одного караульщика, чтобы ненароком на них не напали да не наделали вреда лихие люди, которых, наверное, и здесь немало. «Вот и этот мазурик, — думал Аверьян, засыпая рядом с топором, — хоть и рыбу дал, а, видать, тертый калач. Стрельцом служит, а пороху просит...»

Но чем-то Лаврушка Бармину все же понравилась...

На другой день Аверьян, Герасим да Никифор ушли в крепость по делам, — все разведать да получить необходимые для торговли и промысла разрешения. Гурий остался караулить. Весь день он пробыл возле коча, глядя, как по берегам неторопливо и слаженно течет жизнь мангазейцев. «Люди тут, видать, сытые, богатые, — думал он, видя баб и мужиков рослых, здоровых и уверенных в себе. — Голову несут высоко, одеты справно. Даже ребятина и та кожаные сапожки носит».

Мангазейский воевода принял холмогорских промышленников без особенного радушия. Он сказал Аверьяну, что почти все уголья для охоты на пушного зверя разобраны русскими промысловиками да родовыми старейшинами ненцев и остяков; что пришлых людей много, все понаставили зимовья по обоим берегам реки Таз и даже углубились в леса к Енисею.

— Так что место вам указать не могу, — воевода говорил неохотно, как бы выдавливая из себя слова. — Ищите сами. Могу посоветовать: живут на посаде ваши люди с Поморья, кои пришли сюда давно. Они места эти знают, может, что и дальнее скажут.

Аверьян жал в кулаке деньги, раздумывая: «Давать ему или не давать?» Решил пока не давать. Едва ли придется боярину скудная мзда по нраву. «Он тут, поди, тыщами ворочает!»

— За совет спасибо, боярин. После промысла отблагодарю тебя... А не можешь ли тех людей называть поименно, чтобы легче было найти?

— Разве всех упомянуть? — воевода взял лист чистой бумаги, разгладил его ладонью. Перстень с изумрудом, когда на него упал луч света, сверкнул зеленоватой искоркой. В приказе было тихо и душно. В углу скреблась мышь. Большая печь излучала тепло, навела дремоту. — Поименно узнай у дьяка Аверкиева. — Воевода обмакнул перо в чернильницу, обернувшись к свету, посмотрел, не попала ли на кончик пера волосинка, и закрипел по бумаге, давая понять, что разговор окончен.

Аверьян поклонился, надел шапку и повернулся к двери. Воевода вслед ему бросил:

— Ясак потом не забудь платить. Десятую шкурку. Лучшую!

— Не забуду, — Аверьян обернулся, на всякий случай поклонился воеводе еще раз и, когда взялся за скобу, опять услышал его ровный и властный голос:

— Огненного зелья туземцам не продавать! Помни и товарищам своим накажи!

— Буду помнить. Да нет у нас его, зелья-то. Промышлять собираемся сетями — обметами да кулемами, — отозвался Бармин, зная, что в грамоте царя Бориса, которой он жаловал промышленных людей Двинского уезда, поморам запрещалось привозить как товар порох, свинец и ружья-пищали.

Расставшись с воеводой, Аверьян разыскал дьяка Аверкиева в маленькой пристройке — канцелярии при аманатской избе. Стрелец, стоявший в дверях, загородил было дорогу алебардой, но Аверьян сунул ему в руку пятак, и алебарда отклонилась в сторону.

Аверкиев сидел за столом. Из окна на раскрытую книгу и на плечо дьяка падал дневной свет. Лицо у Аверкиева благообразное, с кудельной жидкой бородой, закрученной на конце штопором. Глаза большие, с желтоватыми белками. Воротник кафтана расстегнут, на шее ходуном ходил острый кадык. Дьяк брал щепоткой из блюда, стоявшего на столе, моченую морошку и, отправляя ее в рот, жмурился и причмокивал. У стены на почтительном расстоянии стоял ненец с обнаженной головой, скуластый, темнолицый, в малице, с мешком в руке. Он говорил на своем языке торопливо и просительно, переминаясь с ноги на ногу. Потом умоак и перестал переминаясь. Дьяк, не обратив внимания на Бармина, опять бросил в рот морошку, прожевал ее и тоже заговорил с нецем на его языке, быстро и свободно. Потом ненец что-то сказал и, вынув из мешка две песцовые шкурки, положил перед дьяком. Тот быстро смахнул их под стол. Аверьян даже раскрыл рот от удивления — так незаметно дьяк это проделал. А под столом стоял плетеный короб, которого помор не заметил, и шкурки упали в этот короб. Аверкиев опять заговорил с нецем, уже мягче, доброжелательней, и позвал дежурного стрельца. Дверь отворилась, в нее сначала просунулась алебарда, а за ней и стрелец. Дьяк приказал:

— Никола! Выпусти князенка Евгая. Свадьбу, вишь, затеяли, так просят на три дня отправить заложника домой. Вместо него посади в аманатскую вот этого самоеда.

Стрелец кивнул, бесцеремонно ухватил за рукав ненца и потащил его из избы. Дьяк опять бросил в рот ягоды и, погодя, сказал вдогонку:

— Нехристи! Ясак не платят, а свадьбы играют. — Он словно бы только теперь увидел Бармина. — А тебе чего? Кто таков?

— Из Холмогор я. Пришел промыслять зверя малой артелью, — ответил Аверьян и положил на стол перед дьяком полтину. Дьяк потянулся за морошкой, на обратном пути провел локтем по столу — полтинника как не бывало. Аверьян еле сдержал улыбку, подумав: «Ну и ловкач! Как это он локтемто?»

— Говори дело. Мне некогда, — отозвался дьяк, причмокивая. Борода тряслась над раскрытой книгой с какими-то записями.

Аверьян объяснил, зачем пришел. Дьяк назвал два имени:

— Сперва справься о Семене Ледашем, пинежанине. Он тут поселился еще до острога. Женат на самоедке, и дети у него пошли — один глаз на поморье глядит, другой в лес. А живет он, — дьяк же досказал, опять потянулся за морошкой. Аверьян не утерпел, спросил:

— С похмелья, что ли?

— Какое с похмелья! Для здоровья ем. Поживи тут с год — все зубы выпадут. Морошкой только и спасаюсь да еловых веток отваром... Дак вот, живет он, Ледаший, на посаде. От постройки медника Матвея третья изба к реке. И еще, — дьяк помедлил. — Ежели Семена дома не окажется — может, ушел в лес али на реку, — спроси Прошку Шенина. Этот из Пустозерска. Он те все расскажет.

— А изба? — спросил Аверьян.

— А изба третья от медника по сю сторону от реки, значит... А сам я те посоветую зверя промыслять вверх по Таз-реке! Поднимись верст на полста

и руби зимовье. Места там, ежели подале от реки, малохоженные. Да упромышлишь что — меня не забудь. Я те пригожусь. Все, прощевай! — Дьяк застыл на своем месте, глаза потухли, борода замерла. Сухощавая темная рука легла на страницу книги...

Аверьян разыскал обоих промышленников. Поговорил с одним, потом с другим. Пинежанин и пустозерец обжились в Мангазее, обретя здесь вторую родину. Построили избы, обзавелись семьями, женившись один на ненке, другой — на вдовой березовской стрельчихе. Жили промыслом: зимой добывали зверя, летом рыбу, птицу. Оба, хоть и жили справно, тосковали по поморью, собирались когда-нибудь, накопив денег и построив судно, вернуться домой.

Хлебосольно принимая Аверьяна, угощали добрым пивом, отменной пищей, просили, чтобы привел своих товарищей. Но когда разговор коснулся промысловых угодий, оба стали сдержанны, говорили с оглядкой. Известно: прибыли соперники и могут занять выгодные, прибыльные места, которые местные охотники считали своими. Но все же Бармин выведал от них, что лучше всего подняться вверх по реке. Чем дальше от города и южнее, тем больше зверья. Слова дьяка Аверкиева подтвердились.

Холмогорцы побыли в Мангазее три дня, отдохнули, осмотрели крепость и посад, заглянули даже в питейную избу, немного повеселились. А потом, запасшись всем необходимым в торговых рядах, артельщики отправились вверх по реке. Надо было портрапаваться. Близилась осень, а за ней и начало промыслов.

«ГОРЕВАЛ АВЕРЬЯН БАРМИН...»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В августе соболиные выводки распались. Подросшие и окрепшие соболята покидали материнские гнезда.

Соболушка все реже виделась со своими детьми. Они вылезали из гнезда рано, до восхода солнца, и убегали в тайгу. Сами себе добывая пищу, соболята не каждый день возвращались во владения матери. Наступала пора самостоятельной жизни.

Вот уже не вернулся в гнездо один соболек. Он нашел себе участок для охоты верстах в шести от материнского логова, присмотрел укромное место на зиму и стал готовиться к ней. Соболушка, обеспокоенная отсутствием детеныша, некоторое время бегала по лесу, искала его. Но не нашла и вскоре о нем забыла.

Потом исчез второй. Он ушел ночью, в дождь, в холодный предосенний дождь, продолжительный и нудный. Казалось странным, что молодой зверь покинул гнездо именно в такую погоду. Ведь лучше же было сидеть в дупле и ждать, пока дождь пройдет. Но многое в природе трудно объяснить. Может быть, молодой соболек ушел дождливой ночью для того, чтобы следы его затерялись и мать не могла его отыскать?

Остальные два покинули знакомую лужайку днем. Стояла ясная солнечная погода, и на припеке было тепло. Соболята рядом с матерью грелись в лучах солнца, вылизывали на себе шерсть, играли, ударяя друг друга лапами, схватывались бороться, катаясь по траве. Мать сначала сидела возле них, а потом ненадолго ушла в лес. Вернулась с полузадушенной молодой белочкой, которую поймала в кедровнике. Белка лущила орехи на нижней ветке дерева, уронила шишку и спрыгнула на землю. Обычно белка, уронив лесной орех с дерева, не спускается за ним, а тут же принимается за другой. Но эта белка была молода и, видимо, неопытна, и Соболюшка легко ее схватила.

Мать положила белку на траву. Та уже не дышала, и соболята подошли к ней. Они потрогали белку лапами, перевернули ее с боку на бок и... не стали есть.

Добычу они оставили матери.

Когда мать снова ушла в лес, они тоже исчезли...

Теперь Соболюшка осталась одна. Но в ее сильном, красивом теле после летнего гона началась жизнь новых детей. Чувствуя это, Соболюшка стала опять выстилать дупло сухим мхом и линялой шерстью, которую собирала поблизости.

Черный Соболь был встревожен. Рядом с его опасным логовом в ельнике близ реки появились люди.

Сначала он услышал стук топоров, треск сваливаемых деревьев, потом почуял запах дыма и другие неприятные чужие запахи, доносящиеся из ельника.

Он не решался подойти к людям, выследить, надолго ли они сюда пожаловали. Но наконец любопытство все-таки побороло в нем осторожность. Рано утром, когда незваные гости спали, Черный Соболь подкрался к ним, выбрал в буреломе поодаль место, откуда хорошо была видна стоянка охотников, и стал выжидать, настороженно поглядывая на пришельцев. Собаки у людей не было. Он в этом убедился еще вчера.

Люди носили на себе бревна, копались в земле и, как видно, решили обосноваться тут надолго. Черный Соболь, догадавшись об этом, ушел прочь.

Он забрался в самое укромное свое убежище — в расщелину меж камнями в малиннике, в юго-восточном углу участка, долго лежал тут, прислушиваясь к лесным звукам. Покоя не было — стук топоров доносился и сюда.

Черный Соболь провел в расщелине всю ночь. Он почти не спал и все прислушивался, не идут ли сюда люди. Из норы он выбегал только к ближайшему ручью напиться.

Приходилось покидать обжитой участок, такой знакомый до каждого кустика, камня, валежины, мохового болотца с кукушкиным льном и сухой, жесткой осокой. Надо было уходить от опасности.

С рассветом Черный Соболь выбрался из убежища и отправился на поиски нового места. Он долго бегал по лесу, осматривая и обнюхивая все звериные тропинки и следы, и, наконец, нашел то, что запомнил давно и что так долго искал: заброшенный соболиный участок. Зверя, который обитал здесь, прошлой зимой убили охотники, и его уголья оставались незанятыми. Черный Соболь стал обследовать участок и тут почуял чей-то свежий след. Он остановился, недовольно повел мордочкой, шерсть на грудке зашевелилась, хвост поджался: кто-то уже успел здесь обосноваться.

Черный Соболь стал искать заброшенные норы бывшего хозяина и возле одной из них увидел моло-

дого соболенка. Соболенок сидел у норы под корнями дерева и настороженно смотрел в сторону, откуда приближался Черный Соболь. Увидев его, молодой соболенок попятился назад, к стволу дерева, готовый юркнуть в нору. Уши у него были испуганно поджаты, лапы дрожали. Черный Соболь подбежал к нему, обнюхал и сразу ушел прочь.

Молодой соболенок был его сыном. Узнал ли его отец? Может быть, родной запах и инстинкт подсказали Черному Соболю, что этот зверек — его детище?

Он ушел с того участка и опять долго бегал по лесу, пока не отыскал себе новое уголье. Здесь он наткнулся на большую полусгнившую колодину старой поваленной осины и под нею принялся устраивать себе гнездо. Возле колодины росли маленькие елки. Под одной из них он подкопался под колоду и устроил гнездо в ямке, засыпанной сухими гнилушками. От «коридора» сделал боковой ход и устроил отхожее место.

Он работал всю ночь и под утро, сморенный усталостью, лег спать в новой норке.

На прежний участок он возвращался только поохотиться, да и то с большой осторожностью. На новом устроил еще два запасных гнезда, в которых в случае преследования можно было спастись, — одно в дупле, в нижней части старой корявой ели, подкопавшись к нему из-под корней, другое — на сухом болоте, у кочки, заваленной буреломом.

Он поспал сначала в одном, потом в другом гнезде. Более спокойно чувствовал себя Черный Соболь в дупле. Здесь ему однажды снился сон: залитая солнцем полянка, резвящиеся соболята, лежащая на траве синичка-гаечка и Соболюшка. Она сидела под поваленной осиной и вылизывала на грудке блестящую шелковистую шерсть...

В лесу поспело много ягод. На новом участке Черного Соболя, неподалеку от поваленной осиновой колодины был обширный брусничник. Крупные, сочные ягоды лежали плотным ковром и рдяно горели на солнце. Соболь каждый день кормился вкусной пищей, поедая ягоды с края, удаленного от гнезда. Бруснику ближе к убежищу он оставлял на зиму. Когда запасы ягод заметно убыли, он не стал больше сюда ходить, а бегал в другие места, поедая перезревшую морошку, рябину, костянику — все, что попадалось ему. Вскоре подспели и молодые кедровые шишки, и он лакомился мягкими и сочными орешками. Теперь он редко охотился на птиц и мелких зверушек: пищи было в досталь, и он быстро нагуливал тело к зиме.

Все было бы хорошо. Но спокойная сытая жизнь продолжалась недолго. У Черного Соболя появился враг.

Вообще врагов у соболей не так уж много. Им приходилось опасаться прежде всего человека с собакой. Кроме них за сободем охотились редко встречавшие в этих местах россомахи, волки и иногда лисы. По зимам собою приходилось спасаться иной раз от острых когтей полярной совы и уральской неясыти. Врагов немного, но вполне достаточно для того, чтобы, зазевавшись, погибнуть в любой момент.

Однажды, возвращаясь с кормежки, Черный Соболь почуял чужой тревожащий след и зашел в нору. До нее оставалось несколько сажень, когда из-за кустов внезапно вымахнула большая рыжая лиса. Острая морда ее расползла воздух у самого уха Черного Соболя. Огненно-рыжий хвост ослепил его. Соболь сделал огромный прыжок в сторону.

Лисица промахнулась — помешали кусты. Пока

она повернулась да пустилась снова преследовать Черного Соболя, он кинулся к ближайшей ели и вскарабкался наверх. Лисица, подбежав к дереву, поднялась на задние лапы, вытянулась в струнку, вся устремилась вверх. Но лазать по деревьям рыжей не дано — не та хватка, не те когти.

Черный Соболь, слыша злобное тьяканье лисицы и ее учащенное дыхание, с опаской перебрался на ветку повыше и, словно большой кот, устроился на ней, подвернув хвост со вздыбленной шерстью.

Лисица села, наконец, на задние лапы. Она решила, видимо, взять Черного Соболя измором. Но он, поуспокоившись, заметил, что толстый сук соседнего дерева совсем рядом, тщательно рассчитал прыжок и перемахнул на соседнюю, более высокую и густую ель. Лисица перешла к ней и опять села у подножия.

Других деревьев близко не было, а прыгать с ветки на ветку, как белка, на большие расстояния Черный Соболь не мог. Поэтому он понадежней устроился на суку, спрятавшись от своего преследователя в хвое, и тоже стал выжидать.

Поединок принял затяжной характер: кто кого пересидит. Черный Соболь мог пережить опасность по крайней мере несколько дней, пока не обессилеет от бессонницы и голода. Лисице же не было расчета ждать так долго. Посидела немного под деревом рыжая, попрыгала, силась рассмотреть за еловыми лапами недосягаемого зверька, и, смилив гордыню, ушла.

Соболь еще долго сидел на суку, хотя заметил, что враг исчез. Затем стал осторожно спускаться, добрался до нижней ветки и посидел на ней, словно бы поддразнивая лису, если она затаилась поблизости. Но ее не было. Черный Соболь спрыгнул на землю и замер, готовый тотчас вскинуться наверх. Прислушался, понюхал след лисицы. Потом махнул в чашу и помчался в убежище-дупло, где схорониться было надежнее, чем под колодой.

Возле гнезда он долго бегал и петлял, путая следы, потом несколькими большими прыжками достиг лаза и скрылся. Сердце у него стучало часто-часто, и он долго не мог успокоиться...

После встречи с людьми и нападения лисицы Черный Соболь стал более осторожным — на охоту и кормежку выходил ночами, днем вылезал из своего убежища редко.

Наступили темные осенние ночи, и охотиться стало трудно. Черный Соболь оставлял дупло лишь перед рассветом. Тьма начинала рассеиваться, пробуждались птицы, мелкие зверушки — мыши, бурундуки — шмыгали в траве в поисках корма.

Временами выпадали дожди, и Черный Соболь забирался в укрытие. Зверь менял летнюю шкурку на зимнюю. Зимняя шерсть подрастала, летняя линяла и выпадала. От дождя она становилась тяжелой, намокала и связывала движения.

Как собака в период линьки трется обо все, что попадет, и оставляет клочья шерсти, так и Черный Соболь, выходя из убежища, оставлял на сучьях и кустарниковых колючках пушинки отслужившего свое летнего наряда.

В один из холодных осенних вечеров Черный Соболь отправился на свой прежний участок. Там люди уже обжили построенную ими избушку: зверь увидел свет в маленьком оконце, почувал запах дыма и нашел вокруг много следов. Следы — человека. Собаки у них, видимо, по-прежнему не было.

Люди больше не интересовали Черного Соболя. Он вспомнил о Соболушке и пошел разыскивать ее. Ведь участок, на котором она жила и охотилась, был рядом с его участком.

Вот и ее уголье. Черный Соболь сразу узнал старую осину и дупло и осторожно приблизился к гнезду. Он заглянул в дупло, взобравшись на ствол, и спрыгнул на землю в растерянности. Логово было пустым, в нем Соболушка не жила уже давно.

Он обнюхал жухлую сырую траву под дуплом и на полянке — следов не осталось. Их, наверное, смыли дожди или время стерло навсегда. Черный Соболь почесал бока о куст шиповника, оставив на нем клочки линялой шерсти, и опять замер, как бы в раздумье. Издали, от места, где поселились люди, донесся звук выстрела и приглушенный расстоянием возглас. Соболь опять вспомнил о людях и ушел в лес.

Где же Соболушка? Может быть, она так же, как и он, оставила свой участок, опасаясь соседства людей?

К маленькому сердцу Черного Соболя подкрадывалась тоска...

— Нам надобно купить собаку, — сказал Аверьян и подбросил в камелек сухих поленьев. — Какие же мы охотники без собаки? Теперь осень, ночной порой может кто-нибудь и разбой учинить. Подберется к амбару и все припасы украдет. А то и избу нашу подпалит. Нет, братцы, без собаки нам никак нельзя. Придется кому-то пешим порядком в Мангазею наведаться.

— А и верно, — Герасим склонился над столом и при свете жировой плошки вострил лезвие топора

привезенным из Холмогор точильным брусом. — Как это мы раньше не подумали о собаке? Дивно!.. — Он покачал вздохмаченной головой и, скосив глаза на сколоченные в углу нары, где лежал рядом с Никифором Гурий, обратился к нему: — Пойдем, Гурка?

Гурий приподнялся на локте, глянул на отца, который сидел на чурке перед камельком и смотрел на огонь:

— Я бы сходил, батя, в город...

— Сходи, — разрешил Аверьян. — Надобно соли еще прикупить, да и сухарей не мешало бы. Зима долгая...

Герасим положил под лавку топор, а на полку над оконцем брусом:

— Завтра и пойдем. Дня за два-три обернемся. Берегом туда, пожалуй, верст сорок, если не боле. Дорога известная — идти вдоль реки — не запутаешь.

Никифор Деев громко всхрипнул, потом умолк, будто прислушался к своему храпу, и повернулся на бок. Он днем ходил далеко на болото за клюквой, которую запасали впрок на зиму, и, видать, порядком устал.

Осень уже была на исходе. Близился Покров. Вот-вот выпадет снег.

Артельщики местом зимовки избрали листовничный бок на правом берегу Таза, на сухом возвышенном месте, в полуверсте от берега. Срубили добротную крепкую избушку с подполом и чердаком. Рядом с нею поставили на высоких сваях амбар с крепким запором. К двери амбара взбирались по приставной лестнице. На ночь лестницу прятали под крышу избы.

За амбаром, под навесом из лапника и коры, в загородке из частокола поставили на брусках вверх дном коч.

Работы осенью хватало всем. С паузком и сетью выходили рыбачить на реку. Насушили и навядали много рыбы, заняли ею почти половину амбара. В подполье опустили два бочонка с морошкой и брусничкой для того, чтобы зимой спастись ягодами от цинготной хвори. Когда днище коча высохло, проконопатили и осмолили его. Немного смолы привезли из Холмогор да еще купили в Мангазее. Судно берегли пуше глаза.

Словом, к зимовке готовились по-поморски, основательно, как на Груманте или Новой Земле.

Теперь мастерили ловушки на зверя. На четверых охотников имелось только два кремневых ружья. Поэтому артельщики стали делать из можжевельника луки. Смастерив, опробовали их, стреляли за избой в цель. Луки получились не очень удачными — никогда не приходилось поморам пользоваться таким оружием. Но время было, и не спеша стали луки переделывать, приспособлявая к стрельбе. Каждый выстурагал для себя также охотничьи лыжи.

Днем по двое уходили в лес, изучали его, осваивались, чтобы зимой на охоте не заблудиться в незнакомых местах.

Люди близ зимовья не появлялись, и холмогорцы чувствовали себя тут полными хозяевами.

Гурий и Герасим, придя на посад, стали спрашивать, где находится изба стрельца Лаврушки, помня, что он наказывал им тогда на берегу обращаться к нему в случае нужды. Дом стрельца нашли без особого труда.

Лаврушка уже три дня пил горькую, буянил в доме, пробил жену, чего отродясь с ним не бывало. Его прогнали с государственной стрелецкой службы. А случилось так.

Кто-то, злобясь на Лаврушку или завидуя ему, донес воеводе, что стрелец ворует из казенных запасов порох и свинец и продает их самоедам. Воевода учинил розыск¹, и вина Лаврушки открылась. Его долго допрашивали, держали взаперти, выясняя сообщников. Но своего сообщника — стрелецкого десятника — он не назвал. Воевода, не на шутку рассердившись, приказал всыпать Лаврушке плетей. Но потом сменил гнев на милость и прогнал со службы, предварительно влепив проворовавшемуся несколько увесистых затрепчин.

С горя Лаврушка и запил. Поморы пришли к нему в час тяжелого похмелья. Увидев гостей, хозяин, пошатываясь, вылез из-за стола, принял их обниматься и целоваться с холмогорцами, позвал жену, которая явилась с огромным фонарем под глазом и рассеченной верхней губой, и распорядился подать вина и закуски. Алена, косясь на мужа и его гостей, поставила на стол миску щей, латку с кашей и, сказав, что вина нет и пора Лаврушке прекращать загул, спряталась в горнице.

Лаврушка все же нашел кувшин с брагой и налил гостям по чарке. Потом спросил, зачем пожаловали да где устроились на зимовку. Герасим сдержанно рассказал о зимовье, из осторожности не назвав точного места, и поинтересовался, не знает ли Лаврушка, где можно приобрести пса.

— Купите у меня, — предложил Лаврушка. — Хороший пес! Против волка выстоит! Дом бережет пуше глаза! Возьму недорого. Дадите малость пороку-свинца — и ладно.

Воевода, как видно, не сумел выбить из Лаврушкиной головы торгашеского духа.

— Пороку-свинца у нас нету, — ответил Герасим. — Продай на деньги.

Лаврушка подумал, осовело помотал головой и пробормотал:

— Ну, ладно. Так и быть. На деньги — так на деньги. Пойдем, покажу тебе пса.

Пес по кличке Сучок оказался огромным волкодавом, исполнявшим при Лаврушкиной усадьбе обязанности сторожа. Он жил под крыльцом.

¹ Розыск — здесь: следствие.

— Так это же не охотничья собака, — разочарованно протянул Герасим. — Это ездовая!¹

— А вам не все равно? Он и белку гоняет, и соболя, и зайца. Да и волака при встрече так трепанет — только шерсть полетит. Цены нету такому псу. Сучок! Подь сюда!

Пес, как видно, не любил пьяных. Он с угрожающим видом подошел к хозяину и, когда тот протянул к нему руку, слегка куснул ее. Лаврушка к этому отнесся одобрительно:

— Вишь! Злой черт! Даже хозяина кусает. Чистый зверь!

— Такой пес нам не надобен. Не той породы. Нам бы охотничью лайку. Не посоветуешь ли, где взять?

— Не-ет. — Лаврушка покачал головой. — Не советую. Не хотите Сучка купить — шниш вам! Вот! — Лаврушка показал для большей убедительности кукиш, загнал пса обратно под крыльцо, поднялся по ступенькам, ввалился в сени и задвинул изнутри засов.

Гурий и Герасим переглянулись и рассмеялись.

— На пьяном шапку не напоправляешься. Пойдем дале искать, — сказал Герасим.

После недолгих поисков они приобрели охотничью лайку у пустозерца Прохора Шеина. У него было три разномастных пса, и, видимо, они порядком надоели хозяину. Одного из них Шеин, отказавшись от денег, подарил поморам, сказав:

— Пес хоть и молодой, а белку искать будет, соболя тоже. Вам такого и надо. Зовут его Пыжьяном. Берите с богом! Уезжать будете — приведите, ежеля не потеряется. А потеряется, дак и бог с ним...

Взяв лайку на поводок с ошейником, припасенным заранее, Герасим с Гурием отправились в крепость, в торговые ряды.

Поздней осенью около Покрова на Мангазейском торге в крепости бывало людно. Перед долгой зимовкой сюда приезжали промысловики со всех сторон, со всех заимок, зимовий и стойбищ. Они запасались в торговых рядах всем необходимым на зиму: хлебом, сухарями, крупой, солью, сушеной рыбой, холстами и поковками. Осенью в становищах бывали свадьбы — покупали к ним обноры и подарки.

За стенами крепости на привязях стояли небольшие таежные лошади под седлами, чуть в стороне — олени упряжки. Пока хозяева толкались возле лавок и ларьков, лошади подбирали брошенные под морды охапки сена, а олени, по выражению стрельцов, «молились на иконы», то есть стояли без корма, подремывая, или лежали на земле.

Холмогорцы долго бродили по рядам, всюду таская за собой на поводке подарок Шеина. Пыжьян рвался с поводка, норовя обнюхать с бегавшими повсюду мангазейскими хвостатыми сородичами. Герасим искал пушной товар, хотел узнать цены на меха по осени. Но шкурок на торге не было: не сезон. Купив мешок сухарей и немного крупной соли — она была дорогая, — поморы вскинули мешки на лямки за спины и в сопровождении Пыжьяна отправились в свое зимовье.

Оба были довольны тем, что купили необходимое, а больше всего — собакой, небольшим гладкобелым псом с острой мордой, умными глазами и мохнатым хвостом, свернутым в колечко. Пес бежал вперед, так что чуть не вырвал поводок из руки Гурия. Похоже было, что знал дорогу не хуже своих новых хозяев.

Когда брали пса у Шеина, Герасим сунул все-таки в руку пустозерца алтын¹. Иначе нельзя — примета плохая: взятый без гроша, пес непременно сбежит...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Наступила зима. Леса, болота, реки, схваченные льдом, завалило снегом, и ударили сильные морозы. Вместе с зимой настала и полярная ночь. Вечерами и ночами лес окутывался мраком. Днем с неба сочился слабый свет. В ясные дни, когда небо бывало чистым, в южной стороне его играли, словно сполохи, багровые отблески прячущегося за горизонтом солнца.

Торжественно становилось в лесу, когда всходила луна. Большая и яркая, она стояла неподвижно, а звезды трепетно мерцали и казались живыми.

Холмогорцы, выбирая время, когда можно было рассмотреть цепочки звериных следов, свою лыжню да затесы на деревьях, чтобы не сбиться с пути, ставили по окрестным местам ловушки на соболя, куницу да белого песца, который иной раз забегал сюда из тазовской тундры. В короткие часы дневных сумерек по двое ходили осматривать их, а когда над лесами всходила луна, в лес уходили все четверо, оставляя Пыжьяна караулить зимовье.

...Впереди на лыжах пробирался отец, позади — Гурий. На нем теплый полушубок, шапка из овчины, меховые пимы. На поясе — нож, за спиной — мешок, в нем привада на зверя и хлеб. В руке — самодельный лук. Стрелы с металлическими наконечниками в колчане у пояса. У отца за спину закинута на ремне тяжелое ружье — фузея с восьмигранным стволом. За кушаком — острый и легкий промысловый топор. Широкие подбитые мехом лыжи хорошо скользили по сухому хрусткому снегу. Охотники спешили: путь далек, ловушек много, а мало-мальски светлое время коротко. Не успеешь оглянуться, как стемнеет. Тогда кроме белесовато-синего снега ничего не видать. Запозднившись в лесу — раскладывай костер и коротай время до следующего дня, до светлого времени, если не рассеет мрак луна.

Аверьян дома хаживал на охоту, знал повадки лисиц, белок, куниц и прочего зверья. Однако с соболем ему иметь дело не приходилось. И соболь ускользал от помора, не шел в его ловушки.

Приметит Бармин соболем тропинку, по которой пришел на кормежку зверь, примется устанавливать близ нее кулему — небольшую загородку из толстых кольев, внутри которой кладется привада — кусочек мяса или вяленой рыбы. Над порожком кулемки, у входа, делается сторожек. Почуввав запах привады, зверь пытается пройти внутрь кулемки, задевает сторожек, тот мгновенно срабатывает, и сверху на соболя падает тяжелая плаха-давок, намертво прижимающая соболя к порожку...

В разных местах Аверьян установил десятка два кулемок и, чтобы обегать их, требовалось затратить не один день. Иной раз уходили в лес с ночевкой, коротали время у костра в яме, выложенной лапником под какой-нибудь елью. Ловушек было настроено много, но соболь не попадался. На остановках Аверьян озабоченно размышлял вслух:

— Может, привада не та?

И менял приваду. Вместо рыбы клал мясо — то

¹ Ездовая собака для упряжки. Такая порода собак отличается величиной, силой и выносливостью.

¹ Алтын — старинная медная монета в три копейки.

свежее, то проявленное, то вареное, — или, наоборот, опять заменял мясо рыбой.

Гурий высказывал свои предположения:

— А может, батя, мы у кулемки все-таки след свой оставляем? Отпугиваем зверька?

И глядел на отца из-под низко надвинутого на лоб треуха. Отец посматривал на него одобрительно и был доволен, что парень за последние месяцы вырос, возмужал. Вон уж над губой темнеют усики, лицо загорелое, обветренное, серьезное, как у матерого мужика.

Снова и снова старательно прикрывали лапником и снегом ловушки, прятали следы. Но соболь в кулемки не шел, словно его кто-то заколдовал в этих чужих дальних лесах...

Аверьян стал утешать себя и сына:

— Обходит он кулемки потому, что еще не очень голодный. Осторожничает. Вот в середине зимы, когда мороз будет лютовать да пурга начнется, тогда уж ему с голодухи ловушек не миновать.

— А время-то идет, батя, — вставлял Гурий.

— Да-а, — качал головой отец. — Время теряем. Это верно. Завтра пойдем с собакой куницу да белку искать. А может, и соболек подвернется. На него с собакой тоже охотятся...

Наконец-то отец и сын увидели, что насторожка одной из ловушек сработала. С замиранием сердца подошли к кулемке. Аверьян склонился над порошком и раздосадованно сказал:

— Был соболек, да одни ключья остались.

Гурий подошел и увидел на порошке в том месте, где зверька придавило сверху, жалкие остатки шкурки, а на снегу — кости.

— Видно, лиса хозяйничала. Съела соболя. Вот проклятая! — Аверьян стал осматривать снег и точно — увидел лисий след. — Надо бы ее непременно подстрелить...

На другой день Аверьян ушел искать лисицу без Гурия, с Пыжьяном. Вернулся ни с чем: лисий след за ночь перемело, и выследить лисицу не удалось. Зато подстрелил Аверьян куницу. Это был первый зверь, добытый Барминым.

Вскоре Герасим принес из леса трех соболей, а потом и Никифор Деев подстрелил из лука пять белок и достал из кулемки одного соболя. Промышленники приободрились. Добычу складывали в общий кош, решив поделить ее по окончании зимы, как и договаривались: Аверьяну за то, что снаряжал коч, — половину добычи, а Гостеву и Дееву по четверти.

Пыжьян был артельным псом. В течение зимы он ходил в лес то с одним, то с другим охотником. Он одинаково старательно выслеживал и белку, и куницу, и горностаю. Случалось, что промышленник запаздывал вовремя прийти домой, — Пыжьян находил обратный путь по следу.

Пес напал-таки на след лисицы, и Аверьяну удалось подстрелить ее, когда она пересекала небольшую полянку, спасаясь бегством. Вечером артельщики немало обрадовались, когда Бармин с гордым видом раскинул на лавке большую рыжую огневку с пушистым роскошным хвостом.

Работы холмогорцам прибавилось: снимали со зверей шкурки, натягивали их на правила, следили, чтобы не попортить пушнину.

Ободранные тушки скармливали Пыжьяну.

Мех соболей, которых удавалось добыть холмогорцам, имел коричнево-палевую окраску. По всей Западной Сибири от Урала до Оби селились тобольские светлые соболя. По цвету шерсти к ним приближались только звери, обитавшие в бассейне Печоры.

Разновидностей соболиного племени в обширных лесах от Урала до Тихого океана было много. Каждая отличалась своей величиной и окраской шкурки, что зависело от места обитания, образа жизни и пищи зверей. Но холмогорцы даже не подозревали о великом разнообразии соболиного племени. Гурий, любясь шкуркой зверя, пойманного Герасимом, вспомнил рассказы деда Леонтия о черном соболе.

Рассказы эти были фантастичны. Мол, черный соболь старательно прячется от людей, найти в лесу его почти невозможно: он следит за охотником из засады, а потом широкими прыжками уходит прочь. Если охотник ночует в тайге, то черный соболь подкрадывается к нему ночью и шарит возле него в поисках пищи. Труден для добычи такой соболь, зато вознаграждает промысловика за все лишения роскошным искрящимся, мягким, как пух, легким мехом. Гурий мечтал о черном соболе как о сказочном пере жар-птицы.

Каждый день пропадал он в лесу, но не только Черного, а и светлого соболя еще не поймал в свои ловушки. Ему попался белый песец, он стрелял из лука белок. А черного соболя нет и нет...

Однажды ему попался-таки соболек. Гурий принес его в зимовье с великой радостью и положил перед отцом. Аверьян погладил мягкий мех и сказал одобрительно:

— Не черный, да гож!

Однажды Черный Соболь выбрался из дупла яркой лунной ночью. Иней искрился на деревьях, под ними стлы на морозе глубокие, словно провалы, тени. Черный Соболь сначала осторожно ступал по снегу, пока лапки не привыкли к его жгучему прикосновению, а потом побежал к полянке, где под снегом была у него брусничная кладовка. Вовсю работая передними лапами, он долго добирался до брусничника. Наконец добрался и стал есть ягоды. Не очень мерзлые под слоем снега, они на открытом воздухе тотчас замерзали, превращаясь в красные круглые льдинки. Поев брусники, соболь закидал снегом разрытое место и пошел прочь. Скорее в лес с открытой поляны, где он весь на виду, где опасно. Мягкие, опушенные внизу густой шерстью лапы проворно мелькали, снег из-под них вихрился пылью. Соболь то отклонялся от прямого пути, то возвращался обратно и тем же путем шел дальше.

Среди валежин с нависшими на них ключьями снега он ненадолго остановился, прислушался, склонил мордочку и снова быстро-быстро заработал лапами.

Он почуял под снегом мышь, мигом добрался до нее, вонзаясь в сугроб, поймал. Пятась, выбрался наружу и съел мышонка тут же, оставив на снегу крохотные капельки крови.

Побежал дальше. Заметил дерево с дуплом, внимательно обследовал его. Дупло оказалось пустым. Взял его на примету на всякий случай: в нем можно спрятаться. Под вывороченной с корнями старой лиственницей отыскал в ямке склад. Бурундук еще осенью спрятал здесь запасы кедровых орешков. Соболь не тронул их, но приметил кладовку: пригодится, когда придется туго.

Вылез из-под корневища, прислушался, понюхал воздух и спрятался под нависшие ветки.

Кто-то появился в его владениях. Вот он приближается, видно, как за пнями, за валежником мелькает живая синяя тень. Черный Соболь приготовился встретить незнакомца. Сейчас... сейчас он нападет на незваного гостя, который посмел появиться на его участке. Драка будет такой, что

шерсть клочьями полетит, а кровь — брызгами. Надо проучить самозванца, дать ему острастку! Соболь осторожно переступил, весь подобрался, напружинился и стрелой вылетел из укрытия...

Противник встретил его острыми зубами, больно куснул в грудь, увернулся и выскользнул из-под Черного Соболя. Тот снова приготовился к атаке. Но, разглядев гостя, растерянно остановился, опустил хвост. Боевой запал у него сразу прошел.

Гость, а точнее — гостья вылизывала на себе памятую шерсть.

Это была Соболюшка.

Черный Соболь с виноватым видом подошел к ней, обнюхал, чуть тронул лапой, пытаясь вызвать ее на игру. Он шел на примирение. Он виноват. Но Соболюшке было не до утех и любезностей в эту морозную лунную ночь. Она была голодна. Соболь, словно догадавшись об этом, заурчал тихо, призывно и пошел по снегу. Отойдя немного, оглянулся, опять тихонько заурчал и взглядом пригласил Соболюшку следовать за ним. Соболюшка пошла сначала с опаской, но потом увереннее.

Черный Соболь привел свою подругу к вывороченной ветровалою миственнице и скрылся под корневищем. Но сразу вышел и сел на снег в спокойной выжидательной позе. Соболюшка смело пошла туда, куда он указал, и нашла бурундучий склад. Там она принялась есть кедровые орешки, а Черный Соболь терпеливо ждал.

Вскоре его подруга выбралась из-под корневища, отряхнулась от сухого песка, лапами очистила мордочку и облизнулась розовым язычком. Теперь она согласна была порезвиться. Некоторое время они играли и бегали так, что кругом вихрилась снежная пыль. А потом внезапно и быстро разбежались в разные стороны, будто их и не было.

Соболюшка осенью поселилась вблизи участка Черного Соболя. Что привело ее сюда? Зов сердца?

В другую ночь, такую же морозную и лунную, Черный Соболь снова вышел добывать себе пищу.

Гулко стукнуло в лесу: сорокаградусный мороз раздирал щели в старых, подгнивших деревьях. Луна щедро заливала все кругом голубым изменчивым светом.

Соболь долго бегал по снегу. Ноги кормят не только волка... Если бы кто-нибудь взялся измерить его путь, то намерял бы верст двадцать.

В одном месте Черный Соболь почуял чужой незнакомый запах. Он был довольно слабый, но пугал и настораживал зверя своей необычностью. По снегу тянулась слегка припорошенная лыжня. Запах исходил от нее. Черный Соболь прислушался — в лесу ни звука, ни шороха. Только потрескивают на морозе деревья. Движимый любопытством, он пошел вдоль лыжни. Запах и исчезал, то появлялся снова. След лыж привел к ловушке, настороженной под невысокой елью, с ворохами снега на низко нависших лапах. Снег этот был не тронут, первозданно чист, а близ ловушки лыжня тщательно присыпана и заметена, словно метелкой, лапником. Конечно, Черный Соболь не был в состоянии понять все это. Он тут же почуял другой запах — свежего мяса. Запах тянулся из-под ели, возбуждал у голодного зверя желание добраться до лакомого кусочка. Черный Соболь осторожно приблизился к кулемке, обследовал ее снаружи и заметил на снегу три маленьких стружки. Они были свежие, пахли смолкой и железом от ножа. Черный Соболь вспомнил о запахе, который он поймал возле лыжни, и в нерешительности затаился перед ловушкой.

Мясо — рядом. Он различал между кольями этот соблазнительный кусочек и с трудом удерживался от того, чтобы проникнуть в ловушку.

Но другие, незнакомые и неприятные, запахи отпугивали его. Инстинктивно почуяв опасность, Черный Соболь огромными прыжками ушел прочь и долго петлял по лесу, путая свой след.

Отпугнул Черного Соболя не только запах стружек, а и нерпичьей кожи, которой были подбиты лыжи Аверьяна и его товарищей. Кожа была плохо выделана и от нее пахло ворванью. Откуда было взяться нерпе в этих местах? Неоткуда. Для соболя были привычны запахи собаки, лисицы, оленя и других зверей, обитающих на Таз-реке. Привкус нерпичьего сала был ему неведом и потому пугал.

Поморы, как видно, не догадались купить в Мангазее камуса — кожи с шерстью, снятой с оленьих ног, которой подбивали лыжи здешние охотники. Они использовали нерпичью шкуру, захваченную из дому, и потому их преследовала неудача — соболя редко попадались в их ловушки...

Жизнь в зимовье шла тихо и обособленно. Никто не приходил гостевать, не справляясь, как устроились в чуждальных краях холмогорцы, каковы их радости и печали. Места были малолюдные, каждый промысловик в облюбованном им урочище жил бироком, заботясь лишь о том, чтобы кто-нибудь не помешал ему охотиться.

Да и, по правде сказать, зимовье было упрятано в дремучем лесу — ни с какой стороны не видно, и, не ведая о нем, без собаки не найдешь.

Снеговую воду поморы употребляли для разных хозяйственных надобностей, а для приготовления пищи за водой ходили к реке, где у берега была прорублена прорубь. Чаще всего туда приходилось идти Гурию, поскольку он был моложе всех. Он шагал полверсты слабо торенной им же самим тропкой, брал спрятанную в кустах пешню и колот лед на проруби, а после зачерпывал деревянными ведрами воду и нес ее на коромысле, вытесанном из кривой лесины.

По реке пролегла зимняя дорога. Иной раз было видно, как мчится по ней оленья упряжка или мохнатый от инея конек тащит санки приказного дьяка, стрельцов или ясачных сборщиков.

Однообразная жизнь в зимовье томил Гурия. Его тянуло в Мангазее — побить там подольше, познакомиться с интересными людьми, почерпнуть что-то полезное для ума-разума. Но отец и слышать не хотел об этом: знай лови зверя.

Все светлое время суток Гурий лазил по лесу, постигал хитрости и тонкости охотничьего ремесла. Научился с одного выстрела из лука поражать белку или горностая, стал незаметно подкрадываться к белым куропаткам, роющимся в снегу, в его кулемки попадались уже три песца и два соболя.

И хотя поморам не очень везло в добыче соболей, изредка все же приносил кто-нибудь из них драгоценную тушку.

Расчеты Аверьяна на меновую торговлю с местными жителями не оправдались. Где искать кочевников в незнакомой тайге? Оставалось надеяться лишь на случай да на весну, когда ненцы и остяки приедут на торг в Мангазее.

Однажды Аверьян, приводя в порядок свои лыжи, подсушенные у камелька, приметил, что нерпичья шкура издает резкий неприятный запах. Он задумался: не потому ли соболя обходят ловушки? Правда, на холоде подбивка смерзается, но все-таки тонкое чутье соболя может уловить запах.

Аверьян снял нерпу и заменил ее камусом. Дикого оленя на мясо подстрелил несколько дней назад Никифор Деев. Он спросил Аверьяна:

— Думаешь, дух нерпы соболь чувствует?

— Не знаю, чувствует ли, нет ли, а оленья будет лучше. Олень — здешний житель, соболя к нему привыкли.

После такой замены зверь в ловушки стал попадаться чаще. По примеру старшего подбили свои лыжи оленьим мехом и другие.

Долгой полярной ночью иной раз промышленникам не спалось в их уютной и обжитой избушке. Было тепло — строя избу, поморы старательно проконопачили все щели мхом, на потолок насыпали песка, а снаружи на завалинки привалили снега. Пищи хватало, промысел давал мясо, рыба в запасе была, из муки пекали в печке пресные лепешки, а уходя в лес, брали сухари.

Но скучали по дому. И когда тоска исподволь захватывала мужицкие сердца, выручал землячок баюнок Герасим. Запасы бывальщин и сказок у него были неистощимы...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Рождественские праздники поморы встретили в зимовье, своей маленькой, дружной семьей. В запасе у Аверьяна было немного солода, а Никифор Деев хорошо умея варить пиво. Подстрелили лося, обросшие, но принарядившиеся в чистые рубахи артельщики отмечали праздник, словно язычники перед жертвенником — пылающим камельком...

На столе на деревянных тарелках — куски мяса. Глиняные глазурованные кружки уже почти пусты. Посреди стола светильник освещает лица колеблющимся бледным светом. Никифор Деев возвышается над всеми, сидит прямо, глаза черные, блестящие, улыбаются, волосы тоже черные, жесткие, дыбятся на голове. Огромные жилистые руки, обнаженные до локтей, скрещены на выпуклой груди. Порой Никифор беспринципно смеется и из-под усов сверкают чистые белые зубы. Герасим Гостев, всегда общительный и веселый, за чаркой вдруг погрузился, подпер рукой подбородок, запустив короткие пальцы в кудрявую рыжеватую бороду. Глаза его подернулись влагой, отрешенный, затуманенный взгляд обращен куда-то в угол. Наконец, Герасим набрал воздуха в грудь, и под низким потолком избы зазвела песня так, что с наката посыпались песчинки:

Эх, да сторона ль ты моя,

Вот моя сторону-ушка,

Сторона ль моя чужая, ой, вот чужая!

Умолк, убрал со стола руку, будто отчаявшись, помотал головой и с новой силой:

Да не сам я на тебя, вот моя сторонушка,

Не сам я зашел-заехал, ой, вот заехал.

Опять замолчал, перевел взгляд на Аверьяна. Тот спросил полушутя:

— Не сам, говоришь? А кто же тебя приволок?

Герасим опять помотал головой, взял выше и звонче:

Занесла-то меня, да доброго молодца,

Занесла меня неволя, ой, вот неволя!..

На улице тявкнул пес, потом снова тявкнул и зализал бешеным лаем. Лай доносился то с одного места, то с другого. Артельщики вскочили, выбежали из избы, огляделись — никого. Пыжьян подбежал к Аверьяну, стал тереться у ног, еще раз пролаял, повернув морду к реке.

— Кто-то был, — сказал Аверьян. — Однако, холодно. Пошли в избу.

В избе после минутного раздумья Аверьян схватил полушубок, надел его, взял из-под лавки топор.

— Пойду проверю. Вы сидите тут.

— Я, батя, с тобой! — сказал Гурий, мигом собравшись.

— Тогда возьми лыжи, — сказал отец.

На лыжах они обошли кругом все зимовье, внимательно проверили амбар, загородку, где хранился коч. Все было в целости-сохранности. Следов никаких.

Аверьян пошел тогда вдоль тропки, по которой Гурий ходил за водой к реке. И рядом с тропкой заметил свежую лыжню.

— Вот чужая лыжня, — сказал Аверьян. — От реки кто-то приходил.

Он пошел размашистым шагом к реке, Гурий — за ним. Вышли на лед. Чужая лыжня уходила к дороге. Далеко за ней в направлении города Гурий заметил черную движущуюся фигуру:

— Глянь, батя! Кажись, вершник!

Отец присмотрелся, сказал:

— Сани. Кто-то разведывал наше зимовье. Не к добру это.

Когда перевалило за половину января, днем стало чуть светлее. Гурий собрался в лес один, сказав отцу, что скоро вернется.

Пыжьян, сопровождавший охотников по очереди, на этот раз бежал следом за Гурнем. Парень шел быстро. Снег сухой, погода ясная, лыжи катились как бы сами по себе. Мороз жег лицо, щеки горели, изредка Гурий растирал их рукавицей, чтобы не обморозиться. За спиной мешок, за поясом — легкий охотничий топор, в левой руке, как всегда, — лук, стрелы наготове в кожаном колчане. Ружья Гурий у отца не просил, рассчитывая, что оно ему не понадобится, — лишняя тяжесть в пути.

Осмотрев ловушки и обновив приваду, Гурий увлекся и, чувствуя себя самостоятельным, уверенно побежал дальше в лес. Время от времени он останавливался, делал заметы на мерзлой коре.

Перешел небольшой ложок, окруженный кустарником и ольховым подлеском, выбрался в лиственный борок, чистый, ровный и красивый. Меж лиственными темнели ели — невысокие, но широкие, разлапистые. Стоя в сугробах, они нижними лапами опирались на снег. На ветках — тяжелые нависы.

В этом-то чистом борке и заметил Гурий болиный след, а Пыжьян взял его. След был свежий. Соболь, словно заяц, путал его, и пес кидался то влево, к кустам, обходя их, то устремлялся вправо, то снова бежал вперед.

Гурий едва поспевал за Пыжьяном. Вот — это хорошо было видно по следам — соболь перешел на крупные широкие прыжки, стало быть, почувал погоду. Не ведал паренек, что гнался за желанным и драгоценным Черным Соболем. Гурий напряженно всматривался в белесоватую муть зимнего дня и, наконец, далеко впереди заметил бегущего зверя, — он перемахивал с сугроба на сугроб, вытянув в струнку пушистый хвост. Соболь исчез в кустах подлеска, собака нырнула за ним, обдирая себе о сучья бока. Гурий стал обходить кусты — сквозь них нельзя было продрасться. И когда обошел, то увидел, что Пыжьян мечется вокруг ели, подняв вверх морду, и заливается лаем.

Гурий тоже поднял голову и заметил на ветке... белку. Лук был наготове, охотник прицелился и спустил тетиву. Но белка успела прыгнуть на соседнее дерево, и стрела пролетела мимо. Гурий, мало думая о том, что происходит, в азарте пустил еще стрелу,

и пронзенная ею белка упала в снег. Гурий подобрал ее, подержал в руке и спрятал в мешок. Закинув мешок за спину, поднял стрелу и только тут сообразил: преследовал соболя, а попалась белка. Почему случилось так? Ведь по снегу бежал от собаки именно соболю! Гурий посмотрел на Пыжьяна и спросил у пса, словно тот мог ответить:

— Где же соболю, Пыжьян? Проворонили?

Пыжьян преданно смотрел в глаза охотнику и виновато вилял хвостом.

«Ведь это же был соболю! Видел своими глазами! Настоящий соболю. А вышел на белку я случайно... Соболю спрятался где-то поблизости. Надо искать...»

Но тут Гурий заметил, что поднялся сильный ветер, он раскачивал деревья, с них ворохами осыпался снег. Ветер бил в лицо, трепал одежду. Стало совсем темно.

Начиналась пурга.

Гурий растерянно озирался, стал искать на деревьях свои метки, чтобы найти обратный путь. Но тут же сообразил, что меток нет и быть не могло. Увлеченный погоней за зверем, он забыл обо всем — о метках, о том, что надо запоминать обратную дорогу.

Тут уж не до соболя. Гурий стал на лыжню, по которой пришел сюда, и, пока ее не замело, побежал обратно. Но в том месте, где соболю путал следы, и Гурий несколько раз кидался то вправо, то влево, и лыжня была сбита. Паренек остановился и стал думать, как ему выбраться к зимовью.

Он ничего не мог понять: лыжня его перекрестилась в нескольких местах. Он остановился в совершенной растерянности. Вся надежда была теперь на собаку.

— Пыжьян, ищи дорогу!

Пыжьян помахал хвостом, сделал круг возле Гурия, обнюхивая следы, и пошел по сугробам напрямик. Отбежав несколько метров, он остановился, посмотрел на хозяина, повернул морду вперед, коротко пролаял и снова поглядел на охотника. Делать нечего. Гурий подошел к нему. Пыжьян вывел-таки на прямую лыжню и уверенно пошел по ней. Но шли недолго. Лыжни не стало. Ее замело снегом. А до затесей на деревьях они, видно, еще не дошли. Теперь Гурий клял себя за неосмотрительность. И на собаку уже надежды не было — в поднявшейся завихрухе Пыжьян, как видно, совсем потерял чутье...

За плотной пеленой косо валившего снега Гурий разглядел, что впереди размахивает тяжелыми рукавами большая ель, и подошел к ней. Ничего не оставалось, как переждать пургу под деревом. Никакая сила не способна теперь вывести его к зимовью.

У Гурия были огниво и трут, и он бы мог развести огонь, но в кромешной тьме в снегу даже дрова сухие было найти трудно, а мерзлые ветки не загораются. Гурий вырыл под елью яму, снял лыжи и сел, прислонившись спиной к дереву. Пыжьян устроился рядом, положив ему в колени голову.

Почти с самой осени Тосана охотился в притазовской тундре на песца, белую куропатку, иной раз — на дикого оленя. Однако в лесу в укромных местах у него были расставлены и соболиные ловушки — кулемки, черканы и петли. Осматривать их он ездил до промежуточного стана на оленях, а там передвигался на лыжах. Жену и племянницу он оставлял в чуме, находившемся у глухого тундрового озера, верстах в тридцати от реки.

Соболю попадался редко. Ненцев-охотников по-

теснили с добычливых мест пришлые люди, и Тосана теперь уже не чувствовал себя таким хозяином в этих местах, как бывало прежде.

Иногда он отправлялся в дальнюю дорогу к брату, который кочевал с оленьим стадом по тундре, не считая охоту своим основным занятием. Тосана возил брату подарки, убеждался, что его олени в стаде в целости-сохранности. В Мангазею после истории с Лаврушкой ненец появляться боялся. Добытых им белых куропаток и оленье мясо ездил продавать на рынке женщины — Санэ и Еване.

Но жить у озера в пустынном, почти безлесном месте Тосане надоело, да и пастбища оскудели, и он решил откочевать поближе к реке, в лес, на соболиные места, к своим ловушкам. Сезон добычи соболя был на исходе. К концу января у зверей на шкурках начнет появляться потертость ости на боках и лопатках, а в феврале, как говорят охотники-соболятники, водос на шкурке делается «неживым» — потеряется блеск и пышность. В марте придет время весенней линьки.

Переезд на новое место — дело привычное, вся жизнь в кочевках. Санэ с Еване сложили на нарты чум, Тосана крепко увязал его. Погрузили утварь, провизию, и вот уже санный поезд из трех упряжек, по три оленя в каждой, мчит по снегу, ныряя в ложбины и поднимаясь на угоры, летит птицей, без пути, без дороги, меж кустов, меж деревьев, над закованными в лед водоемами, рассекая полозьями пушистый снег. Олени застоялись, давно не были в упряжке и чуть не одичали, живя на свободе, на подножном корму. Готовясь к отъезду, Тосана с трудом отыскал и собрал их с помощью Нука.

Место для нового становища Тосана выбрал на опушке леса. К лесу примыкала обширная поляна, на которой, как он знал, под снегом есть ягель и олени могли пасться поблизости.

Поставили чум. Санэ принялась хлопотать по хозяйству, а Тосана пустил оленей пасться и стал готовиться к выходу в лес, на соболиные тропы.

Безлюдная до этого поляна ожила. На краю ее дымил макоданом¹ чум, посредине бродили олени, доставая себе корм из-под снега копытами. Пес Нук сидел у входа в жилище, ожидая, когда хозяин даст ему сушеной рыбы или мяса. Тот, однако, кормить пса не спешил.

Закончив приготовления, Тосана вышел из чума, посмотрел на небо и покачал головой:

— В лес идти не придется. Хад² будет!

— Такое небо чистое — и хад? — удивилась Еване, набирая в ведро снег — для воды.

— Ясное? Смотри на запад. Тучи идут. Надо запасти побольше дров. Придется в чуме долго сидеть. — Тосана, взяв топор, стал на лыжи и пошел собирать сусняк.

Едва он успел наносить дров, как сразу потемнело, поднялся ветер и повалил снег. Олени сбились в кучу недалеко от чума, под защитой кустарника. Нук залег у входа в вырытую для него нору. Семья, наглухо закрыв вход в чум, стала переживать непогоду.

— Гури-и-й! — во весь голос кричал Аверьян, отойдя от зимовья на несколько шагов, чтобы не заблудиться в такой кутерьме. — Гури-и-и-й!

Но разве перекричишь вой ветра? Метель нависла над землей. Сквозь плотную стену летящего снега никакой звук не пробьется! А голос и вовсе увязал, глож в нескольких шагах...

¹ Макодан — дымовое отверстие в чуме.

² Хад — пурга.

Аверьян, прикрываясь полой полушубка, на ощупь сдувал на полку замка фузеи порох. Ветер тут же сдувал его. Наконец, успел взвести курок. От кремня вспыхнула искра, фузея грохнула, сильно ударив прикладом в плечо.

Опять закричал:

— Гури-и-й! Сюда-а-а! Гури-и-и-й!

Снова зарядил ружье, снова выстрелил. Подошел Герасим со своим ружьем:

— Давай разом палить. Слышнее будет.

Дали залп и принялись кричать вдвоем. Вскоре к ним присоединился и Никифор. Кричали долго, пока не охрипли. Потом стреляли еще и вернулись в зимовье, с трудом пробиваясь на слабый свет оконца сквозь навесь пурги.

Тьма — хоть глаза коли. Шум, свист ветра, разбойничий треск в лесу: то падали сухостойные деревья.

— Ну и падера!¹

А Аверьян сел, не снимая полушубка, облокотился о стол, закручинился:

— Пропадет парень! Ой, пропадет... — с тоской сказал он. — Эта падера, знать, не на сутки. Огня ему не развести — задует, завалит снегом. Один выход — отсиживаться где-нибудь под деревом. Не дай бог уснет... Тогда замерз... И искать не пойдешь. Ни зги не видать. Сам заплутаешь в трех шагах от избы. Вот ведь напасть какая!

— Гурий не один, — стал успокаивать Бармина Гостев. — Пыжьян поможет отыскать зимовье.

— На пса надежда худая. Следы замело, — говорил Аверьян, неподвижно уставясь на желтоватый огонь сальника. — Эх, пошто я его отпустил? Хоть локти кусай...

— Искать будем с утра, — сказал Никифор.

— Придется искать. Сам не выберется, места незнакомые, молод парень, неопытен.

— Может, факел запалить, а? — пришло в голову Герасиму. — Смолы у нас, надо быть, в подполье есть малость. Куделя от конопатки осталась.

— Давай факел! — обрадовался Аверьян.

Слазили в подпол, достали застывшую смолу, разогрели ее на горячем камельке и пропитали пеньковый факел на длинном шесте. Зажгли, привязали к молодой лиственнице на верхушку. Факел горел недолго, пламя его металось из стороны в сторону и угасло.

Гурий не пришел. Да и выйти из леса при такой погоде мудрено. Всю ночь Аверьян не спал, выходил на улицу, звал. Изредка стрелял, не жалея драгоценных зарядов. Все напрасно...

¹ Падера — лютая непогода (поморское).

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

Василий КОРОТКИХ

Запах горячего масла и сырого теста разбудил Костю. «Значит, блинами побалуемся,— определил он. Вытянулся, доставая ступнями спинку кровати, так, что захрустели суставы.— Блины — это хорошо!»

Одевание не заняло много времени. Для работы была особая одежда, и держать он старался ее подалеже от выходной — тяжелый запах силоса и навоза не подавался никаким стиркам. И на улицу вынести тоже было нельзя — застынет колом. Одинаково блестящие штаны и телогрейку не менял он по целой зиме. И сапоги тоже были постоянные, резиновые, на два размера больше, чтобы можно было подвернуть еще пару портянок. На вид обмундирование было неприглядным, но для работы удобным.

До фермы недалеко. И вся-то деревня около сотни домов, а тут пройдешь половину, свернешь в проулок — и вот она, ферма, поле трудовой деятельности выпускника средней школы Константина Малых, как говорил его друг Сергей Кочнев.

Примерзшая за ночь дверь не открывалась. Раза три стукнув пяткой по низу створки, Костя, наконец, открыл дверь. Вместе с паром его окутал запах коровника, тяжелый для нового человека, но такой привычный для жителя деревни.

Странно все-таки устроен человек. Тысячи лет он разводит скот, и все равно к каждой свинье, к каждой корове какие-то особенные, чуть ли не родственные чувства испытывает. Наверное, это оттого, что, как ни говори, а родство — это, прежде всего, забота о ближнем. Как раз такой заботы с коровами на ферме было хоть отбавляй.

Костя возил сено и силос, возил от коров навоз, посыпал опилом проходы и стойла, зная, что и много-много лет спустя какой-нибудь парень вот так же морозным зимним утром придет на ферму, и работа у него в общем-то будет почти такой же, как у него, Кости Малых: как там ни механизировать труд, а коровы и через тысячу лет будут коровами. Странно, но именно это дава-

ло ему главное удовлетворение — значит, дело он выбрал такое, которое будет и завтра, и послезавтра — всегда.

Напарник Кости, Спиридон Никитич, сидел около водогрейного котла. Отдельной кормокухни на ферме не было, все нужные машины и аппараты стояли и висели здесь же, в деревянном пристрое, который четвертой, открытой, стеной выходил прямо в корпус, к коровам. С обеих сторон около котла Спиридон Никитич поставил по паре чурбашек, бросил на них по доске — вот и скамейки. Входящий обычно первым делом подходил к котлу, трогал его горячие бока, как будто проверял температуру. Так же и Костя: погрел руки, пристроил свои варежки.

— Здорово ночевал, Спиридон Никитич? — приветствовал он старика. — Отдохнул немножко?

— Какой тут к черту отдых, — отозвался тот после приветствия. — С вечера Лилия надумала летиться. Хорошо хоть, доярка еще здесь была. Считай, до полночи провозились.

— Кто прибыл?

— Телка. Вон там, в клетке, лежит. Посматривай за ней. — Спиридон закурил. — Только собрался отдышаться, слышь, поилка в краю корпуса зазвякала. Перехватило морозом трубу. Пока разогревал — вот ты и пришел. Только и успел, что до лавки добрался.

Старик открыл топку, бросил туда окуроч. Взял лопату. Малиновое пламя освещало снизу его заросшее щетиной лицо. Сморщили годы и без того неширокое лицо, брови уж сиветь начали, длинный нос тоже сгорбился, навис над губами.

— К обеду должно потеплеть. Так что работай смело, трубы не замерзнут.

— Опять рука показывает?

— Она... Эвон когда ранило, а все как барометр...

Спиридон снял шапку, вытертую до блеска на шее и на ушах, намотал на шею шарф, снова натянул шапку:

— Пойду к старухе. Заждулась, небось...

...Занятый работой, парень и не заметил, как стали приходить доярки. Они рассказывали друг другу свои нехитрые новости: одна кофточку модную купила, другая получила от ухажера любовное письмо, у третьей муж на бровях домой пришел. Скотника они насколько не стеснялись: Костя был своим человеком в Кочневой, ему и без того были известны все подробности не очень богатой событиями деревенской жизни. Его собственные встречи с Натаской тоже были всем известны, и если не подсмеиваются над ним, так только потому, что считают его уже достаточно взрослым, чтобы семью заводить. Так бы оно, наверное, и было, если бы не армия. Значит, все отодвигается на два-три года. Вот вернется домой, и тогда...

Как раз сегодня его вызвали в военкомат, на комиссию. Скоро, видно, придется ему расстаться с коровами.

Свою работу Костя делал почти механически. Лопата и метла были под рукой, привычно менял их парень в своих крепких ладонях, привычно нагружал и вывозил вагонетку. Так же привычно текли и мысли:

«Вот и Никитич на пенсию собирается. Значит, кто-то новый придет на ферму. Хорошо бы, парень». — И сам рассмеялся от такого предположения. Кто же сюда пойдет? Все ребята да и мужики в годах врываются только на трактор или в строительный цех.

Костя их не осуждает — каждый старается найти работу по душе. Только не может понять: почему столь недалеко видно совхозное начальство? Каждый год мучаются управляющие и заведующие фермами, ищут доярок и скотников, а нет, чтобы открыть какие-то курсы или послать на учебу. Тех, кто хочет стать трактористом или комбайнером, и в училище направляют и командировочные платят, а для Кости вся учеба закончилась тем, что сказал заведующий:

— Смотри на Спиридона. Он по своей части мастер. Будет что непонятно — спрашивай.

Не сразу Костя понял, что работать с коровами намного сложнее, чем на тракторе или автомашине. Там все ясно — схемы, инструкции, время выработки; исполняй их четко — и будет твоя техника рокотать, делать, что от нее требуется. А корова — другое дело. Целая наука о разведении скота существует, и зародилась она намного раньше, чем было изобретено колесо.

— Хоть и кажется, что нет легче нашего пастушеского дела, а ты сперва походи за стадом, потаскай на плече витьень, тогда и скажи мне, легко это или тяжело, — наставлял его в первый день Спиридон. — Я тебя пугать не хочу, только прямо скажу, что не всякий может вытерпеть на нашей работе!

Много позднее, когда ноги уже гудели от многочасового бегания по сырой траве, а все тело так и просилось хоть пяток минут полежать около костерка, Костя понял, как прав был Спиридон Никитич. И все это было вчера, будет и завтра, и через год, и через десять лет. И еще понял тогда парень, что сильнее многих других его односельчан был — и характером, и волей, и телом — невидный этот мужик, теперь уже согнутый годами.

Это верно, работа скотника, пастуха — не мед. Зимой рабочий день начинается в пять утра и продолжается сутки. В эти сутки скотник — и коцегар, и ветфельдшер, и плотник, и слесарь, и монтажник. Ко всему этому — кормов надо подвезти, помогать женщинам тяжелые бидоны с молоком перетаскивать. Летом — свои заботы. Кто видал, тот знает, что в июльскую жару невозможно удержать стадо, если услышат коровы звон паутов. Не разбирая дороги, несуся они к реке, где в густых зарослях пытаются скрыться от паутинового звона. Иногда мальчишки-подпаски специально изображают звон паутов: «Бзы-ы, бзы-ы!» Даже от одного звука коровы задирают хвосты и бегут, бегут... Но ни на минуту пастух не должен забывать и дела, ради которого он и приставлен к этой работе: о молоке. Не наедятся коровы, не надоят доярки молока — меньше заработают, а ферма не выполнит план.

Как-то раз Сергей Кочнев, будущий экономист, посланный в институт совхозом, спросил Костю, зачем он пошел на ферму скотником — если из-за железного стажа, то все понятно: надо полагать, что при поступлении в институт характеристику совхоз даст отличную и заработок у скотника хороший. Как тут объяснишь? Косте нравилось просто работать около коров, за стадом ходить, навоз убирать. Ведь есть же такие люди, которые радость для себя видят в том, мимо чего другой проходит если не с пренебрежением, то совершенно спокойно.

Он не считал себя в чем-то ущербным. Как и все, любил книги, музыку. Понимал, что без техники теперь уж никуда. Но все же каждое утро он смотрел на восходящее солнце так, как будто видел его впервые. От реки поднимался пар, волнами растекался по деревне, и дома странными казались в этих волнах: будто стояли они не на земле, а на дне неведомого моря. Седая от росы трава пахла сыростью и землей, и там, где Костя проходил, стебли и листья ярко зеленели, освобожденные от тысяч капелек. Роща за рекой из-за тумана тоже казалась сказочным теремом. До того любил парень летние утра, что даже однажды искупался в росе.

А вечера? Стадо возвращается домой, и вслед за ним, холодая через плещину, тянется из широких логов, будто живая, сырость. Она наплывает, как бы спешит укрыть в себе и тебя, и коров, и всю деревню. Около покотины сырость останавливается, упершись, как в забор, в стену раскаленного и пыльного уличного воздуха. И было приятно после сумеречной сырости поля снова войти в этот горячий воздух, словно еще раз шагнуть из ночи в день. В деревне еще светло, но в домах уже зажигали огоньки, и отблески их уже дрожали на тихой реке, а месяц еще был слаб — не мог проложить свою серебряную дорожку.

Когда Костя решил стать пастухом, то разговоров по всей деревне было немало. Дома тоже был шум до потолка: мать и плакала, и уговаривала не срамить семью перед людьми, отец подерживал ее атаки. Кончилось все тем, что Костя пообещал работать на ферме до армии. Родители согласились — пусть, мол, помотает соплей на кулак, поймет, почем фунт изюму. Но вот пришло время идти в армию...

Первое время даже Спиридон Никитич не верил, что парень насовсем решил остаться в пастухах. Летом он ничего не говорил, потому что лето в тот год выдалось ведренным. Для молодого такая работа на свежем воздухе — одно удовольствие. И для аппетита хорошо, и для заработка — лучше не придумаешь. Но осенью, перед тем как возвращаться из летнего лагеря на ферму, не утерпел старик, спросил: — Теперь-то куда надумал?

— И ты туда же, Спиридон Никитич! — засмеялся тогда Костя. —

Ведь сам-то ты не собираешься убегать с этой работы. Почему же я должен уходить? Или плохо работаю?

— Ты меня с собой не равняй. Мне теперь одна дорога — дорабатывать до пенсии. А тебе вроде бы и не с руки около коров всю молодость быть.

Но парень заметил, что ответ его старику понравился.

Смена шла своим чередом. Костя уже коров с прогулки пригнал, помог дояркам привязать их. Привез на ночь сена, вместе с доярками разложил его по кормушкам. Вывез на тележке скопившийся за несколько часов навоз. За делами и не заметил, как короткий зимний день начал убывать. Вот и дойка закончилась. Доярки развешали по стенным крючкам доильные аппараты да шланги. Заведующий, Тимофей Васильевич Кочнев, подсчитал в своей тетрадке, сколько молока за день надоили на ферме, сколько получила каждая доярка от одной коровы, мелком записал эти цифры на специальной доске. Потом присел рядом с Костей.

— О чем задумался, Константин Андреевич?

Это обращение по имени-отчеству не было шуткой. Костя давно уж заметил, что и в конторе отделения да и просто в мужицкой компании зовут его полным именем. Значит, считают равным. И это было приятно.

— Нелегкая у нас работа? — продолжил заведующий.

— Нелегкая, — согласился Костя. — Это верно, Тимофей Васильевич, нелегкая.

— А где ты найдешь легкую работу? Она везде одинакова, хоть на тракторе, хоть в бригаде. Даром деньги нигде не дают.

— Яму бы новую открыть, Тимофей Васильевич, — перевел разговор Костя. — Доярки обижаются, что силос плохой, много объеда остается.

— Без них знаю, — посерьезнел заведующий. — Да только хороший силос мы к весне сохраним. Тогда и сена будет в обрез, вот и силос за него сойдет. А пока перебежмся. Наверное, за этот квартал опять первое место по совхозу займем. Опять доярки премии получают. И ты тоже, само собой!

— Вы меня не соблазняйте премией, Тимофей Васильевич, — подхватил шуточный тон начальника Костя. — Я не женатый, деньги не очень нужны.

— Трудно тебе придется в жизни, если не переломишь характер, — засмеялся вместо ответа Тимофей Васильевич. — Но с такими, как ты, жить интереснее.

И ушел.

Теперь до утра Костя — единственный хозяин всей фермы. Коровы улеглись, постепенно в корпусе наставалась сонная тишь. Парень проверил воду в дальних трубах — не угадал Спиридон Никитич, не потеплело на улице, могло и перехватить автопоилки. Прошелся с метелкой по проходу.

За день он все-таки устал. Как о чем-то постороннем подумал, что сейчас в клубе уже, наверное, собрались ребята и Наташка тоже там. Весной он покажет ей свое любимое место — высокий обрыв около старой дороги. Далеко с него видно, и хорошо сидеть на нем.

Весной... Вспомнился первый выгон коров после зимнего стояния в корпусах. В этот день Костя не узнал Спиридона Никитича: побрился пастух, хотя делал это только по красным праздникам. От старика несло одеколоном, в сапогах отражалось солнце.

— Праздник нынче и есть, — серьезно ответил он на недоуменный взгляд напарника. — Вот побегаешь по лесу лето, так узнаешь. Не зря же в старое время даже попа на первый выгон скотины приглашали!

Немного выдалось за лето ведренных дней, и даже выходные проходили как-то незаметно. Не попали они и на районный праздник животноводов, куда съезжались все доярки и пастухи — им не нашли замену на тот день.

Поразился в то лето Костя сообразительности коров. Пока пастух на виду — все они смиренные, ходят и будто не думают о побеге. Только отвернись — обязательно две-три коровы улизнут в овсы. Как-то раз собрался он уж бежать, собирать коров в кучу, да Спиридон Никитич остановил его: «Сейчас, говорит, я их сам соберу». Закричал: «Кóбли! Кóбли!», — и коровы все вернулись да чуть не к самому пастуху подошли, будто ждали чего-то. Объяснил тогда старый пастух, что до Кости работал с ним мариец Сташка, он-то и приучил коров к соли. Посыплет ее на землю и кричит: «Кóбли, кóбли!» Вот и привыкли животные. После этого и Костя стал подкармливать коров солью, чтобы не нарушать условный рефлекс, который пастухи, не

имеющие даже понятия о таком термине, приспособили для облегчения своего труда.

Много таких хитростей было у старого пастуха. Он леса и поляны знал как собственный карман, всегда мог для своего стада найти аппетитную траву. Терпеливо объяснял Спиридон Никитич свои премудрости парню, видимо, поверив, что переходит его ремесло в надежные руки...

И снова подумалось: завтра ехать в район. Малых подходил для всех родов войск — хоть в ракетчики, хоть в моряки: здоровье позволяло да и образование тоже. Просился он в кавалерийские части, но военком засмеялся:

— С такими данными — и в кавалерию? Благодарить меня будешь, когда получишь воинскую специальность, — сказал он Косте. — Не всю ведь жизнь будешь коровам хвосты крутить... Да и нет у меня никакой кавалерии. Не те времена, парень!

Вон как даже: хвосты крутить! А Косте не хотелось к ракетам. Пусть не к коровам, но хоть к лошадям — все живые существа. Да, видно, не выберешь себе военную специальность, служи там, куда пошлют.

...Когда Костя уходил с фермы, деревня спала, было так же тихо и морозно, как и вчера. Только огней было больше — чувствовалось утро. Огни вроде бы и разгоняли темноту, но только над улицей, а сверху, над крышами, она была еще гуще и плотнее. А еще выше, над темнотой, крупинками новогоднего снега сверкали звезды. Вспомнил, как Наташка после каждого поцелуя укоряла: «Опять звезды считать заставляешь?» — и улыбнулся: вечером опять встретятся.

САМО- УТВЕРЖ- ДЕНИЕ

Василий ПАНКРАТОВ

Рисунки В. Бубенщикова

Как-то, не очень давно, пришлось мне побывать на Ирбитском мотоциклетном заводе, и в тесной комнатухе заводского комитета ВЛКСМ я оказался свидетелем такой сцены.

Совсем молоденький парнишка, губастый, краснощекий, что называется кровь с молоком, зашел подписать «бегунок», обходной листок,— увольнялся с завода.

Секретарь комитета, конечно, поинтересовался, по какой причине парень увольняется. Тот ответил:

— А чего хорошего — целый день только гайки и закручивай. Скучота. В школе занимался в техническом кружке, так там задания всякие, интерес был... А тут норму выполняй — и больше ничего.

Парень и четырех месяцев не проработал, только-только освоил азы профессии — и уже ему скучно стало.

Спору нет, это очень важно — интересная у тебя работа или

скучная. Но не от нас ли самих это чаще всего зависит?

Мне вспомнилась моя рабочая юность. Когда-то и я таким же вот парнишкой — после школы ФЗО — переступил впервые порог мартеновского цеха Нижнетагильского металлургического комбината. На моих глазах многие будущие сталевары, машинисты кранов, разлишники стали делать первые шаги в самостоятельную трудовую жизнь. Не у всех это

получалось гладко. Кое-кто под настроение с такой же вот легкостью готов был распротиться с заводом, с профессией, которая потом — из тысячи других профессий — стала для них самой лучшей на свете...

...Я работал машинистом заливочного крана, и был у меня помощник Володька Пестов. Однажды в конце смены этот Володька куда-то исчез. Часа за два перед тем я послал его на склад за солидолом, чтобы во время перемены успеть заправить маслостанции на кране. Меня охватило беспокойство. Работал Пестов вторую неделю, цех знал плохо — мало ли что могло случиться: кругом огонь, в печи непрерывно то заливают жидкий чугун, то выпускают сталь, по железнодорожным путям, которые оплели мартен со всех сторон, беспрерывно снуют тепловозы, движутся составы. А работали мы в ночную.

Когда кран освободился, я загнал его в тупик и хотел идти на поиски Пестова. Но каково же было мое удивление и возмущение, когда я увидел... спящего Володьку!

Ночь стояла душная, в цехе было жарко, и Пестов устроился на сквознячке у окна. Он свернулся калачиком и сладко чмокал во сне губами. До Володьки я обучил уже не меньше десятка помощников, но так бессовестно ни один себя не вел. Конечно, впервые в жизни человек вышел в ночную смену. И все же...

Володька протер кулаками глаза и нахально осклабился:

— Не заметил, как и уснул! А здесь хорошо, на холодке.

Мораль читать я не стал. Сказал только:

— Договоримся, друг ситцевый, так: первый и последний раз вижу, что ты дрыхнешь на работе. Понял? Не то...

Володька поерошил русый, замасленный маслом чуб и обиженно засопел. Видимо, слова мои не дошли до его сознания, появилась только досада: «Придирается...»

После смены, по дороге домой, когда вышли из трамвая, Володька, как ни в чем не бывало, спросил:

— Задачки-то по физике прийти, что ли, порешать?

Пришлось мне отказаться от его помощи — не те складывались отношения.

— Ты лучше выпись как следуешь дома, чтобы в цехе пузыри не пускать, — ответил я, и на этом мы расстались.

Недели через две, в воскресенье, он вовсе не вышел в вечернюю смену. Подождал я его в рапортной и пошел принимать кран. Так всю ночь и работал один.

А утром чуть свет прибежал ко мне Володькин отец, дядя Коля. Бледный, руки дрожат, еле папироску из пачки достал.

— Беда вышла, парень! Встретил Вовка вчера дружков, выпили где-то. Увязался с ними на танцы. Прогулял мерзавец... Ты бы, может, того... Начальства-то в воскресенье в цехе не бывает. Не говорил бы. А я ему, завертяю, головомою устрою.

Мне жаль было дядю Колю. Работал он в копровом цехе шихтовщиком. Дело не из легких, а семья большая. Но ведь с Володькой это уже не первый случай. Не верилось мне, что на этот раз он осознает свою вину. Так я и сказал дяде Коле.

— Да уж что... Самое это последнее дело — прогулять. Я за двадцать годков не опоздал ни разу, — отозвался чужим голосом дядя Коля и, не взглянув на меня, стал спускаться по лестнице.

Припомнилось, как в цех пришли выпускники профессионально-технического училища, в числе которых был Пестов. Встречали ребят торжественно: собрались все машинисты смены — около семидесяти человек. Были среди нас люди уже убежденные сединами, проработавшие в мартеновском по 15—20 лет, и молодые, но уже опытные машинисты. Помощник начальника цеха Иван Тимофеевич Бочков всю рас-

хваливал новичков: грамотные, все после десятилетки, сильные, ловкие — сплошь спортсмены.

Кто-то насмешливо бросил из угла:

— Дорого покупаем, Иван Тимофеевич! Как бы продавать не пришлось за бесценок.

Все приняли тогда эти слова за шутку. А вот теперь, выходит, как в воду смотрел тот шутник.

Профгруппорг смены Иван Мешков, машинист разливочного крана, и слушать не хотел оправданий:

— Уволить, и точка! Пользы ни на грош, один позор на наши голы...

Все же согласились оставить Пестова в цехе до первого замечания. Недели две после этого он ходил надутый и пристыженный. Я не докучал ему разговорами, только спрашивал строже, чем обычно, и усмехался про себя: «Быстро же с тебя спесь сбили. Думал, тут как в школе. Не-ет!.. Здесь родители за тебя срамить не будут, сам изволь отвечать».

Надо сказать, что парнем Пестов был расторопным и умным. Все электросхемы крана знал на зубок, без запинки мог рассчитать нагрузку на зубья шестерен в редукторах. Да и мне помогал на первых порах решать задачки по физике и тригонометрии. Он их как семечки щелкал.

Однажды забарахлила схема малого, тридцатитонного, подъема крана. Я сразу понял, что подгорел «сухарь» на контакторной панели, но решил проверить Володьку. Спросил, почему включается только первое положение, а дальше подъем не идет.

Пестов как-то сразу оживился и начал называть причины. Все они были логичны в других ситуациях, но тут он не угадал.

— Слабак ты, Пестов! — подзадорил я. — Мало схему знать, надо еще машину чувствовать.

— Ты десять лет машинистом, а я только пришел, — резонно заметил Володька. — Проработаю с твоим — знать буду.

— Выходит, не собираешься больше прогуливать?

— Да хватит об этом! Надое-ло... Житья нет ни здесь, ни дома.

«Значит, дошло», — отметил я про себя.

Чувство самоутверждения нико-му не чуждо. Наоборот, без него невысказана жизнь. Володя Пестов, как десятки и сотни ребят, его сверстников, давно стал хорошим машинистом, настоящим рабочим.

Как и когда наступил перелом? Может, в горькие минуты строго-го суда товарищей? Или же в тот миг, когда почувствовал свою власть над машиной, понял, что су-меет ею управлять не хуже дру-гих?

Валерка Бесфамильных пришел к нам в мартеновский лет шест-надцати из детского дома. Ответ-ственную работу ему нельзя было поручить, да и трудовое законо-дательство запрещает — в подруч-ные сталевара, машиниста, разли-вщика стали определяют после во-семнадцати лет. Приставили Ва-лерку к делу, прямо скажем, не-видному — слесарем-смазчиком. Оборвался маслопровод где-то на кране или на завалочной ма-шине — Бесфамильных берет ин-струмент в руки и пошел исправ-лять. А машинист, в два-три раза его старше, указания дает:

— Это вот так сделай, а это так...

Валерка работает себе, слушает порой, как какой-нибудь дядя учит его уму-разуму, и улыбаются втихомолку. Иногда скажет без-злбно:

— Ты вон про свои обязанно-сти помни. Подшипник-то по тво-ей вине не мазался.

Сделает все аккуратно, любо-дорого посмотреть. С достоинст-вом работал парнишка, хотя сам ходил грязный, как трубочист — от пяток до макушки в масле да пыли. Над ним иной раз посмеи-вались, а он ничуть не смущался, дорожил своей работой не мень-ше, чем иной сталевар.

Докучали Валерке наши старые заливные краны. Все механиз-мы на них стояли на подшипниках

качения. То бронзовые вкладыши закатаются, то масленка из строя выйдет. Почти каждый день Бес-фамильных одну и ту же работу делал. Придет на кран, разложит инструмент и скажет со вздохом:

— У вас тут, как на острове. Только кругом огонь...

Краны ходят над печами, ле-том настил и все механизмы рас-каляются до того, что голой ру-кой ни к чему не притронешься. Идешь по галерее моста — под-метки на ботинках дымят. Маши-нистам не сладко, а слесарям того хуже.

Не раз мы предлагали сделать хотя бы на механизме передви-жения моста централизованную смазку — подвести маслопроводы к подшипникам. Все соглашались, что предложение дельное. Да где взять маслопроводные трубки?

А тут кран остановили на капи-тальный ремонт. Естественно, и смазчики занялись своим хозяйст-вом. Вижу однажды: ходит Ва-лерка по крану и замеряет рас-стояние от редуктора до подши-пников и все записывает в заму-соленный блокнот.

— Чего ты там колдуешь? — спросил я.

Валерка по минуте задумался, размазал по потному лицу кула-ком копоть и ответил:

— Хочу из старья сделать мас-лопроводы, хотя бы на одной стороне моста. Как думаешь — получится? Или пустая затея?

И столько в его голосе, в гла-зах, в едва заметных складках на лбу было озабоченности, что мне показалось: не шестнадцати-летний Валерка стоит рядом, а умудренный жизнью человек.

А он почесал грязной пятерней затылок, шмыгнул носом и с наив-ностью ребенка выпалил:

— Все равно буду делать. Хоть Никола и не согласен со мной.

Это про бригадира слесарей-смазчиков.

— Ну, дае-ет пацан! — рас-смеялся стоявший рядом мой по-мощник.

Валерка смерил его насмешли-вым взглядом и солидно сказал:

— Ты своим делом занимайся. Грязи-то на кране невпроворот. Я не обязан убирать ее за тебя. Понял?

Маслопровод Бесфамильных со-бирал по вечерам. Когда кончал-ся рабочий день, он просил бригадира Николая Титуха оста-вить ему ключ от мастерской. До позднего вечера гнул трубки, придавая им нужную configura-цию, подгонял переходы и кре-пежные муфты. Уходя домой, все складывал аккуратно в ящик, до следующего вечера.

Через неделю Валерка прита-щил на кран целую паутину масло-проводов и принялся их устанав-ливать на подшипники. Все у него было безукоризненно подогнано. Даже бывалые слесари рот от удивления разинули. К вечеру все было готово. Бесфамильных тя-желой походкой уставшего чело-века обошел свое хозяйство еще раз, осмотрел, постучал ключом по проводам, подтянул кое-где гайки и принялся качать смазку. Из-под вкладышей подшипников скоро стали выбрызгивать тонкие пленки солидола.

— Теперь порядок! — солидно сказал Валерка, подмигнул ребя-там, уселся на редуктор и спро-сил у подошедшего бригадира: — Закурить есть?

Тот с удивлением уставился на Валерку:

— Когда это к табаку успел приохотиться?

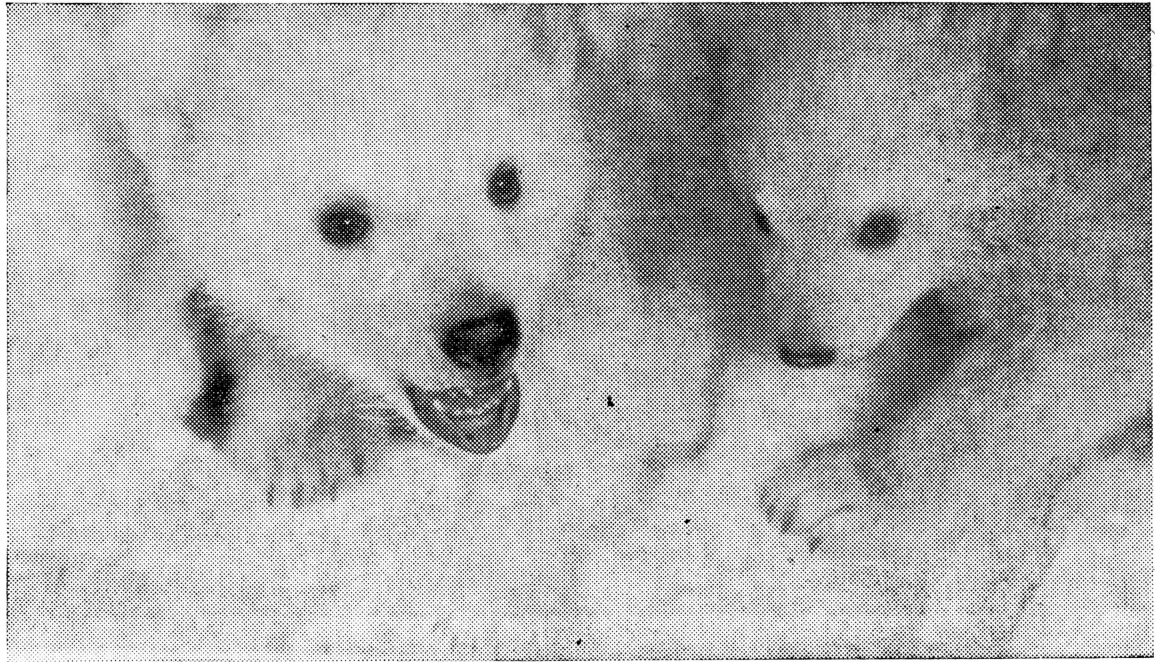
Валерка крутнул лобастой голо-вой и засмеялся:

— Да не надо мне твоих папи-рос! Я так просто. Ты ведь за ребенка меня все считаешь.

Он собрал свой инструмент и неторопливо, с достоинством стал спускаться по лестнице вниз.

— Предложение бы, однако, оформить надо, — осмотрев Ва-леркину работу, заключил брига-дир. — Вот и смотри на него. Мальчишка, а додумался, дьявол!

ная, на верблюжьей шерсти куртка и штаны со множеством застёжек. Костюм тяжёлый, неудобный. В нем только гулять хорошо, но не работать.

Восьмого праздник. Какой дурак полетит на остров Врангеля, чтоб там застрять неизвестно на сколько.

10 марта

Синее небо, глянец отсвечивает снег. Над прибрежными торосами поднимается марево, ветер гонит редкие струйки поземки. Ясно. А что скажет Врангель? Есть ли погода там? В аэропорту деловое оживление.

В час дня нас приглашают на посадку. Самолет летит через пролив Лонга.

Врангелевские горы хороши. У них свой характер. Как человек-великан, положив руки на колени, возвышается двуглавая гора Советская (высшая вершина острова). По бокам ее поддерживают гора Высокая и пик Берри. Вокруг, как грибы, рассыпались горы поменьше.

К подножью гор прилип поселок Ушаковский. С воздуха он похож на аккуратную пасеку.

Ниже на длинной темной косе бухты Роджерса стоят домики полярной станции,

возвышается старый, уже не нужный ветряк и мачты антенн. Сейчас остров Врангеля уже не такой далекий полярный кусочек нашей страны, каким он был лет сорок назад, во время зимовки Минеева. Тогда к острову в течение пяти лет не мог пробиться ни один корабль. Сейчас каждое лето на остров приходят корабли с грузом для полярной станции и поселка. Раз, а то и два раза в неделю прилетают на остров «Аннушки». Если раньше в Арктике работали только мужчины, то сейчас на острове есть даже детский сад, магазин, библиотека, поликлиника, баня. Арктика укрощена.

Видно, как внизу к взлетной полосе, отмеченной флажками, тянутся черные точки. Самолет встречают все свободные от вахты полярники. Хотя самолет здесь и не редкость, такая встреча стала доброй традицией. Смотрят, кто прилетел, какие грузы прибыли, может, есть какие новости, приветы от знакомых, все ждут почту, которая для таких мест — событие.

Меня встречают Стас и парень в красной полярной куртке — Володя Мазнев — кинооператор экспедиции. Планировалось двоих, Мишу и еще кого-нибудь, на самолете выбросить на Дрем-Хеде. Так как меня не

было, связи со мной не было тоже, то Стас сразу отправил Мишу с частью груза, но не на Дрем-Хед, а в охотничью избушку у горы Комсомол, примерно в 30 километрах от нашего балка.

Еще раз просматриваем, что у нас есть, а чего нет. Оказалось, что нет хлеба и муки. Мне, собственно, все равно — есть хлеб или нет, я привык к полярной кухне. Но если остальные члены экспедиции с непривычки не смогут без хлеба?

Спрашиваю Стаса:

— Чем вы собираетесь разливать суп?

— Поварешкой.

— А где она?

— Не имеется.

— А собираетесь ли умываться?

— Да. Но умывальника тоже нет...

— А где будете брать воду?

— Из снега.

— Все время выбегать с чашкой или кастрюлей?

На севере в каждой избушке около печи стоит железная бочка или бак, которые наполняются снегом или льдом. Вот и вода. Но чем ее черпать? Нужен ковш.

В конце концов решено, что я остаюсь на день, чтобы купить продукты и раздобыть посуду. Ребята завтра выезжают на мотосанях, а я через день — на попутном вездеходе.

11 марта

Бегаю по поселку и собираю все необходимое. Плохо только с хлебом. Праздник и свадьба подчистили все хлебные запасы. Мне выкраивают двадцать буханок, немного муки.

Все готово, завтра можно отправляться.

12 марта

Метет, но мы все же едем. Не на собаках ведь, а на вездеходе. Что ему непогода?!

Сорок километров до бухты Сомнительной, где стоит поселок Звездный, проехали по дороге за полтора часа. Впрочем, дорог как таковых на острове нет. Есть почти прямая линия, промаркированная через 20—50 метров бочками, набитыми галькой, чтоб их не унесло ветром. Опытные механики даже в пургу не сбиваются с пути — едут по этим бочкам-вехам.

В Сомнительной Стас с Володей опять возьмется с мотосанями. Похоже, что до Дрем-Хеда я доберусь раньше всех.

Через полчаса вездеход везет нас дальше. Спускаемся в Тундру Академии. Впереди пик Тундровый. У подножья пика видна избушка.

В десять часов собираю рюкзак. Пишу записку Стасу (они поедут через эту избушку), в которой перечисляю, что я здесь оставил. Надеваю бахилы, лыжи и отправляюсь к Дрем-Хеду. Это небольшой горный массив, который находится на северо-западе острова, в пяти километрах от побережья. Удобные некрутые склоны, близость к морю, — очевидно, поэтому Дрем-Хед стал одним из любимых мест, где медведицы устраивают себе берлоги.

Около четырех часов подхожу к распадку, где должен стоять балок. Вот и он. Несколько листов фанеры с облицовки хатки содрало ветром. В балке снега немного, дров и угля нет. В одной из бочек немного солярки. Надо попробовать сделать иглу. Но снег около балка так утрамбован ветром, что верхние слои приходится рубить топором — ни пила, ни нож не берут. Внизу снег помягче, можно пилить ножовкой. Сгоряча я стал делать иглу чуть не четырех метров в диаметре. А одному трудно вырубать кирпичи, засовывать их внутрь и выкладывать стены. Мне осталось вывести свод, но уже стемнело. Черт с ней, думаю, с иглой. Пойду завтра за Мишей. Вдруг Стас с Володей задержатся, а вдвоем мы приведем балок в жилое состояние и иглу достроим.

14 марта

Погода сносная. После завтрака бросаю в рюкзак ножовку, немного сахара, консервы, запасные варежки, свитер и меховые чулки. На случай встречи с медведями беру три ракеты. Стоит ли брать спальный мешок? Ладно, беру. Можно было 30 километров до горы Комсомол добежать и налегке, но метеорологических прогнозов у меня нет, а все, что я взял, пригодится, если придется сделать снежное убежище и переждать пургу.

Знакомой дорогой спускаюсь с перевала. В прошлом году путь был легче. В долине реки Мелкой полуметровые, как застывшие волны, снежные заструги. Огибаю Безымянные горы и направляюсь к линии торосов на берегу. Там фирн должен быть ровнее, можно и бежать. Кроме того, идя вдоль берега, я не проскочу мимо избушки Чайвуна.

С обеда небо заложило серой пеленой, в лицо подул ветер, заструилась поземка. Впереди кто-то показался. Олени? Собачья упряжка? Да это же медведица! Желто-

серая медведица, а с ней два белых комочка — медвежата. Они, видимо, идут с горы Безымянной, где у них была берлога. Наши пути должны пересечься. Останавливаюсь, достаю фотоаппарат и ракетницу.

Наконец-то и медведица останавливается — увидела меня. Повернулась в мою сторону, качнула головой и пошла к морю уже быстрее, оглядываясь на медвежат. Медвежата за ней не поспевают. Она останавливается, ждет их, подталкивает их носом и передними лапами.

Показался маяк на берегу. До избушки охотника Чайвуна должно быть четыре километра. Вот его песцовые приманки.

Белый песец — важнейший промысловый зверь острова. Почти все места массового обитания песца на Врангеле поделены на охотничьи участки, на которых и построены избушки. Охотники обычно живут в поселке и переселяются сюда на сезон летней и зимней охоты. Ловят песцов капканами. Приманка обычно из моржатины. Лучшие охотники Чайвун и Нанаун добывают за сезон по 100 и более песцов.

Заголосили собаки. Из домика вышли двое, один в красной куртке — это наверняка Миша Фирсов, сотрудник лаборатории охраны природы. Низкорослый и косолапый — это Чайвун. Он идет навстречу, улыбается.

— Я тебя за километр по походке узнал, — говорит Чайвун.

За ужином передаю Чайвуну привет от наших ребят, фотографии. Он все помнит, интересуется, как у кого дела.

Перед тем как сесть за стол, Чайвун ре-

жет на специальной доске коротким ножом, похожим на скребок, копальхен. Это — завернутое с кожей моржовое мясо, немного закишее. Да, запах у копальхена не очень-то приятный, но это традиционная, проверенная веками, калорийная, богатая витаминами пища. Как известно, никто из чукчей не умер от цинги. Наверное, потому, что они едят копальхен. Для Чайвуна еда не еда, если он не закусит копальхеном.

За столом потихоньку выясниваю Мишу, кучерявого брюнета, о том, кто он и что он. Он не очень-то словоохотлив, но постепенно выясняю, что в эту экспедицию его взяли на испытание. Потом ему дадут самостоятельную тему, и он сам будет водить экспедиции. Предлагаю ему завтра с частью продуктов идти на Дрем-Хед.

— Не тяжело будет? — обращаюсь к Мише.

— Ради бога, куда угодно. Я же охотник, проходил иногда по 60 километров, — говорит он.

И за что ребята на него дуются? Но тут Мишу подводит Чайвун:

— Сто за Миса! Сидит и сидит, три дня пилу тосит, нисего не делает...

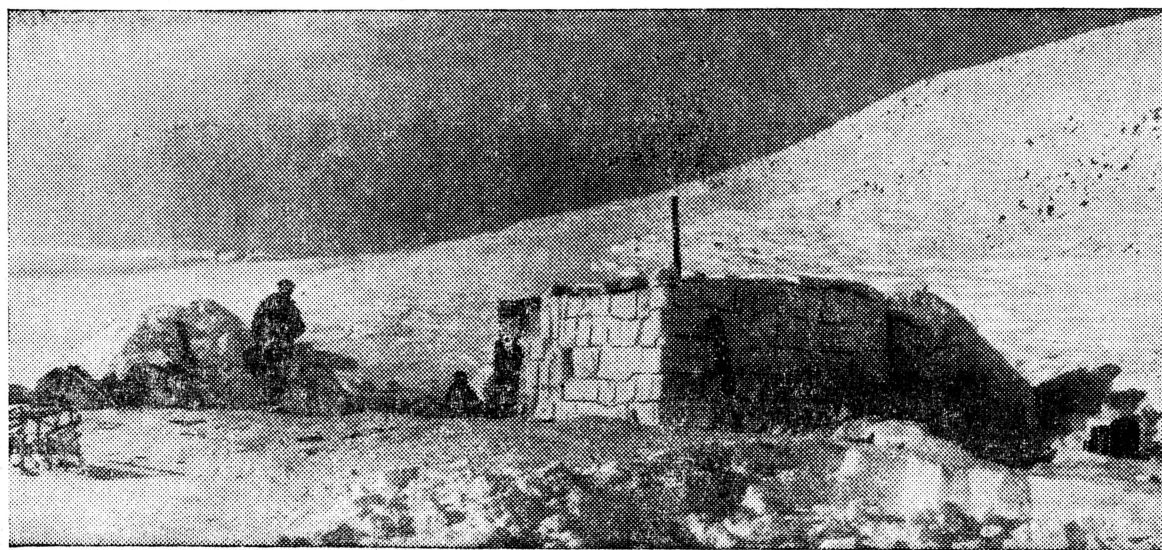
Мы с Мишей не замечаем этого выпада.

— А на лыжах тебе приходилось ходить?

— Ради бога, конечно!

15 марта

Утром с Мишей собираемся уходить. Берем продукты, канистру бензина. Чайвун подарил мне торбаза, хороши — они мне пригодятся. Подгоняем по Мишиной ноге

крепления — и лыжи для Миши дал нам Чайвун. Обещали ему вернуть их. До прошлого года лыж на острове не было. После того, как мы, уральцы, а затем «комсомольцы» прошли по острову на лыжах, на Врангеле появились лыжи. Правда, охотников бегать на лыжах по твердому, как асфальт, снегу немного, но их держат на всякий случай.

Чайвун обещает сегодня отличный день. Одеваюсь полегче и Мише советую снять лишние свитера. Еще раз пугаю Мишу трудностями перехода, но он выглядит молодцом. Чайвун вытаскивает из сарая железную волокушу и часть груза кладем на нее.

Мы надели лыжи, впряглись в волокушу и пошли вдоль гряды торосов на север. Вдруг через 50 метров Миша встал, снял рюкзак, лыжи и пошел с ними обратно к избушке.

— Лучше я пойду без лыж,— буркнул он.

— Можно и без лыж,— сказал я.— Только прошу — сними и свитер, жарко будет.

— Ради бога, что угодно...

И мы пошли дальше — один на лыжах, другой пешком. Через час остановились и отдыхали 15 минут. За два перехода прошли около девяти километров. Не быстро шли.

— Давай поьем,— слышу голос Миши.

— Нет, во время обеда.

Еще через пять минут снова:

— Давай остановимся на минутку.

— Миша, ты что? Нам еще 20 километров идти.

В половине второго останавливаемся на обед. Я ем сало, галеты, сахар, выпиваю кружку теплого чая из термоса, а Миша пьет только чай — есть сало он не может.

— Миша, — говорю спутнику, когда мы снова в пути и снова я слышу за спиной: «Давай остановимся», — как же ты будешь водить экспедиции, если сам не можешь пройти 30 километров?

— Ради бога, отстань ты от меня. Вот посижу и пойду...

Привал на перевале. Солнца уже не видно. На юго-востоке над пеленой поземки тянется оранжевая зубчатая полоса. На сине-фиолетовом небе начинают проступать звезды.

— Знаешь, один человек, чтоб увидеть эти горы, посвятил этому всю свою жизнь. Этот человек...

— Далеко еще?

— Сейчас спустимся, а там уже близко...

Стас с Володей приехали вчера поздно ночью. Им пришлось бросить маленькие мотосани около пика Тундрового и добираться сюда на больших с тремя груженными нартами. В темноте они сперва попали не в тот распадок. Но Стас, протерев очки, вспомнил знакомые места...

16 марта

После завтрака составляем планы на день. Стас решает, пока мотосани на ходу, съездить за оставшимися продуктами и снаряжением на Комсомол. Володя собирается идти за мотосанями к пику Тундровому. Мы с Мишей вооружаемся ножовками, лопатами и идем заготавливать снежные кирпичи. Доделываем хижину, которую я начал строить. Здесь будет продуктовый склад. Затем начинаем обкладывать снежными блоками стены балка.

На юго-западе с обеда висит темное облако — там пурга. Значит, Стаса ждать сегодня нечего.

17 марта

Только собрались приняться за работу, подъехал на собачьей упряжке Сергей Чайвун — привез часть груза.

— Где Стас? — спрашиваю его.

— Потихоньку едет, обедать с вами будет.

Чайвун рассказывает, что ехал по нашим следам и представляет в лицах, как мы шли:

— Один шел злой-злой, другой — ноги еле тасил.

Мы покатываемся со смеху, когда он показывает, как шел Миша — маленькими, приседающими шагами, украдкой хватая снег.

В полдень действительно приехал Стас. А вскоре в небе появился оранжевый самолет, покругил над нами и пошел на посадку где-то за перевалом. Этим самолетом должны прилететь начальник экспедиции, доктор биологических наук Савва Михайлович Успенский и режиссер-кинооператор Борис Глебович Крамаренко.

Собираемся все вместе. Савва Михайлович предлагает: сегодня устраиваемся и размещаемся в балке, завтра двое идут на поиски берлог, один едет на берег океана, а трое делают гараж для мотосаней.

— Из чего гараж делать? — спрашивает Стас.

Савва Михайлович покосился на меня:

— Из снега.

Распределили обязанности. Мне отдали портфель завхоза и, как техническому человеку, поручили следить за мотосанями.

Вечером Савва Михайлович — интересный он рассказчик — прочитал нам большую лекцию о белых медведях.

Для чего нужно метить медведей, изучать их жизнь? Одному из самых сильных хищников уже не остается места на нашей планете. Массовое истребление медведей за последние 50—100 лет, интенсивное освоение Арктики, технический прогресс, применение ядохимикатов — все это привело к тому, что белых медведей осталось на земле немного, по подсчетам ученых — не более двадцати тысяч. Белые медведи занесены в Красную книгу — международный список редких и исчезающих животных.

Белый медведь, в отличие от бурого, не залегает на зиму. Ему пришлось бы тогда проводить в логове почти целый год. В берлоги (обычно в октябре) ложатся раз в три года только медведицы. Все остальные животные — ледовые странники. Они почти не выходят на сушу. Но медведицы не делают берлог на льду: медвежата могут появиться только на земле. Мест массового залегания медведей осталось не так уж много. У нас в стране это, в основном, — остров Врангеля и Земля Франца Иосифа.

Во всех государствах, имеющих выход в Арктику, охота на белых медведей запре-

щена. Любопытно, что этот свирепый хищник, с трудом добывающий себе пищу, не гнушающийся и падалью, редко нападает на человека. На острове Врангеля, с тех пор, как он был открыт, люди убили не одну тысячу медведей, но не зарегистрировано ни одного случая, когда человек становился жертвой хищника. Человек с оружием всегда выходил победителем во встречах с этими животными.

Белому медведю следует поставить в Арктике памятник. Сколько полярных экспедиций спасало от голодной смерти медвежье мясо?! Сколько экспедиций по освоению севера снаряжалось в кредит — под будущие шкуры медведей?! В те времена это был промысловый зверь. Даже у великих полярных исследователей не возникало мыслей о сохранении поголовья медведей.

Но вот наступило время, когда о судьбе владыки Арктики пришлось беспокоиться. При обсуждении проблем сохранения поголовья белых медведей выяснилось, что жизнь этих животных изучена плохо.

Нельзя допустить, чтобы этот замечательный зверь исчез с лица земли. Ученые СССР, США, Норвегии, Канады и Дании разработали программу по изучению и охране белого медведя. Наша экспедиция и должна работать по этой программе на о. Врангеля.

18 марта

Ясное утро. Минус 32. Легкий ветер. Стас с Володей уезжают искать берлоги. К мотосаням они прицепляют еще сани — для плавника. Миша сегодня кухарничает. Савва Михайлович, Крамаренко и я решили построить иглу под гараж. Прикидываем, что иглу надо будет делать большую и высокую — таких я еще не делал. Да еще такой твердый снег. Но делать все равно надо.

Дело потихоньку продвигается. Хижина растет по высоте. Вот мне уже приходится стоять на бочке, чтобы выводить свод. Наконец гараж готов.

Времени около 4 часов. Вскоре приезжают Стас с Володей. Они привезли бревна плавника — дров будет около кубометра — и известие, что берлоги начали вскрываться, что одна находится прямо у нас под носом — при подъеме на перевал.

Перед сном вышли подышать свежим воздухом и полюбоваться северным сиянием.

За такой красотой стоит сюда приехать и специально.

Сияние обычно наблюдается в более или менее безветренную ясную ночь, когда наступает полная темнота. Сперва в небе намечаются две-три зеленоватые, прямые или овальные, полосы, обрастающие бахромой. Постепенно цвет их становится ярко-зеленым, они мерцают. Полоски колеблются и трепещут. Затем сияние вновь тускнеет. Так может продолжаться до рассвета. Но иногда в холодные ночи эти зеленые полосы сливаются в одну толстую, начинают дробиться, расходиться по всему небу. Цвет их меняется от зеленого до сиреневого, малинового и желтого. Весь ночной купол неба раскрашивается постоянно меняющимися цветными пятнами.

Это невозможно описать. Северное сияние надо видеть!

19 марта

Как обычно, утром узнаю погоду: минус 33 градуса, легкий ветер. Позавтракав, с приподнятым настроением собираемся на первую встречу с медведицей.

Заводить мотосани в гараже — это не на ветру, сразу затарахтел мотор. Цепляем к «Скиду» две чукотские нарты, все усаживаются и едем.

На пологом снежном склоне чернеет отверстие. Савва Михайлович готовит карабин, Стас заряжает ружье со шприцем. Мы с Мишей берем лопаты и пику для прощупывания берлоги. Володя ложится с камерой метрах в двадцати. Боря с фотоаппаратом располагается рядом с ним.

Никак не можем забросить снежными комками вход в берлогу. Подходим ближе — Стас, Миша и я. Медведица два раза высовывается и хрипло шипит.

...Все остальное мне вспоминается как в тумане. Я не видел и не слышал ничего, кроме темнеющего отверстия на белоснежном фирне и отрывистого фырканья медведицы. Стало жарко, и я сбросил с головы капюшон, поднял уши шапки, расстегнул молнию до половины.

Протыкаю дюралевой пикой снег перед собой и думаю о том, что расположились мы неудачно. Вверх быстро не побежишь. Побежишь вбок — можно угодить под выстрел. Вдруг с глухим треском разлетается в стороны снежный купол над берлогой, и медведица выпрыгивает из нее. Качая головой и переступая передними лапами, останавливается в нерешительности. Ее

окружают полукольцом люди. Мы со Стасом ближе всех, и она прыгнула в нашу сторону.

Почти одновременно раздалось два выстрела: негромкий хлопок кепчура и сухой треск карабина. Я инстинктивно выставил вперед пику и попятился. Но медведица с болтающимся шприцем в боку вдруг вернулась к берлоге, заглянула в нее и опять бросилась на нас. Савва Михайлович снова выстрелил — уже в хищницу, а не в воздух. Медведица согнула передние лапы, как-то обмякла, повалилась на бок и клубком покатилась вниз по склону.

Собираемся вместе, всем как-то не по себе.

— Вот вам и котлеты, — мрачно шутит Савва Михайлович, будто оправдываясь.

— А что оставалось делать? — говорю я.

Первая берлога оказалась очень маленькой — около двух метров длиной и полтора метра шириной. В берлоге сидел один маленький медвежонок.

Мы погрузили медведицу на нарты и повезли в лагерь. Савве Михайловичу, видимо, не раз приходилось свежевать медведей, и он с Мишей занялся разделкой туши.

Что ж, первый блин получился с нас комом. Медвежонка устроили в ящик. Целый вечер он верещал и не хотел есть. Настроение у всех неважное.

20 марта

Сегодня на обед отведали медвежье мясо. Поварил Савва Михайлович, он знает, как готовить беф-строганов из медвежатины. Сначала мясо необходимо очистить от жира, который отдает ворвань. После двухчасового жаренья получается отличное блюдо. Правда, мясо немного жестковатое, но вкусное.

21 марта

Савва Михайлович пытается приучить Машку — так мы назвали медвежонка, поселившегося в нашем балке, — есть из ковши разбавленную сгущенку. Но она категорически отказывается. Сосок же у нас нет. Савва Михайлович надевает на горлышко бутылки обрезок шланга и пробует таким способом накормить малыша. Постепенно Машка поняла, в чем дело. И сгущенка ей понравилась. Наевшись, Машка улеглась спать.

Сегодня мы с Мишей на мотосанях со всем снаряжением едем на террасу, где

вчера обнаружили берлогу. Остальные пойдут туда пешком — это недалеко от лагеря.

Мчимся вдоль склона, где заструги поменьше, добираемся до распадка, поднимаемся на третью террасу. Метрах в шестидесяти от берлоги глушу двигатель.

Небо прояснилось, ветер утих. Ровная, как стол, Тундра Академии на западе затянулась дымкой.

— Ложись! — слышу шепот Миши.

— Зачем?

— Ложись, — Миша показывает в сторону берлоги и достает ракетницу. Там высунулась медведица, посмотрела в нашу сторону и скрылась снова.

— Зря пугаешься, она боится сама. К нам она не подойдет — не оставит медвежат.

С южной стороны показываются Стас, Володя, Савва Михайлович, сзади плетется Боря.

Встаем каждый на свое место. Сегодня все обошлось без приключений. Довольно быстро забросали выход из берлоги. Миша вырыл узкий колодец. Медведица сует в него голову и рычит. Стас стреляет из своего ружья, шприц попадает в шею.

— Отойдем подальше, не будем ее волновать — сернилан будет действовать эффективней, — говорит Савва Михайлович. Отходим к нартам и закуриваем, через пятнадцать минут подходим к колодцу. Тихо.

Стас берет пику, опускает ее в шурф. Сернилан подействовал — медведица спит.

Осторожно скальваем над медведицей крышу. Она лежит, подтянув под себя задние лапы и вытянув передние. Голова свесилась в сторону. Из оскаленной пасти видны желтые клыки. Глаза открыты, кажется, что она притаилась и готовится к прыжку. Жутковато.

Стас как ни в чем не бывало спрыгивает в берлогу.

— Два медвежонка, берлога двухкамерная, — кричит он оттуда.

И начинается наша главная работа, ради которой мы и приехали на о. Врангеля. Сперва скальпелем протыкаем медвежьи уши и вставляем в них метки с выштампованным номером. Специальными щипцами метки закрепляются навечно. На металлическую метку надеваем еще и пластмассовый кружок диаметром 35 миллиметров с тем же самым номером. На одном ухе кружок зеленый, а на другом — красный. Пластмассовые кружки ставятся, чтобы при встрече с медведицей было заметнее, что она меченая.

Так и остаются хищники на всю жизнь с сережками в ушах, и если пластмассовые номера она потеряет, то металлические останутся.

Стас протирает скальпель и зубные щипцы спиртом, готовится выдрать ложный коренной зуб. Затем в лаборатории его распилят, срез отшлифуют и по годовым кольцам определят, сколько нашей медведице лет.

Я начинаю собирать треногу весов для взвешивания зверя. Стас занимается еще одной «кровавой» операцией — из бедра вырезает кусок жира. Наука требует жертв — жир нужен для анализа на пестициды.

Миша выстригает на боку медведицы две последние цифры номера ушной метки и окрашивает их ярко-оранжевой краской, чтобы номер можно было увидеть и с самолета. Этот номер сохранится до линьки.

С трудом затаскиваем медвежью тушу на сеть из капроновых веревок, чтобы взвесить пленницу: 272 килограмма!

С медвежатами все проще. Берем их за шиворот, сажаем в рюкзак и взвешиваем: девять и одиннадцать килограммов. Им вставили только металлические сережки — пластмассовые медведица может сгрызть.

Во время возни с медвежатами медведица начала оживать. Она подняла голову. Мы с Мишей пулей вылетели из берлоги.

Стас спокоен — он знает, что пока ничего страшного нет. Но не сделан еще обмер медведицы. Савва Михайлович со Стасом решают добавить небольшую дозу сернилана. Медведица снова успокаивается. Рулеткой ее измерили вдоль и поперек.

Наконец, медведица снова ожила, встала на передние лапы.

— Теперь пора уходить, — говорит Савва Михайлович. — После того, как она встанет на задние лапы, будет поздно.

22 марта

Минус 33. Низко, над самыми горами, ползет серая мгла. Мотосани не заводятся. Стас сообщает интересную новость: по инструкции они должны работать до температуры минус 25 градусов.

Уходим со Стасом на Большой Дрем-Хед пещком. Савва Михайлович с Мишей тоже отправились на поиски берлог.

Прошли места прошлогодних берлог. Ничего нет. А вот здесь медведица щипала травку и мох — проголодалась за зиму. Метрах в тридцати, наверху, темнеет отверстие. Бросаем туда комки снега. Из берлоги раздается глухое шипение.

Савва Михайлович с Мишей нашли берлогу на перевале, там, где начинается распадок. Решили за берлогой в распадке понаблюдать, а вскрыть сначала ту, которую нашли мы со Стасом.

23 марта

День хуже вчерашнего. Холодно, ветрено.

Все готово. Можно ехать.

Подъезжаем к берлоге. Крадемся. Но берлога оказалась пустой — ушла медведица в океан ночью.

Едем на перевал — к другой берлоге.

Домой вернулись окоченевшие. Особенно досталось Стасу с Саввой Михайловичем — им пришлось работать без рукавиц.

Дров идет очень много. В избушке у пика Тундрового есть уголь, им можно воспользоваться. И мы с Володей решаем ехать туда за топливом. Неожиданно изъясняет желание прокатиться со мной Боря. Ехать с ним не хочется, но Володя сегодня порядком промерз, надо отогреться ему.

Выезжаем около шести. Руки на руле мерзнут, не спасают шерстяные и меховые рукавицы. Через каждые полчаса меняемся с Борей местами и греемся за спиной друг у друга. У избушки долбим смерзшуюся кучу угля и наполняем им мешки.

- Может, поедem завтра утром?
- Ночевать в холодной избушке? Нет!
- Темнеет. Фара не горит...
- Потихоньку доедем...

Однако не проехали мы и двадцати метров, как нарты перевернулись. Выпускаю две зеленые ракеты. Они означают, что мы здесь остаемся ночевать.

24 марта

Утром просыпаемся с Борей от холода. Глотаем по кружке чая. Перевязываем мешки с углем. К завтраку надеемся быть в лагере.

Восточный ветер — хорошо, будет дуть нам в спину. День обещает быть ясным. На холодном небосводе медленно поднимается утреннее неясное солнце. Дрем-Хед ослепительно сияет снежными склонами.

Взбираемся на последнюю возвышенность перед Дрем-Хедом и на спуске мотосани глохнут. К лагерю идем пешком.

Сегодня едем на Малый Дрем-Хед. Володя со Стасом уже успели найти здесь берлогу.

Берлога на крутой восточной террасе. Все шло хорошо до момента, когда Стасу нужно было выстрелить шприцем. Как только он направлял ружье в колодец, медведица мгновенно пряталась. Значит, она боится ружья, значит, в нее когда-то стреляли? Я дразню медведицу палкой. Она бросается на нее, сует голову в колодец. Как только Стас начинает целиться — стрелять не в кого. Стас воткнул уже в дно берлоги четыре шприца.

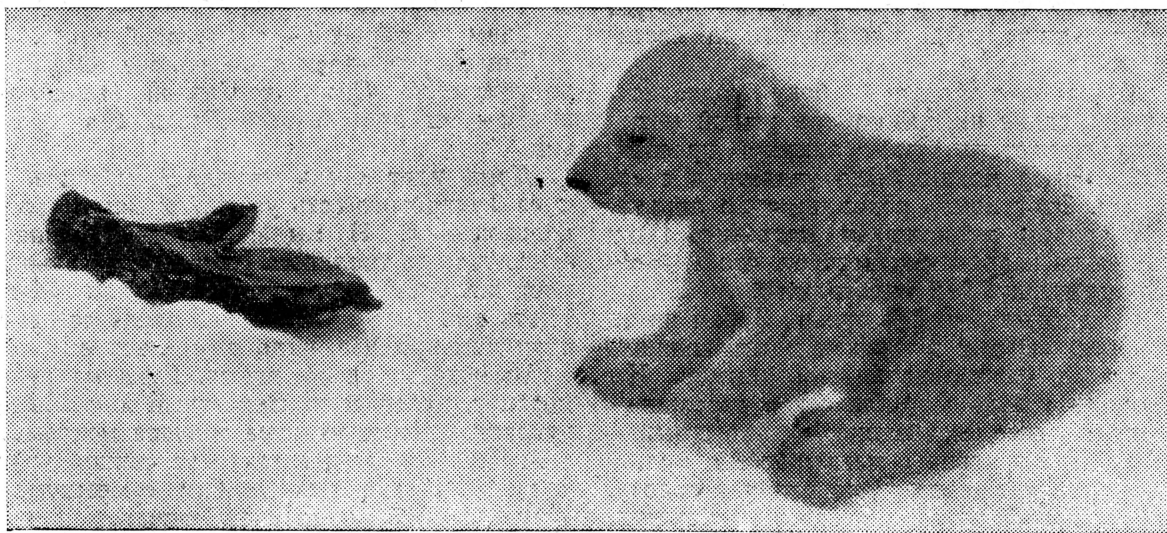
Опять закуриваем. Прошел уже час. Миша жертвует нам носовой платок. Не торопимся. Стас протирает очки. Направляет ружье в шурф, прицеливается. Я бросаю туда тряпку. Мишин запах, видимо, приводит зверя в ярость, медведица бросается на платок. Стас нажимает на курок — шприц впивается в шею...

А в балке нас встречает сердитый голодный визг Машки. Савва Михайлович успокаивает ее, греет ей кашу со сгущенкой. Потом они идут на прогулку. Машка не отстает от Саввы Михайловича ни на шаг. Как только он начинает идти быстрее, у малышки заплетаются ноги, и она валится на бок. Спокойнее всего Машка чувствует себя, прижавшись к меховым торбазам Саввы Михайловича. Он начинает валять ее в снегу, очищая мех от грязи и копти. Она принимает это за игру.

Удивительно, но Машка уже понимает слово «нельзя!». Ломать свой ящик — нельзя! — и Машка успокаивается. Хватать зубами ковш — нельзя! — и она начинает лизать из него. Рвать варежку — нельзя! — варежка остается в покое.

25 марта

С утра выезжаем со всем снаряжением на перевал. Но вчера пригрело солнышко, и наст слегка заledenел. Каучуковые гусеницы нарт пробуксовывают. Приходится взбираться наверх пешком. Без людей мотосани с нартами идут легко, хотя снаряжение — складная тренога, сеть, полиспап, веревки и динамометр, хирургические ин-

струменты, медикаменты, щупы, лопаты — нелегкое, наберется килограммов семьдесят.

Расходимся парами — искать берлоги. Мы со Стасом, мило беседуя, по старым медвежьим следам идем к обработанной берлоге: Стас хочет почистить туалетную камеру снежного жилища и упаковать кое-что в полиэтиленовые мешочки. Метаболиты очень нужны ученым.

— Важно, чтобы в пути никогда не было неожидан-нос-тей, — шепчет он и кладет руку мне на плечо, а другой показывает под ноги. Одновременно и в ногу мы пятимся: в трех метрах перед нами поднимается пар из овального отверстия в снегу. Чувствую, что футболка прилипла у меня к спине. Стас протирает очки. Садимся на снег, я достаю портсигар. Тихо. Не учуяла нас хозяйка берлоги.

Берлога эта находится под горизонтальной поверхностью наста, в верховье ручья, русло которого занесло снегом. Медведице пришлось отрывать выход на потолок, поэтому весь снег падал вниз, в берлогу, и обычного бруствера, по которому мы узнавали, где затаилась хищница, нет. А ведь мы здесь проходили десяток раз, наверное. На наше счастье, потолок этой снежной пещеры толстый...

31 марта

Нормальная жизнь продолжается. Но дневник писать было некогда. Все, что пропущено, надо описывать целый день. Вкратце: были медведи, медвежата, метели, холод. Прилетал Жора на своем «лайнере» узнать, живы ли мы. Привез нам гостинец — десять мешков первосортного угля. А мы за это презентовали летчикам медвежью ногу. Пусть попробуют и угостят друзей.

Прошедшая неделя вымотала нас всех.

Сегодня резко потеплело — минус 21. Но о работе нет и речи: белая мгла кругом.

Машка съела целый ковш болтушки из сгущенки, муки и медвежьего жира.

Весь день ремонтировал нарты. Пришлось сделать новый копыл, сращивать полозья и заново перетягивать все узлы. Хороши же они — чукотские ездовые нарты!

Ужинать сели рано. Володя убит: мало того, что всю сгущенку решили оставить медвежонку, Савва Михайлович предложил заранее зарезервировать для нее и сухое молоко — растет у Машки аппетит.

— Зверь! — только и может сказать Вова. — Скоро за столом будет сидеть

семеро — мы и плюс медведица. А потом только она одна будет все съедать... Перспектива!

6 апреля

Опять пропустил несколько дней. Стас не дает нам передохнуть, особенно после того, как улетел Савва Михайлович. Он отправился на мыс Блоссом, где на кладбище моржей приходят из океана белые медведи, и их можно ловить там капканами. Мишу с собой он не взял, решил пригласить из заказника одного из егерей. Савва Михайлович повез и Машку.

На исходе горючее. У Чайвуна лежит бочка. Надо ехать туда. Мы с Володей говорим об этом Стасу. А в голове у нас темная мыслишка: неплохо бы заодно помыться и отдохнуть.

И Боря обрабатывает Стаса: ему хочется развяться — надоел этот балок, ему тоже необходимо съездить к Чайвуну:

— Посмотреть новое место, сделать снимки из жизни лучшего охотника острова. А Володе пора заняться чисткой аппаратуры...

В конце концов это надоело Стасу:

— Решайте сами, — отмахивается он.

Стас в затруднении. Когда дело не касается медведей, он не может ни отказывать, ни приказывать. А Боре он уже, видимо, дал согласие на поездку. Придется выручать нашего начальника. Целый день мы говорим об ужасах предстоящей поездки. В конце концов допекаем Боря, он машет рукой:

— Пожалуй не поеду.

Сразу после обеда мы с Володей выехали. Доехали быстро, часа за полтора. Чайвуна в избе не оказалось: кончился сезон охоты на песцов, и он уехал в поселок. Мы быстро создали в избушке почти банную температуру, надолбили льда на береговых торосах, приготовили воды. Вымылись, выстирали белье. После ужина завалились спать. Ночью нас разбудил непонятный шум: изба содрогалась от ветра — на улице бесновалась пурга.

— Чтоб она еще целый день крутила, — пробормотал Володя, засыпая.

Проснулись мы свежие и бодрые. На улице тепло, но ветер еще сильный. Над Дрем-Хедом пелена. Небо на западе темное: очевидно, ветер разогнал льды, и открылась вода.

Не могу понять, в чем дело: на юге, за мысом Флоренс, за вершинами Западного плато тянется горный хребет с двумя гро-

мадными заснеженными пиками! Зову Володю и показываю на эти горы:

— Смотри!

— Горы как горы, — он недоуменно пожимает плечами.

— Там нет гор, — говорю.

— А это что?

Рисую ему на снегу примерную схему юго-западной части острова. Но горы так четко видны, что сомнений у него нет.

Время от времени выскакиваю на улицу. Через час одна из вершин стала чуть ниже. И тогда я все понял: это же арктический мираж! Игра облаков, ветра и снега.

Обсуждаем, стоит ли сегодня покидать теплую избушку.

— Стас будет беспокоиться, давай поедем, — говорит Володя.

Бочку намертво укрепили на нартах. Только отъехали — и тут началось... Ветер дул то с гор, то с моря. Исчезали наши ориентиры — вершины Большого и Малого Дрем-Хеда. Едем со скоростью пешехода. Ветер воет, трещат сани. У нарт сломалась

передняя перекладина — вместо нее натягиваем веревку.

— Ну как, это пурга или нет? — кричит Володя.

— Да, пурга! — кричу я.

Кажется, мы потеряли ориентировку и едем обратно. Надо остановиться. Вспоминаю о компасе, но он бесполезен же. Сажусь на сани. Володя опускается рядом, говорит:

— Должен нам сегодня Стас налить фронтовые?

— Если доберемся, — кричу я, но он не понял. Он думает, что я отогреваю руки и присел отдохнуть. А я перебираю, что у нас с собой: ножовка есть, топор есть, папиросы есть, еда есть. В крайнем случае сделаем небольшую иглу.

Наверху проглядывается небольшое светлое пятно. Это может быть только солнце. Пурга низовая. Начинаю соображать: сейчас, после спуска в долину Мелкой, нам надо выйти к массиву Большого Дрем-Хеда. Если мы попадем вправо — там просторы Тундры Академии, если влево — можем заблудиться у Малого Дрем-Хеда. Если же мы уткнемся в Большой Дрем-Хед и станем его огигать, попадем в наш распадок. Силы у нас пока есть, укрыться от пурги мы сможем в любое время. Нас начало засыпать снегом — ноги почти замело. Надо ехать...

Перед глазами стоит карта острова. Смотрю на часы: солнце сейчас должно светить нам в затылок. Володя садится за руль. Я сажусь спиной к нему и смотрю на солнце. Когда Володя сбивается, толкаю его слева или справа — пусть идет по курсу. Когда валится набок бочка, стучаю по сильней...

Вот и знакомый поворот на перевале к нашему распадку. Спускаемся в нашу долину. Здесь ветер тише. Мы обнимаемся с Володей — доехали.

7 апреля

Стас решил посвятить этот метельный день замерам плотности снега у берлог.

Провозились до половины шестого, без приключений. В балке я занялся ревизией продуктов. Склад порядком опустел.

8 апреля

Воскресенье. Дежурный — Боря, но он опять проспал.

В этот погожий, почти весенний день Станислав Егорович решил устроить воскресную вылазку на Малый Дрем-Хед. Поехали четверо: Стас, Миша, Боря и я.

Целый день ходили по склонам, облазили двенадцать берлог, но все они оказались пустыми. Только в одной нас приветствовала старая знакомая с одной зеленой серьгой на левом ухе. Ее берлога была нами разрушена, и она устроилась рядом, в соседней.

Днем к балку подходила медведица — учуяла, видно, наш продуктовый склад. Володя — он оставался кашеварить — бросился за камерой, но, увы. Он не может доказать правдивость своего рассказа документально — почему-то все камеры в этот момент оказались незаряженными.

За печку, где я спал, после обеда и ужина часто забираются Володя со Стасом, иногда втискивается и Миша. Здесь мы всласть дымим махоркой, болтаем о том о сем, говорим и по душам.

Все мы вместе работаем, едим, спим, вместе проводим вечера в нашем тесном жилище. Все — на виду друг у друга.

Обычно в таких условиях кто-то становится объектом шуток. У нас это бремя взвалил на себя Миша.

Я вижу, что ему тяжело — он впервые попал в такие суровые условия. Но на нас он не обижается и понимает, что зла на него никто не держит.

Хлопотливый Стас нравится нам с Володей, мы стараемся облегчить его участь и постоянно ругаем его за то, что он берет не за свои дела, хочет все сделать сам.

9 апреля

Температура — минус 15. Оттепель. Тяжелые серые тучи словно давят на землю. Только после обеда проглядывает солнце и оживает тундра. Потекли серебристые струйки поземки. Выезжаем в 10 часов. Через 15 минут лица, шарфы, капюшоны — все покрывается инеем, а через час с бровей и усов свешиваются сосульки.

Объехали весь Большой Дрем-Хед. Наверху у перевала встретили след уходящей медведицы, но берлоги так и не нашли. Искали следы «вовиноного» медведя около балка — тоже не нашли.

К ужину Миша приготовил блинчики. Возиться у плиты — его любимое занятие. Если бы в экспедиции была должность повара, Миша был бы на месте.

10 апреля

Стас с Мишей уехали на разведку. Я занялся починкой увелькотовских нарт. Ребята приехали к обеду, ничего не нашли.

После обеда поехали трое — Стас, Володя и Миша.

Сегодня случился первый пожар — загорелся потолок балка. Вове с Борей нравится тепло, но, к сожалению, топить сутки напролет мы не можем. Но они настаивают, кивая на свою аппаратуру.

11 апреля

Очень ясно! Минус 23. Сегодня едем к загадочной медведице — охотнице на песцов. Ее видели ребята вчера: медведица шла с медвежонком, а второго несла... в зубах. Может ли такое быть, не пахнет ли это научной сенсацией? В бинокль разглядели: в зубах у хищницы песец. Вообще медведи не обращают внимания на песцов, которые часто сопровождают их, собирая объедки со стола сильных хищников. Но эта не ела полгода сама и поэтому не побрезговала и песцом.

У Мазнева с утра разговоры только о песцовом хвосте:

— Хвост мой!

Он надеется, что, если медведица и слопает зверька, то не вместе же с хвостом.

Берлога оказалась почти под самой вершиной, на высоте трехсот метров. Склон — круче 30 градусов.

Бросаем комки снега — там ли хозяйка? Высовывает голову — там.

Обычно медведица выскакивает из берлоги или пробивает потолок в том случае, если у нее однокамерная, маленькая берлога, когда ей некуда спрятаться подальше от входа. Сейчас слышно, как медведица забила где-то в углу и — даже не верится! — стучит зубами от страха. И мы осмелели: не выскочила, значит, и не выскочит, не оставит в берлоге детеныша одного.

Очень «неудобная» берлога. Решаем рыть шурф, а затем из него пробивать наклонный колодец в берлогу. Медведица просунула голову в колодец. Опять задача: как стрелять шприцем? Расширять колодец опасно, стрелять в голову — жалко. Ждем, когда она повернется. И дождались — шприц угодил в грудь.

Володя с кинокамерой сидит в 15 метрах. Мы подтруниваем над ним:

— Так и не дождался, когда она на тебя набросится?

— Это умный зверь: ждет, когда ты подойдешь первым к берлоге.

Берлога, действительно, — не «одноком-

натная». Хозяйка спит. Рядом — следы крови: съела хищница песка всего, без остатка — не оставила Вове и хвоста.

12 апреля

Весь день светило солнышко. Дул ровный восточный ветер. Сегодня пришлось надеть темные очки. Без них от такого яркого полярного солнца можно заболеть снежной слепотой.

Стас немного подавлен: программу-максимум он не выполняет, а медведи уходят с острова...

— Зато, Стас, смотри, сколько у тебя полиэтиленовых мешочков с этим самым...

В балке у нас с некоторых пор стало пахнуть легким запахом ананаса, как выразился Савва Михайлович. Мешочки с медвежьими лепешками были везде: на полу, на полках, в багажниках мотосаней, в рюкзаках, в тамбуре. На улице оставлять свое сокровище Стас не решался.

На о. Врангеля и на мысе Шмидта на эту тему уже ходят легенды. В прошлом году Стас передал с летчиками деревянный ящик этого ценного научного материала, но не предупредил, чтобы они отправили его немедленно в Москву. Ящик пролежал неделю в аэропорту, и в помещение нельзя было войти — от легкого «ананасного» запаха.

Вечером мы с Володей снова выезжаем на поиски. Какая-то чертовщина: свежих следов много — берлог нет. Вернее, мы не можем найти их. Вот когда бы пригодилась хорошая лайка-медвежатница.

Решаем ехать на Малый Дрем-Хед через средний перевал. Там-то мы и нашли, наконец, одну берлогу, даже видели медвежонка — он высовывал голову из норы, чтобы взглянуть на нас.

Стас повеселел от нашего сообщения. Завтра постараемся выехать туда пораньше.

13 апреля

В восемь часов выехали. У берлоги ветер чуть не сбивает с ног. Довольно быстро забрасываем вход. Роем колодец. В отверстие лезет любопытный малыш — такого еще не было. Медведица, словно зная, что от нее требуется, сразу подставила шею под шприц. Не повезло сегодня только фотографам: склон северный — в тени, медвежонок один и не очень крупный.

Как только вскрыли берлогу, резвый малыш выбежал и пришлось его ловить в

тундре полтора часа, на мотосанях догнали только.

15 апреля к нам должен прилететь Жора Бондаренко на своей «Аннушке» и перебраться нас на мыс Блоссом.

Провожу очередную ревизию продуктов и делаю за ужином печальное сообщение: на складе скоро останется только лавровый лист и соль.

14 апреля

Вот это да! Оказывается, 12 апреля, когда мы с Вовой рыскали по этой вершине, мы подъезжали к берлоге метров на 15 и ничего не заметили. Берлога очень интересная. По словам Стаса, такую он встретил впервые. На пологом склоне — около 10 градусов — образовался большой сугроб. Над берлогой наименьшая толщина снега более метра. Вниз по склону вход прорыть невозможно: снегом засыпало бы всю берлогу.

Сегодня в балке была жарница и поэтому у Мазнева веселое настроение. Он скалит зубы и берет у меня интервью:

— Сударь, скажите, что вы испытываете, когда разрываете медвежью берлогу?

— Чувствую, что черенок моей лопаты становится короче твоего языка, — я стою на коленях, с меня льет пот и мне не до него.

Вскрываем берлогу и поражаемся: у наших ног лежит огромный и страшно тощий зверь — кожа да кости. Эта матерая медведица, видимо, немало пожила на своем веку. На загривке у нее несколько шрамов от старых ран. Медвежата, однако, маленькие — 11 и 12 килограммов.

День ясный, ветра почти нет, работать — одно удовольствие. Видимость отличная. Отсюда хорошо виден наш балок. Можно будет наблюдать за медведицей из лагеря.

Вернулись в балок в половине десятого, сильно устали. Надо как-то выбрать время и выспаться. Сплю всего 4—6 часов в сутки.

15 апреля

Решили сперва подготовиться к отлету, а затем ехать к берлоге. Но, оказывается, не так просто собраться в балке на 15 квадратных метрах пятерым мужчинам. Сборы протянулись до трех часов, а там решили никак не ехать — ждать самолет.

Странно: погода отличная, а самолета нет. Боря вспомнил, что сегодня выходной, а завтра — понедельник, так что самолет раньше вторника не прилетит.

Сегодня едем к медведице, которая поселилась в распадке. Но берлога оказалась пустой.

Объезжая Дрем-Хед с юга, увидели собачью упряжку. Отстегиваем грузовые нарты и бросаемся догонять ее. Думали, что Чайвун, которого мы ждем давно. Это, оказывается, наш старый знакомый Нанаун.

По острову распространился слух, что мы бьем белых медведей, а мясо выбрасываем. Странно, сорек здесь нет. Разве пуночки разнесли такую сплетню. Нанаун был очень огорчен, узнав, что мяса у нас было всего одна туша и мы его доели уже. Он привез нам свежего хлеба.

Сегодня на обед Миша нажарил пончиков на медвежьем жире. Но более двух пончиков никто из нас съесть не мог — сильно витаминизирован жир. Посыпались упрёки в адрес Миши, что он плохо протопил жир. Миша же, чтобы оправдаться, вместе с Борей уничтожил все пончики, будто это были вареники со сметаной.

Полночь, а в окне — светло. Начинаются белые ночи. Начинается весна. Где же наш самолет?

17 апреля

С утра — минус восемнадцать. Такого ясного, безветренного дня еще не было.

Наконец-то Боря достал кинокамеру — второй раз за экспедицию, первый раз было в первый день. Я подливаю масла:

— К фильму о лечении медведей осталось снять концовку.

После съемок мы со Стасом поехали к глубокой берлоге над перевалом. С собой у нас не было никакого оружия — только фотоаппараты. Мы считали, что медведица ушла.

— Назад! — вдруг слышу резкий возглас Стаса.

Из берлоги на меня смотрит медведица. Пячусь назад. Сердце замерло, в висках стучит.

Берлога открыта, прятаться медведице некуда, и она, голодная, может броситься на нас. Слышу, Стас взвел курок ракетницы. Пятимся вместе со Стасом. Вот и наши нарты. Здесь мы передохнули, закурили...

Второй раз мы со Стасом чуть не попали в объятия к хозяйке берлоги. Обычно медведица сразу после меченья уходит в океан, а эта осталась в берлоге на третьи сутки.

Со Стасом и Мишей ездили на Малый Дрем-Хед осматривать покинутые берлоги и одну жилую. Но так как мы не взяли с собой снаряжения, оставили медведицу в покое.

На Малом Дрем-Хеде берлог — как грибов. Вот эта уже — 33-я. Все они разные по устройству, кубатуре, виду... Сколько медведиц, столько и разных берлог. Похожие берлоги встречаются очень редко.

Около шести вечера, когда мы уже решили, что самолет прилетит завтра, на юге, над горными вершинами, появилась оранжевая точка. Это — Жора. Приземлившись, он поздоровался со всеми и спросил:

— Как дела?

Стас ответил:

— Смотри.

Жора, осмотрев наш багаж, почесал в затылке и пошел к самолету. От него он отмерил шагами расстояние до глубоких заструг в сторону взлета. Еще раз почесал в затылке и сказал:

— Грузите.

Грустный, осунувшийся встретил нас Савва Михайлович. Он здесь был один. Он, конечно, на меня обиделся, что я с ним не поехал. Из служащих заказчика ему тоже никто не помог. Медведи заперли его в избушке. Ночью даже один сунулся в окошко, разбил стекло и порезал себе нос. Савва Михайлович стрелять в него не стал, схватил первый попавшийся предмет и стал им тыкать в медвежью морду. Потом, когда медведь отошел, Савва Михайлович обнаружил, что в руках у него были ножницы. Медведь обиделся и улегся у двери, где пролежал чуть ли не сутки...

Здесь, на песчаной косе мыса Блоссом, — самое крупное лежбище моржей на острове. Часть из них умирает на берегу. И сюда приходят медведи подкормиться моржатиной. У моржовых туш Савва Михайлович и намеревался ставить капканы, чтобы метить самцов. Он установил две ловушки, но медведи в них не попались, видно, несовершенна была конструкция.

Стас с Мишей останутся на Блоссоме до 10 мая.

19 апреля

Пошли ставить ловушки на кладбище моржей. Все вокруг исхожено огромными медвежьими лапами. Странно, почему в прошлом году медведей здесь не было? Это

было одной из причин, почему я сюда не отправился вместе с Саввой Михайловичем.

Пробую разрубить топором моржовую шкуру — не поддается. А ведь белый медведь раздражает ее играючи — вот силаща!

Ловушка очень проста. Рядком положили три железные бочки, две из них пустые, одна, крайняя, наполнена галькой. Среднюю бочку заполнили приманкой, тюленьим жиром — лакомством медведей. Перед ней установили капкан и петли. По замыслу медведь должен сунуться в бочку с приманкой, наступить лапой на язык капкана, который освобождает пружину. Пружина набрасывает петлю на медвежью лапу и затягивает ее. Так как петля привязана к якорю — к бочке с камнями, — медведь далеко не уйдет.

Опять на оранжевой «Аннушке»-трещотке прилетел за нами Жора.

Прощаемся со Стасом и Мишей.

Протираем глицерином и спиртом иллюминаторы самолета. Прежде, чем улететь домой, Савва Михайлович хочет облететь зигзагами весь остров, чтобы с воздуха сосчитать берлоги. Облетели весь остров за пять часов. Савва Михайлович вел счет по левому борту, я — по правому. Каждую берлогу мы отмечали на карте.

Жора летел как можно ниже, огибая каждую горку. Самолет то нырял вниз, в долины, то круто взмывал вверх.

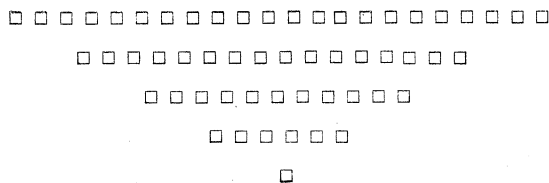
Насчитали шестьдесят четыре верных и несколько десятков вероятных берлог. Судя по тому, что на Дрем-Хеде было тридцать три берлоги, а видели мы только двенадцать, Савва Михайлович сделал приблизительный вывод, что на острове, по нашему мнению, двести—двести пятьдесят берлог. Воистину остров Врангеля — родильный дом белых медведей.

Пошатываясь, вылезли из самолета в бухте Роджерс у полярной станции. Летчикам сообщили, что на материке пурга, и придется ночевать здесь. Встретились с нашей Машкой — подросла она и стала уже самостоятельной.

20 апреля

Днем мыс Шмидта дал добро на вылет. Самолет спиралью взбирается вверх, разворачивается к материку. Все меньше и меньше становятся горы. Остров Врангеля превращается в далекий воздушный замок среди ледяного океана.

Прощай, о. Врангеля, прощайте, медведи, метели...

НАЙТИ

СЕБЯ!

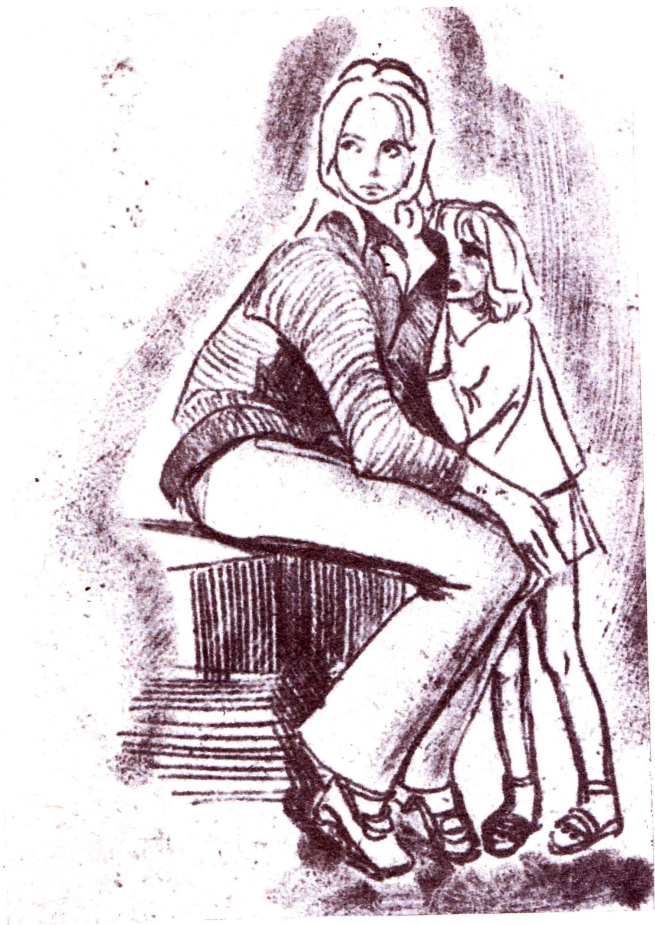
Галя Копырина рисует с детства. У нее острый глаз, богатая фантазия и... перепачканные тушью пальцы. Рисует она много и увлеченно. К нам в редакцию Галя принесла целую стопку рисунков и два альбома «настоящих» монотипий, подкупающих своей свежестью и выдумкой.

Совсем недавно Галя окончила одну из свердловских школ, ныне работает оформителем на заводе. Она непременный участник всех выпусков цехового «Комсомольского прожектора». В этом году Галя собирается поступать в художественное училище. Желаем ей успехов!

Похоже, что она уже нашла свое призвание. Об этом говорят ее рисунки.

И. ТАРАБУКИН

КУКЛЫ,

КУКЛЫ,

КУКЛЫ...

Белла ДИЖУР

◀ *Рисунок З. Баженовой*

В одной из статей Альберта Эйнштейна есть такая фраза: «За вещами должно быть еще что-то глубоко скрытое». Эти слова потрясают таинственным глубинным смыслом и заставляют задуматься. Что ж действительно скрывается за вещами? Как проникнуть в их сущность?

Вещь — это создание рук человека. Платье, машина, книга, топор, жилище — все это не выросло из земли, подобно осине или шиповнику, не пряталось в недрах, подобно руде. Природа, которая жила и цвела задолго до появления на земле человека, только дала материал для труда многих и многих человеческих поколений. Из этого материала людьми создана Вторая Природа — необозримый Мир Вещей, каждая из которых связана с временем, когда ее сделали, хранит в себе труд и тепло рук, изготовивших ее. Она кем-то придумана и, стало быть, несет следы творческой фантазии. Одним словом, чтоб понять сущность вещи, надо знать ее биографию. И не в том смысле, что вот этот стул, к примеру, сделан на такой-то фабрике, а эта книга напечатана в такой-то типографии.

Вещи сопровождают человека с момента рождения до последнего часа. И так же, как сам человек, каждая вещь имеет не только «личную» биографию, но, так сказать, и историю своего вида, рода.

Где и когда придумано первое

колесо? Кто изготовил первый стеклянный сосуд? Как развивалось и видоизменялось человеческое жилище от примитивного ветрового заслона до стоэтажного небоскреба? А история орудий труда? Ушли в прошлое каменные топоры и костяные скребки. Но разве не они были родоначальниками современной техники?

Итак, чтобы понять нечто «глубоко скрытое» за каждой вещью, отыщем ее истоки.

Что может рассказать элементарная детская игрушка? Очень многое. В познании мира история куклы не менее важна, нежели история топора или шагающего экскаватора. Не случайно ответа на вопрос — откуда она пришла — добиваются ученые разных специальностей: археологи и этнографы, социологи и педагоги, психологи и философы. Кукла оказалась загадкой, до сих пор не до конца решенной, вызывающей различные толкования и споры.

В какую бы историческую эпоху, к какому бы народу мы ни заглянули, всюду найдем куклу.

Вот кукла, обнаруженная археологами при раскопках древнеегипетской гробницы. Она выточена из ливанского кедра. В Египет кедр привозили для строительства судов, дворцов, храмов. А отходы кедровой древесины шли на изготовление различных поделок, в том числе и игрушек.

Тельце египетской куколки за-

острено книзу, как хвост русалки. Ног у нее нет, а руки неестественно коротки. Вместо платья всю фигурку покрывает цветной орнамент. На шее нарисованы бусы. Черные волосы, бледно-розовые щеки, ярко-алые губы, коричневые узкие глаза — все это тоже нарисованное.

Кукла пролежала несколько тысячелетий в темной гробнице, но краски ее ничуть не поблекли.

Эта кукла рассказала нам, что принадлежала она дочери знатного египетского военачальника. Отец позаботился, чтоб его дочь на пути в царство мертвых ни в чем не терпела нужды. Рядом с ее саркофагом поместили драгоценные сосуды и миски, наполненные едой и питьем. На стенах гробницы нарисовали танцовщиц и музыкантов — они должны были отвлекать умершую девочку от грустных мыслей. Вместе с умершей похоронили и все ее игрушки. Вот глиняный ежик на маленькой тележке, зеленый глиняный крокодил с двигающимися челюстями, рядом — красивый домик для кукол. А в нем маленькая мебель: зеркало, комоды с выдвигающимися ящиками, резные креслица, спальня для нарядной куклы-малютки, на голове которой парик из настоящих волос, а на подвижных крошечных ручках — тоненькие золотые браслеты.

Но главное, центральное место в этом игрушечном царстве заняла раскрашенная деревянная кукла. Очевидно, это была люби-

мая подруга детства похороненной девочки.

Обычая хранить вместе с умершим ребенком его игрушки придерживались не только древние египтяне, но и древние греки, древние римляне.

В одной детской римской гробнице археологи обнаружили настоящий игрушечный клад. Здесь были деревянные и медные змеи, скорпионы, муравьи, жуки из цветного стекла, корабли со всеми снастями. В другой гробнице нашли четверку лошадок, запяженных в легкую двухколесную карету. Каждая лошадка была меньше мухи. Кареты эти, корабли, змеи, скорпионы имели особые механизмы, приводившие в движение искусно изготовленные вещицы.

В Риме и Греции были отличные мастера-игрушечники. И особенно изощренно изготовлялись куклы. Их вырезали из слоистой кости, с подвижными руками и ногами, или вытачивали из светящегося, прозрачного янтаря.

Но истоки кукольной родословной уходят в еще более отдаленную глубь веков — к самой заре человеческой истории.

Окружающая человека природа, полная тайн, была непонятно враждебной и непонятно дружелюбной. Воображение населяло ее добрыми и злыми духами. Выступ скалы, имеющий неожиданное сходство с человеческим лицом, или ствол дерева с ветвями, подобными вскинутым рукам человека, становились священными. Им приносились жертвы. Их угваривали колдовскими словами. Это были первые боги.

Позднее люди рассудили так: не лучше ли поселить богов в своем жилище? Тут они всегда под руками, с ними легче будет договориться.

Но не тащить же в хижину скалу или ствол дерева! А человеческого мастерства хватало, чтобы изготавливать многие полезные вещи — каменные топоры и ножи, костяные стрелы, глиняную посуду. И люди решили, что смогут сами себе сделать богов. Они откалывали от священной скалы обломки камня и высекали подобие человеческой фигуры. Или вырезали фигурку из священного же дерева. Или просто лепили из той глины, что шла на изготовление посуды.

Так в хижинах первобытных охотников и рыболовов появились домашние божки. И теперь уж человек начал предъявлять к ним

свои требования. Одному поручалось хранить огонь в очаге, другому — вызывать дождь, третьему — исцелять детей от недугов.

Были и боги-женщины. У славянских племен почиталась Великая мать. Ее глиняную фигурку устанавливали на самом почетном месте в хижине, окружали изображениями птиц, быков, лошадей. Она считалась родительницей и кормилицей всего живого, ведала рождением всех зверей на земле, всех птиц, всех плодов и злаков.

Жили в хижинах первобытных людей и другие богини — хранительницы семейных отношений, богини долголетия, песни, красоты.

Одним словом, богам поручалось весьма ответственные функции. А в случае, если тот или иной бог плохо справлялся со своими обязанностями, его не щадили — отрубали голову и выбрасывали.

Нечто подобное можно встретить еще и в наше время. Жители Либерии вырезают из дерева маленького человечка. Под мышкой у него трещотка. Это — бог сахарного тростника. Трещотка — его орудие труда. Ее шум должен ускорять рост и созревание тростника. Либерийцы строго следят за «работой» своего божка. Если колдовские звуки трещотки «оказывают» желаемое действие, божку смазывают губы сладким вином или жиром. Ну, а уж если он плохо работал, дремал, вместо того, чтоб размахивать трещоткой, — будет наказан. Ничего не поделаешь, таков закон: не справился с работой — отправляйся на свалку!

Так бесславно заканчивалась жизнь многих нерадивых божков. Но тут происходило иное чудо. Его творили нежные детские руки. Фигурки, выброшенные взрослыми, подбирались детьми. Такую фигурку, и даже ее обломок, можно завернуть в лоскуток, баюкать, петь ему песенки, кормить, как это делают мамы.

Вероятно, еще много раньше, до появления домашних божков, девочки, подвижные извечным инстинктом материнства, превращали в кукол древесную шишку или корень, косточку или щепку. Но фигурки божков, имеющие сходство с человеком, оказались наиболее подходящими для древнейшей игры в «дочки-матери».

Божок потерял власть над людьми. Грозные силы природы больше не подчиняются ему. Он слаб и беззащитен. Но доброе

детское сердце обогрело его, вернуло к новой жизни — превратило в дитя.

И теперь волшебные детские руки превращают в куклу множество совершенно неожиданных вещей. Свернутый пучок соломы, камешек, листок лопуха, корень дерева, кукурузный початок...

Австралийская девочка надевает себе на шею веточку с раздвоенным концом, утверждая, что это ее ребенок, еще не умеющий ходить.

Девочка из африканской республики Камерун довольствуется белой палочкой, на один конец которой наклеен черный кусочек воска. Это — кукольная голова.

Кукла другой юной африканки сделана из комочка лыка. По бокам комочка прикреплены большие серьги, какие носят все женщины и мужчины деревни, где выросла девочка. Такую куклу не стыдно показать гостям или отправиться с ней в соседнюю деревню, чтобы найти ей достойного жениха.

В средней России девочки играли в куклы, пеленая березовые чурки.

Дети северных народов — хантов, манси, эскимосов — мастерят куколок из птичьих клювов. К утинному, гусиному или куропатчьему носу пришивается нарядная меховая шубка с капюшоном. А под шубкой нет ни рук, ни ног, ни туловища.

Кукла, рожденная на берегах Амура, имеет круглую головку из рыбьей кожи и много нарядных халатиков. Но она так же обходится без лица, без рук и без ног.

В Центральной Африке широко распространены куклы, сделанные из тыкв.

В горной австрийской деревушке можно встретить такую куклу: мешочек с опилками — туловище, а вместо головы — электрическая лампочка.

Поистине неистощима потребность ребенка в кукле и великолепна изобретательность детской фантазии!

Выброшенные взрослыми фигурки божков во все времена привлекали ребятишек. Это можно наблюдать и в наше время у североамериканских индейцев племени позбло, в Бразилии, Мексике. Но даже те куклы, которые изготавливаются специально для детских игр, сохраняют в своей внешности черты культурной родословной.

В некоторых таджикских деревнях считалось недопустимым придавать кукле человеческое лицо. Это отзвуки древних поверий,

когда верили, что самое «божественное» во внешности божка — его лицо. Пока мастер лепил или высекал фигурку, она еще не имела души, была мертвым куском глины и камня. Но как только под пальцами мастера возникало лицо и особенно глаза, божок считался ожившим. В него вселялась душа. А она, как известно, могла быть и доброй, и жестокой. Вот почему выброшенному богу (на всякий случай — а вдруг еще не вся сила его исчезла) выкалывали глаза. И тем более, изготавливая фигурку, которая специально предназначается в подарок ребенку, мастер делал ее без лица.

Таджикские куклы чрезвычайно нарядны. Шелковые шаровары, яркие халатики, бусы, серебряные бляшки, подвески из цветов гвоздики, имеющей резкий запах, призванный сохранять молодость и красоту куклы...

Всем-всем снабдит мастер куклу, но лица не сделает! Вместо лица — расшитые цветными нитками ромбы, квадраты, треугольники.

Кое-где и в центральных областях нашей страны можно встретить старинную тряпичную куклу в пестром сарафане, ярком ситцевом платке, надетом на паричок из настоящих волос. Но из-под платка на вас смотрит белое, безглазое лицо.

Японцы славятся как мастера-игрушечники. Они изготавливают кукол, имеющих портретное сходство со знаменитыми актерами и актрисами. Но и у них есть одна презабавная кукла, глазам которой тоже придается волшебное значение. Ее зовут Дарум. Это кукла-монах, без рук, без ног, немного напоминает нашего ваньку-встаньку. Легенда рассказывает, что Дарум усердно молился. Во время каждодневных молитв он все кланялся, кланялся... Закончилось это печально: он перестал молиться, а японские боги не любят лентяев, если даже они монахи. И боги лишили Дарума рук и ног.

Этого Дарума преподносят друзьям на счастье. На его раскрашенном лице вместо глаз две точки. Тот, кому дареный Дарум принесет счастье, должен сам нарисовать кукле глаза. В зависимости от размеров счастья — маленькие или большие.

Все это, так или иначе, свидетельствует, что кукла не везде утратила связь с преданиями старины и культовыми ритуалами.

И лишь современные игрушечные фирмы стран Европы и США как бы освобождают куклу от ее таинственной родословной, соревнуясь в изготовлении фигурок, полностью воспроизводящих облик человека.

На Всемирной выставке 1963 года из Нью-Йорка прибыла кукла по имени мисс Эхо. Тысячи посетителей любовались ее приветливым лицом, большими глазами, которые открывались и закрывались и казались влажными, улыбающимися, живыми. Но мисс Эхо была не только красивой. Она отлично пела — следовало лишь повернуть выключатель на ее затылке.

Итальянская кукла Лили «знает» восемь языков — итальянский, немецкий, французский, русский, английский, голландский, испанский и норвежский. Не менее «образованна» кукла из Германской Демократической Республики. Она тоже «разговаривает» на восьми языках.

Японцы изготовили кукол-младенцев, ползающих, сосущих молоко из бутылочек, шевелящих губами, смеющихся, плачущих и даже... пачкающих пеленки.

Есть куклы-спортсмены, способные пробежать два-три километра. Другие — покрываются загаром.

А на последней Всемирной выставке кукла-балерина танцевала сюиту из «Шелкунчика». Она делала замысловатые пируэты, кружилась на одной ноге, покачивая головой в такт танца, ходила на пуантах, сгибалась, поднимала вверх легкие розовые руки. Музыка как бы исходила из нее самой.

И вот вообразим археолога будущего, изучающего XX век. Кукла, которую он отыщет среди других вещей нашего времени, многое ему расскажет. Он получит представление о нашем идеале красоты. Ведь современные куклы, как правило, хороши собою. Он исследует материал, из которого сделана кукла, столь натурально копирующая человека. Там, где сохранится кукольный наряд (а такое не исключено), увидит моды одежды нашего времени, а исследуя механизмы, вложенные в нее, получит дополнительные сведения о технике XX века.

Думаю, что будут высказаны и суждения об уровне нашей педагогической мысли, допускающей производство кукол, похожих на оживший манекен из музея восковых фигур. Ведь уже и теперь раздаются голоса, предостерегаю-

щие от излишнего натурализма в кукольном производстве. Натурализма, сковывающего детскую фантазию, которой нужен простор.

Но не будем заглядывать вперед. Ясно одно: кукла, пришедшая из глубины веков, претерпевшая сложный путь развития, не останется без внимания и у людей будущего. Она красноречиво рассказывает не только об умении и навыках мастеров, создавших ее. Очеловеченная талантливыми руками, она как бы раскрывает самую сущность человеческой души — извечную потребность в красоте, любви и наивной сказке.

Рабочий квартал

Есть у рабочего квартала
Свои отметки и отсчет —
На синем гребне перевала
Металлургический завод!
Здесь нет далеких расстояний.
Здесь у литейного двора
Берут начало наших зданий
Порядковые

номера.
С рассветом

утренняя смена —
Лишь дробный гул над мостовой! —
Течет, клокочет,

постепенно
Вливаясь в двери проходной.
Когда на местной телевышке
Лучи восхода отгорят,
Шагают важно ребятишки,
Как на работу, в детский сад.
И солнце, красное под утро,
Умывшись свежестью речной,
Заходит в комнаты,

как будто
Оно явилось из ночной.

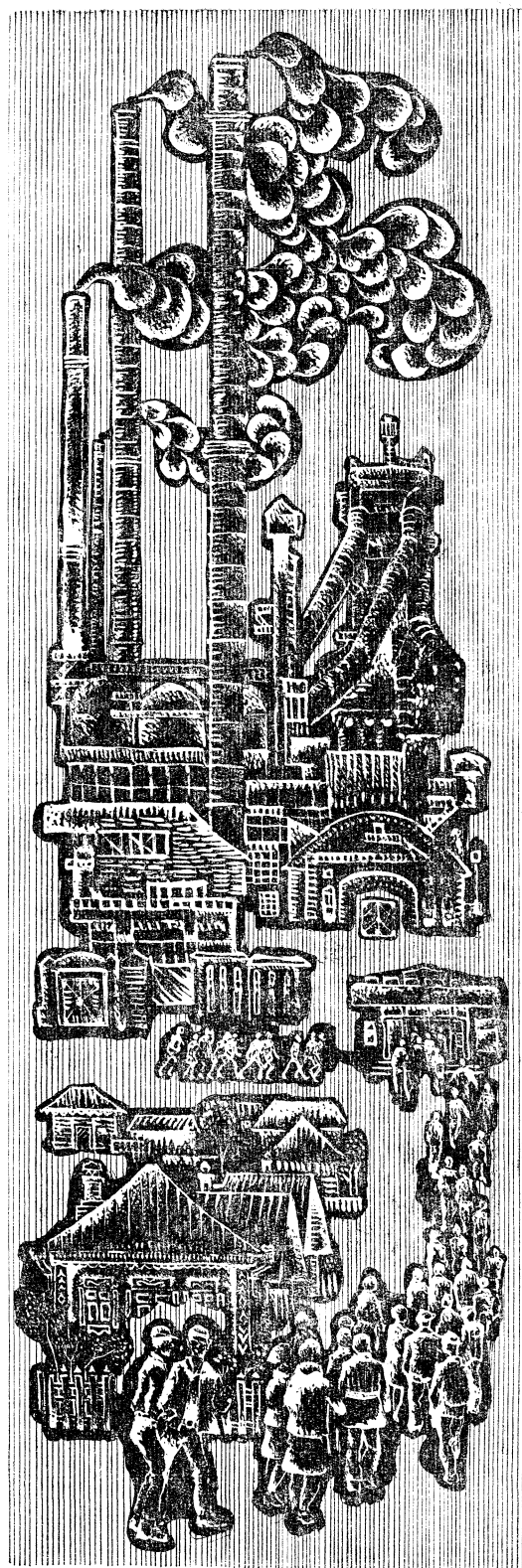
Солдатка

Молоток клеймовщицы
Той военной поры!
Он в музее хранится...
Углубленья, бугры.
Отыскал его мастер
У себя в кладовой.
— Это, кажется, Настин...
Настя Громова, твой!
На весу подержала,
И, сама не своя,
В тишине прошептала:
— А рука-то моя...
Ой, как было несладко
В тот завьюженный год!
Попросилась солдатка
На военный завод.
По две смены, бывало,—
От гудка до гудка —
Настя не выпускала
И на миг

молотка.

Под платок — завитушки,
И, напившись воды,
Выбивала на пушках
Важных чисел ряды.
Так трудились уральцы.
Не забудут века!..
Даже врезались пальцы
В рукоять молотка.

Рисунки
В. Меринова

Иван
БЕЛЯЕВ

Дом

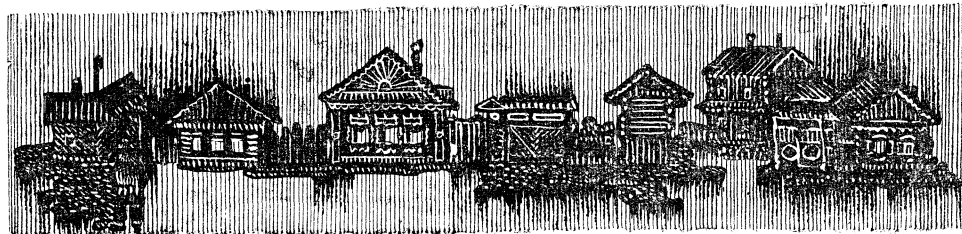
Так в народе уж ведется:
Дом не строят на века
У случайного колодца,
У любого родника.

Все учтут — ветра, погоду
И для вод весенних сток:

Чтоб всегда встречать восходы,
Рубят окна на восток.

Поглядишь на дом с дороги,
С удивлением поймешь:
На хозяина немного
Дом любой всегда похож.

И тогда примете древней
Ты поверишь от души:
Где пригожий дом в деревне —
Там и люди хороши!

Герман
ЦВЕТКОВ

Романтическая ночь

Когда все в городе уже уснут
И постовой задремлет у причала,
И слижут волны низкую луну,
И помрачнеют узкие каналы,
И разольется тьмою тишина,
И отблеск звезд сверкнет на дальнем моле —
Я старый якорь подниму со дна,
Что держит город крепко на приколе.
И будут капли падать в тишине,
По лапам ржавым скатываясь в воду.
И город, вдруг почувствовав свободу,
Сползет в залив, качаясь на волне.
Еще все будут спать в больших домах:
И старики,
и юноши,
и дети,

И постовой,
и статуи в садах...
Никто отплыть даже не заметит.
А город — за моря и за туман...
А город — мимо континентов разных..
Но где-нибудь в просторах сине-ясных
Я брошу якорь в пенный океан.
И вздрогнет, и проснется постовой.
И распахнутся удивленно окна!..
Довольно, сказка! Хватит! Вышел срок нам...
И от причала я иду домой.

На реке

Чайка режет воздух правым,
Левым воду бьет крылом.
Над буксиром ржавым, ржавым
Тучи ходят ходуном.

«Вниз по матушке по Волге...»
Тянет песню рулевой.
Ах, какой он все же долгий,
Путь извилистый, речной.

Берега в цвету зеленом.
В птичьем гаме берега.
Вот бы встречу с почтальоном
Мне устроила река.

Чтобы он без проволочки
В сумке кирзовой тугой
Для меня нашел бы строчки,
Что написаны тобой.

Наше маленькое судно
Затерялось вдалеке...
Трудно нам, и очень трудно
Почтальонам на реке.

ПЕРВАЯ

ЛАСТОЧКА

Получил я как-то задание написать о коллективизации в нашем Красноярском крае. Стал листать подшивки старых газет, брошюры разные просматривать, какие под руку попадались, и скоро заметил, что чаще других встречается имя девушки-трактористки Ани Саенко. Портреты ее то и дело мелькали. Лицо приятное такое, открытое, волосы обильные, но подстрижены коротко, как это было принято в те годы. И всегда улыбочка — задорная, откровенная, что называется, до самых ушей.

Смотришь на такое лицо и кажется: внутренний свет оно излучает. Видно сразу, что боевая девчонка была эта Анна Саенко из Березовской МТС. Есть и такая фотография: стоит Аня с другой девушкой-трактористкой, Тоней Широной, у развернутого знамени. Торжественные, серьезные, подтянутые. Обе рослые, в беретах, в длинных толстых фуфайках, в тяжелых сапогах, голенища гармошкой. Чем-то на фронтовичек похожие. А позади девушек — вагончик дощатый, и дальше — серое поле до самого горизонта.

Многих людей я нашел, которые знали Анну Саенку, но никто не мог сказать, где она теперь, как сложилась ее судьба. И я уж было отчаялся. Но снова выручил случай.

Выступил я однажды по радио с рассказом о трактористках тридцатых годов. Откликнулись многие и в том числе... Аня Саенко. Ну, а на конверте, понятно, об-

ратный адрес был. Оказалось, Анна Павловна живет по соседству со мной, в Красноярске. Мы даже каждый день хлеб в одном магазине берем.

Я, конечно, быстренько собрался, магнитофон под мышку и вечером после работы заявился в гости. Помню, меня сразу поразила уютная белизна квартиры Анны Павловны. Белые стены, белые шторы и занавески, белые покрывала на кроватях и наволочки на подушках, светлый чехол на диване. Было в этом что-то деревенское, домашнее... И седина волос Анны Павловны тоже как-то особенно белая, благородная.

Много интересного услышал я в тот вечер от самой хозяйки и ее мужа Петра Михайловича, тоже бывшего сельского механизатора. Рассказ Анны Павловны, записанный на пленку, у меня сохранился.

«Росла я в деревне Гудково. Это в бывшем Березовском районе, недалеко от станции Красная Сопка. Жили мы скудно. Правда, была у нас старая кобыла Лысуха. Я ее все в ночное водила. Она от белых когда-то в деревне осталась, и комитет бедноты выделил ее нам, Саенкам, чтобы хозяйство свое поправили, значит.

Учиться мне много не довелось, не в чем было в школу ходить. Мать подучила меня буквы писать да цифры складывать, и лет че-

тырнадцати я сразу во второй класс попросилась, окончила его, а потом опять работать стала... Попозже, правда, где могла, старалась грамоты набраться, не упустила случая: то на ликбезах, то на курсах каких, то просто сама, по книжкам занималась.

В тридцатом году колхоз «1-е Мая» меня, как активную комсомолку, направил на курсы трактористов, которые открылись тогда в Березовке при МТС. Мне, правда, восемнадцати не было, да кто тогда годы считал. Никаких паспортов в деревне, ничего. Прибавила я себе немного и пошла «курсить». По теперешним понятиям, пожалуй, странно: почему, мол, девчонку колхоз послал на тракториста? Ребят, что ли, не было в деревне?

Учились и ребята, конечно, но и мы, девчонки, старались как-то не отстать от них. Никто не называл нас «слабым полом». К примеру, я в деревне была... Как бы это сказать?... Одним словом, боевая была девчонка. Вот, поди, думаете, расхвасталась сюда? Истинную правду говорю. Жила во мне гордость такая: стараться первой везде успеть. Вот и стала первой трактористкой в колхозе, а через год — первым шофером, а потом и первым комбайнером.

Как сейчас вот вижу: получили мы трактора и едем на них по своей деревне. Какая это была радость! И день-то был такой яркий, весенний, мартовский. Люди вышли за ворота. Вся деревня. Машут нам руками, кричат

что-то... Ну, еще бы: трактора получили! Это же были первые трактора не только в колхозе, в районе первые. Помню, механики все наставляли: «Вот они, наши первые ласточки. Надо беречь их лучше глаза». Мы, конечно, их берегли, как к живым относились.

На многих тракторах пришлось поработать. Сперва американские «интера» были, маленькие такие, теперь бы посмотреть, так что пони против нормальной лошади. «Кейсы» были, те — побольше. А обучались мы на «фордзонах». Все «колесники», конечно. Нелегко доставалось на них. Особенно эти «фордзоны». Ведь у них еще не было магнето. Они работали на батареях. Огромные такие батареи, как коробки из-под богинок. Если только дождь брызнул и чуть примочил их — дело табак. Хоть крути, хоть не крути. Зажигаешь факел, начинаешь сушить. Только потом заведешь.

Через год я закончила курсы шоферов, села за баранку автомашины. Шоферить, конечно, много легче. Хотя при том бездорожье, какое было, на машине ехать — тоже не прогулка. Водила я и «АМО», и полуторку. Самые первые в наших краях машины. Весной семена подвозила, осенью — зерно с токов, горячее доставляла в тракторные бригады. Много проселков исколесила.

В тридцать пятом году стали создавать женские тракторные бригады. Приглашают меня весной в политотдел МТС. «Так и так. Пойдешь бригадиром тракторного отряда?» Ну, я взяла да согласилась, раз уж цель такую поставила: везде быть первой.

Нас из Гудково трое девчат: Тася Тарханова, Катя Логинова и я. Поехали мы на станцию Гладень трактора получать. Они пришли разобранные, колесники-то. Наши, русские, советские: «СТЗ» и «ХТЗ». Собрали мы их быстро, завели и — прямым ходом в Александровку. Спешим. Весна уже. Прибыли, а председатель александровский нас не принимает. На кой, говорит, я вас возьму? На беду себе? Реветь с вами буду. Мне, говорит, работницы нужны...

Но, верно, механик тут приехал из МТС, еще товарищ из политотдела, уговорили председателя. И правду сказать, первое время нам хорошо помогала МТС. Механик был у нас Максим Лагутин. Дядей Максимом мы его звали. На нем все и держалось. Вспомнишь сейчас, так смех и грех. Как-то одна из наших, за-

была уж ее фамилию, выехала в поле. Гляжу — бежит обратно со слезами. «Что стряслось?» — «Ой, что буду делать, трактор заглох!»

Но потом все пришло в норму. Выработка у нас была хорошая, и горючего мы много сэкономили. Тогда это был очень важный показатель. И вот в августе прямо к нам, в деревню Александровку, привезли из крайкома комсомола знамя. Хотя и жатва шла, приостановили все работы, собрались прямо посредине улицы, у конторы, и вручили нам это знамя и премии. Что вы, — целое событие!.. Ведь первый раз Переходящее знамя крайкома комсомола присуждалось женскому тракторному отряду.

А дома, при МТС, мы еще соревновались с мужской тракторной бригадой, которая работала рядом с нами в деревне Горбы. Бригадиром был у них молодой тракторист Григорий Кора. Он тоже славился в крае как хороший механизатор. Они к нам в гости ходили, мы — к ним, подчитывали, у кого сколько сделано, и в конце недели победитель получал приз. А призом служил «красный вагончик» с флажком. Он, правда, был из досок и на полозьях, но хорошо отделан, ярко покрашен. Внутри чисто, уютно. Библиотечка в нем была, музыкальные инструменты, игры разные. Так вот этот переходящий вагончик Гриша Кора только один раз увез в свою бригаду, а через недельку сам же вернул его нам.

А в конце года, двадцатого декабря, в Красноярске проходил второй краевой слет ударников трактористов, комбайнеров и машинистов сложных молотилок. От нашей Березовской МТС ездили на слет мы с Тасей Кочкиной. А чтобы попасть на этот слет, надо было сперва завоевать переходящий мандат.

Мне пришлось выступать на слете. И я даже примерно помню, как начала свое выступление. Потому что сильно волновалась и первые слова наизусть выучила: мол, раньше говорили, что курица — не птица, а баба — не человек, а девушки нашей бригады доказали, что они не только люди, а Люди с большой буквы. Ну, и потом рассказала, как работаем, как горячее экономим, как трактора бережем...

А уж работали девчата, так уж действительно работали. Сейчас вспомнишь — даже оторопь берет: откуда столько сил бралось? Особенно выделялась у меня Тася Кочкина. Трактор вычистит, выскоблит, как на выставку, подтя-

нет каждый болтик, заправит. И как поедет пахать... Уж клиньев у нее не было. Прочертит первую борозду — ровно по струнке. Сейчас вот слышу: соревнование пахарей стали проводить. И женщины участвуют. Я все думаю: эх, нашу бы Тасю на эти соревнования! Она же как артистка работала. Не знаю, где она теперь, жива ли...

Через год, в тридцать шестом, в Березовской МТС уже было три женских тракторных отряда. И бригадирами стали наши же трактористки — Тася Тарханова и Антонина Ширина. А по всему краю тогда работали трактористками четыреста женщин и девушек. Вот как быстро это дело распространилось.

Не поверите, я так привыкла к трактору, что когда у меня перед войной ребенок родился и приходилось мне сидеть дома, а подруги ехали в поле, так ведь я прямо в голос ревела. Сажу над зыбкой и реву: вот, думаю, люди в поле выезжают, а я, как привязанная, дома. Ну, как это так можно?

Мне кажется, я бы и сейчас легко работала...»

...Какие бы торжества, посвященные селу, ни проходили в крае — слет ли ударников, вручение ли наград за победу в розийском или всесоюзном соревновании, или празднование Дня работников сельского хозяйства — обязательно докладчик, говоря о прошлом, о трудных годах коллективизации, упомянет первых женщин-трактористок. Не так давно слышал я имена прославленных женщин на краевой конференции колхозников. Первой назвали Анну Павловну Саенко. Все правильно. Честь — по заслугам.

175 лет
со дня рождения
А. С. Пушкина

КОРРЕСПОНДЕНТ С УРАЛА — КТО ОН?

С чувством благоговения перелистываешь в хранилищах тонкие листы редких ныне комплектов «Литературной газеты», основанной А. С. Пушкиным, А. А. Дельвигом и П. А. Вяземским в 1830 году. Многие из ее номеров полностью редактировал великий поэт. Кроме литературных тем газету в то время интересовали многие общественные вопросы, в том числе и жизнь провинциальной России, ее окраин.

В номере 11 за 1831 год почти на полных четырех страницах помещен путевой очерк «Листки из путешествия по Уральским горам 1829 года». Автор, скрывшийся под псевдонимом «В. В.», рассказывает о необозримых степях Башкирии, о жизни и быте башкир. Он смело описывает социальную угнетенность башкир, подчеркивая, что колоритная экзотика Башкирии не может прикрыть «тришкин кафтан»

бедности аборигенов ковильных степей и предгорий Урала.

Заканчивая очерк, автор обещает, что в «ближайшие дни будет проезжать по горнозаводскому Уралу», и этим дает понять, что главное-то в его повествовании еще впереди. Однако продолжения не последовало. Возможно, что помешали цензурные рогатки.

Но кто же автор очерка? Для нас, уральцев, это хоть и маленькая, но нить к Пушкину.

Литературоведы давно пытались расшифровать псевдоним-криптограмму «В. В.». В 1879 году библиограф С. И. Пономарев приписал его П. А. Вяземскому, другу поэта, на том основании, что в сохранившемся в Остафьевском архиве ком-

плекте газет рукою П. А. Вяземского на некоторых статьях в «Литературной газете» помечено «моя».

Но ведь на очерке «Листки из путешествия по Уральским горам» такой пометы не имеется.

Версию Пономарева повторила без убедительных доказательств советский литературовед Блинова в указателе «Литературная газета» А. А. Дельвига и А. С. Пушкина».

Но мог ли быть автором очерка «Листки из путешествия по Уральским горам в 1829 году» П. А. Вяземский? Известно, что с декабря 1828 года он жил в своем имении Кологривово Пензенской губернии, а затем в Остафьеве под Москвой. Никаких далеких поездок в 1828 и 1829 году он не совершал. Да и в 1830 году Вяземский не выезжал из Петербурга, куда он прибыл в марте этого года и стал со-

трудником «Литературной газеты». Правда, с сентября 1809 года по март 1810 года Вяземский ездил с сенатором П. А. Обрезковым с ревизией в Пермскую и Казанскую губернии. Но и тогда в Оренбуржье и Башкирии П. А. Вяземский не бывал.

Не мог быть автором очерка и Ф. Н. Глинка, о котором также упоминает Е. М. Блинова в комментариях к своему указателю. Близкий знакомый А. С. Пушкина поэт Федор Николаевич Глинка, один из вождей «Союза благоденствия», после 14 декабря 1825 года сосланный в Петрозаводск, а оттуда через несколько лет переведенный под надзор полиции в Тверь, не имел никакой возможности путешествовать.

Кто же тогда автор? Не подскажет ли известный «Словарь псевдонимов» И. Ф. Масанова? Под криптограммой «В. В.» среди других (свыше 60) упомянут Василий Алексеевич Волегов (1806—1866). Мало того, автор «Словаря» без обиняков (хотя и без доказательств) приписывает ему авторство очерка в «Литературной газете».

Кто же такой Волегов?

Эта фамилия была в прошлом веке широко известна в прикамском Предуралье. Строгановские крепостные Волеговы известны как краеведы и историки Урала.

Василий Алексеевич Волегов родился в 1806 году в селе Ильинском Пермской губернии. Первоначальное образование получил в Ильинской школе, а затем, после окончания в Петербурге специальной Горнозаводской школы, оказался в качестве практиканта в Билимбаевском заводе. В 1832 году его перевели в Добрянский завод, а шесть лет спустя назначили окружным управляющим в селе Ильинском. Умер он в 1866 году на посту главного управляющего пермскими име-

ниями графини Н. П. Строгановой.

Кроме служебной деятельности Василий Алексеевич занимался преподаванием, изучал геологию Урала, составил богатую минералогическую коллекцию, вел метеорологические наблюдения, занимался археологией и этнографией. Его труды не потеряли значения и поныне. В. А. Волегов был постоянным сотрудником «Пермских губернских ведомостей», где печатал исторические, этнографические и археологические статьи. В 1859 году он опубликовал в «Пермском сборнике» (о котором тепло отзывался Н. А. Добролюбов) материалы по истории рода Строгановых.

В. А. Волегов был и одним из первых археологов Урала. Он положил начало огромной археологической коллекции в селе Ильинском, где была контора строгановских имений. В 1864 году в ней насчитывалось около 7 тысяч экспонатов. Кроме того, старанием Волегова в 1830-е годы в столичный дворец Строгановых с Урала было доставлено немало исторических раритетов, которые

представляют огромную ценность и хранятся в Государственном Эрмитаже.

Волегов хорошо знал русскую литературу, следил за ее новинками. Он высоко ценил творчество А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и поэтов пушкинского окружения, имел довольно большую по тем временам личную библиотеку. Возможно, что Волегов и лично встречался с великим поэтом.

Но бывал ли Волегов в Башкирии?

Да, он там был. В 1829 году, будучи практикантом Билимбаевского завода, он ездил на ярмарку в Оренбург. Время поездки из Билимбая в Оренбург и время, описываемое в очерке, совпадают.

К сожалению, библиотека Волегова не сохранилась. Интересные данные о последних следах ее приводит в своей книге «Я хочу рассказать вам» Иракий Андроников.

Бывший комиссар эвакогоспиталя, размещенного в 1942 году в селе Ильинском, обнаружил в подвале дома, где некогда жил управляющий, библиотеку и огромный баул, туго

набитый старинными, главным образом французскими, письмами. В числе книг оказались первые издания великого просветителя Н. И. Новикова, журнал «Телескоп», комплект герценовского «Колокола», три экземпляра его «Полярной звезды», «Литературные прибавления к «Русскому инвалиду» 1837 года, в том числе номер, в котором было напечатано сообщение о гибели Пушкина. Среди писем лежали два листка голубой бумаги с написанным от руки текстом пушкинских «Стансов».

В 1943 году госпиталь отправился на фронт, комиссар захватил часть материалов с собой, с тем чтобы отвезти их в Москву. Дорогой стало известно, что эшелон минует столицу, и он сдал их во Владимире в областной отдел народного образования. К сожалению, обнаружить их пока не удалось.

Может быть, среди этих бумаг были и свидетельства знакомства Волегова с А. С. Пушкиным?

Аркадий КОРОВИН,
краевед

УТОЧНЕНИЯ ИЗВЕСТНОГО ПИСЬМА

Обычно литературоведы крайне редко касаются связей А. С. Пушкина с Уралом. Между тем изучение «уральских следов» может по-новому осветить детали, имеющие немаловажное значение для биографии поэта. Многие «ниточки» связывают жизненные перипетии поэта с деятельностью семей и родственников уральских горнозаводчиков — Голицыных, Всеволожских, Дашковых, Де-

мидовых, Соломирских, Строгановых и других.

В Государственном архиве Свердловской области хранится небольшой частный фонд заводоладельца Д. П. Соломирского (1838—1914 гг.), известный под № 128. Письма, портреты и другие подлинные документы раскрывают подробности и детали связей Булгаковых и Соломирских. Особую ценность представляют доку-

менты, взятые «из бумаг А. Я. Булгакова». Среди них находится копия письма П. А. Вяземского известному поэту Д. В. Давыдову от 9 (21) февраля 1837 года, снятая Е. А. Соломирской (фонд 128, опись 1, дело 1, листы 94—107).

«Сей час прочел я твое письмо, — пишет П. А. Вяземский, — и спешу сказать тебе несколько слов в ответ. Понимаю твою скорбь. Я знал наперед, что ты живо почувствуешь нашу потерю. Твое сердце любило Русскую славу, поэзию, знало Пушкина не поверхностно»

но, как знал его равнодушный и недоброжелательный свет, и умел оценить все, что было в нем высокого и доброго, несмотря на слабости и недостатки, свойственные каждому человеку; кто умеет сострадать несчастно близкого — может ли тот не содрогнуться от участи, постигнувшей Пушкина, и не оплакивать его горячими, сердечными слезами! Спроси у Булгакова копию с письма моего, в котором описываю ему подробности последних дней его. Изложить причины, которые произвели это плачевное

последствие, невозможно, потому что многое остается тайным для нас самих, очевидцев; впрочем, и тем, что знаем, можно объяснить случившееся...»

Именно неполный текст указанного письма (видимо, список) Д. В. Давыдову, по предположению П. И. Бартенева, был принят за письмо А. Я. Булгакову. С таким указанием адресата текст письма был опубликован в «Русском архиве» (1879 г.). Кроме того, судя по копии этого письма из фонда Соломирского, в опубли-

кованном варианте не оказалось начальной части письма, а из приведенных строк в опубликованном ранее варианте оказалась измененной третья, а именно ее начало — «...Чье сердце...» (вместо «Твое сердце...». — А. К.). Расхождение вариантов письма определенным образом сказалось и на смысловом содержании важного документа, связанного с историей гибели великого поэта.

А. КОЗЛОВ, доктор исторических наук

ЕКАТЕРИНБУРГ. 1899 г.

В пухлой и весьма растрепанной старой книге, купленной когда-то у букинистов, мне попался конверт с газетными вырезками, забытый там давним владельцем фоллианта. Кто-то любовно подобрал и заботливо хранил отчеты екатеринбургской газеты «Уральская жизнь» о праздновании в городе столетнего юбилея А. С. Пушкина в 1899 году.

Как явствует из вырезок, какого-то общегородского юбилейного торжества устроить не удалось. Городские власти отметили его только... панихидой в кафедральном соборе. А две городские общественно-культурные организации, из-за постоянного соперничества, провели свои «мероприятия» каждая в отдельности — Общество любителей изящных искусств устроило 26 мая (7 июня) торжественное заседание и концерт, а Екатеринбургский музыкальный кружок на другой день дал музыкально-драматический вечер. Прошли они, судя по всему, неплохо, собрали

много и участников и зрителей. Рабочим «Монетки» и других предприятий запомнились «народные чтения», проведенные в помещении гранитной фабрики 27 мая.

Начались торжества 25 мая памятным для города событием — открытием в специально построенном на собранные горожанами деньги здании публичной библиотеки имени В. Г. Белинского, о создании которой давно мечтали екатеринбургцы.

Но основную активность проявили, пожалуй, учебные заведения города. Не было буквально ни одной школы или училища, не отметившего знаменательный день. Мужская и женская гимназии, Уральское горное училище, женское епархиальное и мужское духовное училища, школа при детском убежище (приюте) — в каждом из них прошли торжественные утренники, концерты, литературные вечера. Учащиеся так называемых народных училищ собрались на торжество в зале

Общественного собрания. Литературно-музыкальный концерт, устроенный для них, был по тем временам прямо-таки грандиозным. Достаточно сказать, что в нем принял участие детский хор из 220 человек.

Не прошел мимо рекламы даже заезжий цирк Сур. Очевидно, только рекламы ради. Он объявил на 27 мая «Торжественное представление в честь столетия со дня рождения великого русского поэта».

Да в рекламе магазин Е. Н. Ершова и Ко извещал покупателей, что к предстоящему юбилею А. С. Пушкина получены «стальные, золоченые и серебряные перья с портретом незабвенного поэта».

100-летие со дня рождения А. С. Пушкина было первым на Урале всеобщим праздником в честь гения нашей национальной культуры. Можно понять безвестного хранителя газетных вырезок, решившего сберечь их как память о выдающемся в истории города событии.

А. ПОХОДОВ

ДОРОГИ ДОЛЖНЫ КАТИТЬСЯ

Самодвижущиеся дороги давно уже стали банальностью в описании техники будущего. У кого из фантастов они не описаны или хотя бы не упомянуты? «Самодвижущиеся дороги» — так названа одна из глав повести А. и Б. Стругацких «Возвращение»; многим, наверное, запомнились гонки по самодвижущимся дорогам, описанные в романе А. Азимова «Стальные пещеры». А в опубликованном в начале сороковых годов рассказе известного американского фантаста Р. Хайнлайна «Дороги должны катиться» тщательно разработаны социологический и технический аспекты «культуры катящихся дорог». Призвав на помощь воображение, Р. Хайнлайн создал картину гигантских многополосных магистралей, центральные секции которых движутся со скоростью 150 километров в час вместе с расположенными на них ресторанами, спортивными площадками и комнатами отдыха.

Но как известно, будущее начинается сегодня. И вот еще одно тому подтверждение. Как сообщает швейцарский журнал «Технише рундschau», в секции транспорта Баттельского института разрабатывается движущееся полотно «спидвей», представляющее собой комбинацию центрального полотна и боковых подвижных дорожек особой конструкции. Эти переходные дорожки, называемые «интеграторами», необходимы для перехода с неподвижного тротуара на центральное полотно, движущееся со скоростью 15 километров в час. В 1975 году «спидвей» будет проложен на одной из улиц Женевы и понесет на себе первых пассажиров.

БЕЗ ВИНТА И БЕЗ ВЕТРИЛ

Появление изобретений, предугаданных писателями-фантастами, — заурядное явление в наше время небывалого, лавинообразного научно-технического прогресса. Реже одно и то же изобретение совершают одновременно и независимо друг от друга несколько ученых, — стоит вспомнить хотя бы историю изобретателя телефона Джозефа Белла, который несколько десятков лет потратил на судебные процессы, доказывая свой приоритет. Но еще реже случался, когда изобретение почти одновременно делают двое ученых и... фантаст. Именно такой случай произошел с магнитоонным двигателем для судов. Под днищем корабля расположены пластины-электроды и сильный постоянный магнит. Когда к электродам подводится постоянный ток, вода между ними становится проводником и взаимодействует с силовыми магнитными линиями. Возникает отталкивание. За счет его-то и движется судно, так сказать, без винта и без ветрил...

Впервые модель такого судна продемонстрировал в 1954 году советский изобретатель А. Пресняков. Пять лет спустя судно, приводимое в движение магнитоонным двигателем, проплыло по страницам рассказа Ю. Моралеви «Трудный экзамен». А еще через пять лет американский инженер С. Вэй создал модель подводной лодки ЕМС-1, тоже движущейся за счет магнитоонного эффекта.

С тех пор прошло еще десять лет... Работа советского изобретателя признана, и его приоритет подтвержден авторским свидетельством № 247064; С. Вэй также получил патент на свое изобретение. Но даже самый смелый фантаст пока не возьмется предугадать, когда же необычное судно совершит свое первое морское, а не литературное плавание...

ОКНО В ЗЕМНОЙ МИР

В один из первых дней проведенных на борту «Геи», герой, от лица которого написан роман

С. Лема «Магелланово облако», попадает в гости к одной из спутниц по экспедиции. Он входит в каюту и... «Изнутри эта комната как бы являлась продолжением сада, печально мокнувшего за окнами: там шел дождь. Вдали тянулись тучи — не по небу, а по вершинам холмов. В разрывах облаков иногда показывались черные и рыжеватые склоны, а дождь продолжал лить монотонно, не ослабевая: все время был слышен его плеск, звук струи, падавшей из водосточной трубы, да шум лопавшихся на лужах пузырей... Подняв голову, я увидел, как на краю крыши собираются крупные капли воды...» Окно было распихнуто в привычный, земной мир, правда, мир, созданный талантом корабельных видеопластиков.

С момента выхода в свет романа минуло семнадцать лет. И вот в 1972 году в журнале «Космическая биология и медицина» появилась статья, авторы которой предлагают снабдить каюткомпанию космического корабля, направляющегося, скажем, к Марсу, — а такие полеты уже не за горами, — двойником обычного комнатного окна. Проецируя на него цветные слайды пейзажей, меняя яркость источников света, можно вызвать иллюзию суточного изменения освещенности и смены времен года. Даже число ясных и пасмурных дней в году будет точно соответствовать действительности, создавая для экипажа корабля психологический комфорт. Возможно, придется моделировать и природный ход парциального давления, ионизации и других параметров, которые на Земле зависят от времени года и суток. Последнее, впрочем, относится уже к комфорту физиологическому. Психология же... Но вернемся к роману С. Лема: «Я протянул руку, но падающая капля неощутимо, светлой искрой прошла у меня сквозь пальцы. Я удивился не столько этому явлению — я ожидал его, — сколько собственному разочарованию». Понять героя можно, все-таки иллюзия всегда остается лишь иллюзией. И трудно сказать, к чему приведет устройство вот такого окна на реальном космическом корабле — к психологическому комфорту или к постепенному накапливающемуся раздражению...

ВТОРЫЕ ТЕНИ

Фантастический рассказ

Александр ШАЛИМОВ

Рисунок Р. Каптикова

— Занятно, — подперев ладонью худой плохо выбритый подбородок, шеф переводит взгляд с Норта на Марка и снова на Норта, — занятно, мальчики... И что же вы предлагаете?

— Надо попробовать...

— Но где? Лаборатория Мика выведена из строя. И нам пока не разрешают восстанавливать ее. Эти типы из военного ведомства хотят до всего докопаться сами.

— А если объяснить им?

На лице шефа появилась улыбка, но глаза за толстыми стеклами очков посуровели:

— Пока не стоит.

— Вы все-таки не верите мне!

— Не то, Норт. Если ты прав, это, пожалуй, слишком серьезно... Они могут ухватиться за твою идею, и тогда исследования приобретут... чрезмерно утилитарный характер. Понимаешь?.. Ведь если эту энергию использовать направленно, ее можно превратить в ужасающее оружие, равного которому нет. Пока нет...

— Мне кажется, это даже не оружие, — добавил Марк. — Это пострашнее...

— Что же, ограничиться теоретическим рассмотрением? Оставить все на бумаге? — в голосе Норта прозвучала горечь.

— Свои опасения я, кажется, высказал. Не так ли? — вопросом на вопрос ответил шеф, снял очки, подышал на стекла, стал протирать их краем халата. Настойчивость Норта начала раздражать его.

— А если поставить эксперимент в космосе? — предложил Марк. — На одном из наших спутников-обсерваторий. Там риск не будет слишком большим, и Норт сможет выяснить, насколько справедлива его теоретическая концепция.

— Конечно, конечно, — со вздохом сказал шеф, надевая очки. — Что-нибудь придумаем. Не надо только торопиться... Вот Мик поторопился и... нет его больше.

— Мамонт, старая песочница, интриган под маской добродетели... — Норт захлебывался словами от негодования. — Борца за всеобщий мир из себя изображает. Если бы речь шла о его открытии, он не рассуждал бы так!

— Ты несправедлив к нему, — Марк попытался взять приятеля под руку, но тот вырвал локоть и зашагал быстрее.

Марк тоже ускорил шаги. Теперь они почти бежали по усыпанной крупным гравием дорожке, которая вела от административного корпуса к лабораториям. Полы их белых халатов развеялись на ветру.

— Несправедлив, говоришь? — Норт обернулся, и Марк увидел его осунувшееся лицо и встревоженные злые глаза. — А почему он так реагировал? Я ждал вопросов, дискуссии, а он принялся читать проповедь. Кому она нужна? Разве мы глупее его? Не понимаю, за что нам здесь платят такие деньги?

— Он прав в том, что экспериментальная проверка здесь, в институте, сейчас крайне сложна и несвоевременна. Мы даже не сможем создать надежное защитное поле.

— Вздор! Для этого и существует эксперимент. Над теорией защитного поля я уже работаю, и экспериментальную проверку можно было бы начать именно с него... Вот я сейчас пойду к полковнику Кроббсу и все расскажу ему.

— Подожди, — Марк ухватил Норта за полу халата и заставил остановиться. — Ну, что ты осатанел? Попробуй рассуждать разумно, без спешки. Все равно Кроббса сегодня в институте нет.

Он силой усадил Норта на каменную скамью. Здесь было тихо, пахло свежестью и хвоей. Высоко в синем небе мерно покачивали темными мохнатыми лапами сосны.

— Повторяю, Кроббса ты сегодня не найдешь, — сказал Марк, закуривая сигарету, — поэтому у тебя есть время подумать... Старик не простил бы тебе этого шага.

— Мне наплевать.

— А как ты думаешь работать дальше? Лаборатория сверхвысоких энергий в его ведении.

— Ему придется потесниться. Кроббс заставит его.

— Кроббс тут лицо временное. Его отзовут, и что тогда?

— В конце концов могу уйти и я...

— Это уже глупо, Норт. И ты сам понимаешь, что сказал сейчас глупость. Где еще ты сможешь вести такие исследования?

— Не знаю, что делать, — пробормотал Норт, наклонившись и сжимая обеими руками голову. — Ты представляешь, чего мне стоила разработка этой теории?

— Догадываюсь...

— И теперь, когда можно перейти от формул

к экспериментам, мне предлагают не торопиться, чего-то ждать, намекают, что было бы гуманнее вообще не продолжать исследований. Поставь себя на мое место, Марк! Ведь я выносил эти идеи, выстрадал их; за ними месяцы бессонных ночей, сомнений, колебаний, надежд... Мне скоро тридцать. Я еще не сделал ничего, чтобы оправдать свое место в науке. И вот теперь на пороге такого открытия меня пытаются остановить. И кто? Человек, который меня учил, ввел в науку! Разве это не бессмыслица? А я чувствую сейчас такую силу, что, кажется, мог бы...

— Уничтожить всю планету, — спокойно подсказал Марк

— Не надо пугать меня призраком всеобщего разрушения. Не я первый, не я последний... Но я хочу, черт побери, убедиться, прав ли я, проверить, чего стоит вся эта эквилибристика на кончике пера! И хочу, если я прав, чтобы мое открытие и меня признали.

— Никто не отказывает тебе в этом. Старик только просил не торопиться.

— Разве ты еще его не разгрыз? Если ему что-то не понравится, он способен тянуть годами, выдумывая один повод за другим. Он упрям, как миллион быков. Хочешь пари? Он сделает все, чтобы не допустить меня до экспериментальной проверки.

— Ты расстроен и сгущаешь краски, Норт. Не спорю, конечно, он упрям. Но будем объективны, он сделал в науке столько, что имеет право на свои недостатки.

— Он давным-давно закалился в своих воззрениях. А за последние десять лет вообще не сказал ничего нового. «Организует» работу других... А по существу, только мешает...

— Полегче на поворотах, дружище! Поставь себя на его место... Только что погибли двое его сотрудников. А ведь то, что предлагаешь ты, гораздо опаснее... Кстати, он был противником экспериментов, которые начал Мик, и тем не менее разрешил продолжать их. Убежден, он в глубине души считает себя виновником гибели Мика и Фрэды.

— Да поймай ты наконец, Мик вел эксперименты в развитие его же идеи! Чего ради он стал бы запрещать их? В случае удачи первым всюду фигурировало бы имя шефа. Мик оказался бы только исполнителем...

— Ну а твои концепции, Норт, разве они не вытекают логически из идей старика? Его сила в том, что он сумел заложить пути развития теории на десятки лет вперед. В отличие от многих, он имел право стать «организатором науки».

— В развитии физики всегда существовала преемственность. Новое выросло на фундаменте или на обломках старого. Но, пожалуйста, не сравнивай меня с Миком. Мик пытался доказать то, о чем предположительно говорил шеф; для меня же старые работы шефа лишь трамплин, оттолкнувшись от которого, я вступаю в область неведомого. В мир таких явлений, которых современная наука еще не знает. Это даже не новое направление, это может оказаться новой эпохой в науке об энергии.

— В излишней скромности тебя, пожалуй, не упрекнешь, — заметил Марк, провожая глазами облака, проплывающие в просветах ветвей.

— А зачем мне быть «излишне скромным»? Я говорю о своей работе, о том, в чем убежден... Ты и сам не мог не признать, что мои выводы важны и интересны. Чего ради я должен теперь рядиться в скромность? Я знаю себе цену.

— Пойдем, Норт, — сказал Марк, вставая. — Вижу, что убедить тебя еще труднее, чем старика...

Но прошу тебя, подумай хорошенько, прежде чем идти к полковнику Кроббсу. Потом ты уже не сможешь нажать на «стоп-кран»...

На другой день утром в лаборатории Марка неожиданно появился сам шеф.

— Где Норт? — было первым его вопросом.

— Не знаю, еще не видел его сегодня.

— Ну, как он вчера?

— Немного психовал...

— Необыкновенный талант, но... — старик не закончил и принялся рассматривать графики, над которыми работал Марк.

— Не получается?

Марк отрицательно покачал головой.

— Должно получиться, — голос старика стал жестким. — Попробуй изменить систему отсчета.

— Уже пробовал...

— Попробуй еще раз.

Старик присел на высокий табурет рядом с Марком.

— Как бы он не натворил глупостей...

— Вы имеете в виду Норта?

— Конечно, не господа бога, — вспылал старик. — А этого болвана Кроббса ты сегодня тоже не видел?

— Нет.

— Странно, куда они все подевались?

Марк резким движением отодвинул бумаги.

— Вы думаете, что Норт...

— Ничего я не думаю! — снова вспылал старик. — Ты вчера упомянул об эксперименте в космосе. Я прикидывал... Это пока невозможно. Нужен слишком большой источник энергии. Не сумеем поднять на орбиту...

— А если сконцентрировать поток космического излучения?

— Неплохая мысль, — старик задумался. — Ты не говорил об этом Норту?

— Нет.

— Ну, я пойду, — сказал старик. — Пришли ко мне Норта, когда он появится.

— Хорошо, шеф.

— Пойду, — повторил он, но не ушел. Постоял у окна и вернулся к столу Марка. Марк встал.

— Нет, сиди, — старик снова взгромоздился на высокий табурет. — Знаешь, отчего погибли Мик и его девушка?

— Пока нет...

— А думал над этим?

— Конечно...

— Ну и?..

— Может быть, прав Норт... Это был совершенно новый вид энергии... Защитное поле оказалось бессильным перед ним.

— Норт, Норт... Меня интересует, что ты сам думаешь?

— У меня нет сложившегося мнения.

— Плохо! Собственное мнение надо стараться иметь всегда. Пусть даже ошибочное... Так вот: непосредственная причина их гибели — глупая небрежность... Глупейшая, Марк! Они забыли включить защитное поле. Торопились или понадеялись один на другого, или еще какой-то повод, которого мы уже никогда не узнаем. Во всяком случае, защитное поле не включалось, и, начав эксперимент, они сами подставили себя под удар.

— Это установил полковник Кроббс и его люди?

— При чем тут Кроббс?.. Что он вообще способен установить? Он хочет во что бы то ни стало поймать диверсантов. Ну и пусть ловит.

— И вы ничего не сказали ему?

— Святая наивность! Конечно, нет. Зачем?.. Ведь Мику и Фреде мы уже не поможем.

— Как вам удалось выяснить это, шеф?

— Ничего не было проще. Энергия, которую они должны были израсходовать при создании защитного поля, цела.

Марк ошеломленно потер лоб.

— Однако... Значит, Норт ошибся?

— И да, и нет... Причину гибели Мика он истолковал неверно, но в основном, по-видимому, прав. В его рассуждениях, расчетах и конечных выводах я не вижу ошибки. Этот неизвестный нам вид излучения должен существовать.

— Каким образом? Не понимаю...

— Сейчас поймешь... Так иногда бывает: стройное здание теории вырастает на фантастических предпосылках. Они впоследствии рушатся, а теория остается... В этом одно из проявлений гениальности ученого. Исходные предпосылки для него лишь детонатор. Дальше он все строит на логике, знаниях, интуиции. И возносится так высоко, что предпосылки, породившие весь каскад мыслей, перестают играть сколько-нибудь существенную роль для доказательств теории... Норт шел в своих рассуждениях от энергии, выделившейся в эксперименте Мика: той энергии, которую не смогло задержать защитное поле. А защитного поля вообще не было... Воображаемый избыток излучения был энергией самого эксперимента. Но, ошибочно приняв, что какое-то избыточное излучение происходило, Норт сумел с удивительной прозорливостью установить те условия, при которых оно может и должно возникнуть. И тут он, по-видимому, прав. Другими словами, если воссоздать условия, теоретически предсказанные Нортом, произойдет это, пока загадочное для нас, излучение огромной силы.

— Но мощность защитного поля? Она должна быть во много раз больше, чем в эксперименте Мика?

— В этом все дело, Марк. Защитного поля такой мощности мы создать не сумеем. Оно за пределами наших возможностей. Ничего не изменится даже и тогда, когда нам разрешат вернуться в лабораторию сверхвысоких энергий.

— Значит, гипотезу Норта экспериментально подтвердить нельзя?

— На Земле пока нет. Но в космосе?.. В космосе, может быть, это и осуществимо. Например, если воспользоваться космическими лучами, как ты предлагал.

— Жаль, что всего этого вы не сказали Норту вчера.

— Может быть, это моя ошибка, но я хотел, чтобы кое до чего он дошел сам. Кроме того, мне надо было время, чтобы проанализировать его выводы.

— Странно, что его нет сегодня...

— Да, его отсутствие начинает тревожить и меня.

Старик, кряхтя, слез с табурета, кинул поверх очков испытующий взгляд на Марка и, шаркая по мраморным плитам пола, вышел из лаборатории.

Полковник Кроббс не грешил военной выправкой, был краснолиц, толст, грубоват и очень многословен. Однако на этот раз он старался держаться прямо, разговаривал сухо и официально... Правда, ему было очень жарко, и время от времени он отирал белоснежным носовым платком крупные капли пота со лба, бритой головы и шеи.

Марк, которого старик попросил присутствовать при его разговоре с полковником, недоумевал: со стороны могло показаться, что они говорили на разных языках.

— Нет... Невозможно... К сожалению, совершенно невозможно, — в который раз повторял полковник, снова и снова извлекая из кармана носовой платок.

— Но поймите, нам необходимо продолжать исследования, — мягко настаивал старик. — Лаборатория сверхвысоких энергий ключевая в этом институте. Уже больше месяца мы не только не имеем возможности пользоваться ею, мы даже не можем туда попасть. Вы не хотите сделать исключение и для меня...

— К сожалению, совершенно невозможно... Не все обстоятельства выяснены... Имею указания... — полковник поднял глаза к потолку.

— Все исследования по существу приостановлены. В результатах некоторых из них непосредственно заинтересовано ваше ведомство, полковник. Я нахожусь в очень затруднительном положении... Поймите, мне не хотелось бы беспокоить министра...

— Весьма сожалею... Ничего не могу поделать...

— Можете вы, хотя бы приблизительно, сказать, сколько же времени продлится наше отлучение от святой святых в этом храме? — На лице старика еще сохранялась улыбка, но глаза за толстыми стеклами очков становились все злее.

— Весьма сожалею... Не понял.

— Налейте мне воды, Марк, — попросил старик. — И переведите ему, — проворчал он, беря стакан.

— Профессор спрашивает, когда нам можно начать работу в лаборатории сверхвысоких энергий. — Марк чеканил слова, глядя поверх головы полковника.

— Виноват, какую работу? Лаборатория сильно повреждена...

— Вот именно, — подтвердил Марк. — Работу по ее восстановлению.

— А, работу по восстановлению! — полковник опять вытащил носовой платок и принялся вытирать шею под воротником форменной рубашки. — Это мы взяли на себя.

— Восстановление лаборатории? — от изумления старик снял очки и, подслеповато моргая, уставился на полковника. — Вы собираетесь восстанавливать нашу лабораторию сверхвысоких энергий... Вы?..

— Уже начали, — подтвердил полковник, отирая платком лысину.

— Вы говорите серьезно?

— Так точно.

— Нет, у меня голова начинает идти кругом, Марк, — профессор отбросил очки, потом схватил их, надел и, наклонившись к полковнику, спросил не столько с возмущением, сколько с испугом: — Я не ослышался?

— Виноват... Не понял.

— Профессор спрашивает, как понимать вашу фразу о восстановлении лаборатории? — вставил Марк.

— Как понимать? Так и понимать. Восстановление идет полным ходом.

— Черт меня побери! — задыхаясь, начал старик.

— Успокойтесь, шеф, выпейте воды, — Марк протянул стакан.

— К черту! — закричал старик, отталкивая руку Марка и выплескивая воду на стол и на брюки полковника. — Все к черту! Кто-то из нас сошел с ума.

— Виноват... Не понял... — начал полковник, пытаясь промокнуть носовым платком пятна на коленях.

— Профессор хотел сказать, что для восстановления такой лаборатории нужны опытные специалисты, которых, как он полагает, у вас нет, — объяснил Марк, снова наполняя стакан водой.

— Так точно... Нам помогает доктор Лоу... — полковник вдруг поперхнулся, и им овладел приступ кашля.

— Норт?! — в один голос воскликнули старик и Марк, ошеломленно глядя друг на друга.

— Как же так? Он уехал в Управление космических исследований, согласовывать работы на спутнике...

— Он сам написал мне об этом в той записке, которую я показал вам, — подтвердил Марк.

— Ничего не понимаю, — бормотал старик. — И давно доктор Норт Лоу работает с вами, полковник? Когда он вернулся? Почему я ничего не знаю об этом?

— Не могу знать... Весьма сожалею... — пот градом катил по лицу полковника, и он уже не пытался вытирать его. — Имею указания... Не разглашать... Виноват, не располагаю больше временем. — Полковник торопливо поднялся. — Честь... — Он покинул кабинет старика почти бегом.

Спустя несколько дней Марк и старик прогуливались по тенистым аллеям институтского парка.

— Я специально вызвал тебя сюда, — тихо говорил старик. — Мне начало казаться, что за мной постоянно следят, подслушивают... Даже в моем кабинете...

— Вы устали, и у вас пошаливают нервы, шеф. По-моему, мы их мало интересуем сейчас. Они все торчат там... — Марк указал на просвечивающую за желтыми стволами сосен бетонную стену, за которой находились корпуса лаборатории сверхвысоких энергий.

— Тебе не удалось узнать ничего нового, Марк?

— Почти... Ворота постоянно закрыты, возле них дежурят «гориллы». Они пропускают только людей Кроббса и то по каким-то особым пропускам. Я уж думал, не махнуть ли через стену, но проволока наверху под высоким напряжением. Я собственными глазами видел, как вспыхнула белка, нечаянно задевшая за эту проволоку.

— А что же Норт?..

— С ним поговорить не удалось. Вероятно, он там и ночует.

— Но ты видел его?

— Издали... Вчера перед вечером я забрался на одну из сосен, что растет близко от стены в дальнем конце парка. Оттуда виден главный корпус лаборатории, и мне показалось, что он уже полностью восстановлен... Я просидел на сосне довольно долго, но в конце концов все-таки увидел Норта. Он вышел из главного корпуса и направлялся к энергетическому блоку. Подождав, пока он подойдет поближе, я запустил в него камнем. К камню была привязана записка. Норт остановился, стал озираться, но меня не заметил. Я уже хотел крикнуть, но тут подошли офицеры Кроббса, и вместе с ними он прошел к энергетикам. До темноты он больше не появлялся. Не знаю, поднял он потом камень с запиской или нет...

— Какой позор!.. В наше время пытаться устанавливать связь, швыряя камни...

— А что делать? Я уже перепробовал и многое другое.

— Я не о тебе, Марк. Это обо всем в целом... Так все-таки — пленник он у них или действует по своему желанию?

— По-моему, и то и другое.

— Что же делать?

— Может быть, еще раз поговорить с Кроббсом? Старик махнул рукой.

— А если созвать заседание ученого совета и пригласить на него Кроббса?

— Скорее всего, он не явится. Да если и явится, будет только потеть и твердить, что от него ничего не зависит.

— Пусть, по крайней мере, убедится, что все осуждают линию его поведения. Можно принять соответствующую резолюцию с обращением к министру.

— Боюсь, Марк, что министр в курсе дела... Я уже несколько раз пытался связаться с ним и все безуспешно. То он на приеме, то уехал отдыхать. Мне кажется, он просто избегает разговора со мной.

— А если обратиться еще выше?

— Разве только с прошением об отставке...

— Что вы, шеф, — испугался Марк. — Вот этого делать никак нельзя. Ведь это полная капитуляция! Надо продолжать борьбу.

— Но как?

— В крайнем случае, выступить в прессе, по телевидению. Привлечь общественное мнение.

— Чтобы меня обвинили в разглашении государственной тайны? Кроббс только этого и ждет.

— Вы сегодня не страдаете избытком оптимизма, шеф.

— Я давно перестал быть оптимистом, Марк. Просто все еще пытаюсь плыть против течения... Хотя мне, по-видимому, пора причаливать и вылезать на берег... Все это, конечно, вздор! Я упомянул об отставке не потому, что хочу выйти из игры. Я еще достаточно упрям... Но, может быть, угрожая отставкой, я заставлю кое-кого призадуматься?.. Как ты полагаешь?

Марк с сомнением покачал головой:

— Не знаю... По-моему, не стоит рисковать, шеф.

— Ты думаешь, они способны пойти и на это?

— Они сейчас в трудном положении... Из-за военных... Нет, тут надо придумать что-нибудь особенное, что-нибудь такое...

Марк не успел кончить. За бетонной стеной, где находилась лаборатория сверхвысоких энергий, послышался резкий сигнал сирены. Быстро нарастая, он превратился в пронзительный вой, от которого заломило уши.

— Что там у них происходит? — закричал старик. — Опять какая-то авария?

— Кажется, сигнал общей тревоги... Скорее в укрытие, шеф!

Они побежали по дорожке в сторону административного корпуса. Пробежав несколько десятков метров, старик остановился.

— Не могу, — сказал он, задыхаясь. — Ты беги, я дойду потихоньку.

— Цепляйтесь за мои плечи! — заорал в самое ухо старику Марк, стараясь перекрыть все усиливающийся жуткий вой.

— Поздно, Марк, — старик указывал назад.

Марк оглянулся. Из-за стены, от того места, где находился главный лабораторный корпус, в зенит был устремлен ослепляющий белый луч. Может быть, это только казалось, и луч шел с неба, чем-то невидимым притягиваемый к лаборатории... Он стремительно набухал, становился все ярче, горячее, нестерпимо резал глаза. Как ни краток был этот промежуток времени, Марк все же успел заметить, что у деревьев появились вторые тени...

— Не смотри, ложись!.. — пронзительно крикнул старик.

Они упали у ствола высокой толстой сосны, спрятали лица в густой траве среди ребристых, похожих на ящериц корней. Прикрыли руками головы. Пронзительный вой сирены вдруг резко оборвался. Слышно было только шипение и какой-то треск. Сильно запахло озоном. Сверху посыпались горящие ветви, и Марк поспешно отодвинулся, почувствовав, что рядом вспыхнула трава.

— Реакция вышла из-под контроля, — бормотал старик, не поднимая головы. — Тот случай, когда надо взорвать весь институт... Но теперь поздно...

Послышался резкий треск. Он продолжался несколько секунд, казалось, где-то совсем близко разрывают огромные шелковые полотнища. Потом все стихло. Марк, выждав немного, осторожно открыл глаза, поднял голову. В темном небе светило неяркое маленькое солнце, тусклыми факелами догорали кроны сосен, тусклыми огненными змейками бежали среди травы. За бетонной оградой сквозь клубы серого дыма угадывался большой пожар. Марк осторожно коснулся плеча старика:

— Вставайте, шеф. Конец...

Опираясь руками, старик молча встал на четвереньки. Марк помог ему подняться, нашел среди тлеющей травы очки, сунул старику на нос. Поддерживая за локоть, повел к административному корпусу. По обе стороны дорожки горели кусты, тлела трава. Сверху сыпался серебристый пепел. Вдали уже звучали сирены пожарных машин.

Пожары на территории Института и в окрестностях удалось погасить только к вечеру. Сотни людей были госпитализированы. Спасательные работы за бетонной стеной продолжались всю ночь. Там работали в специальных скафандрах: наведенная радиация оказалась очень высокой... Особые бригады при помощи машин-пылесосов убирали радиоактивный пепел, который покрыл окрестности на много миль вокруг. Жителей ближайших населенных пунктов пришлось эвакуировать.

Из персонала, находившегося в Лаборатории сверхвысоких энергий, каким-то чудом остался невредимым только полковник Кроббс. Его освободили из полузаваленного подвального помещения ночью, и он немедленно развил бурную деятельность. Лазал среди развалин, что-то разыскивал, пытался руководить спасателями и пожарными, сочинял шифрованные радиogramмы, требовал, чтобы их отправляли вне очереди...

Норта откопали под утро. Он был еще жив...

К шефу с этим известием пришел Марк, который едва держался на ногах от усталости. В кабинете шефа был развернут штаб по руководству спасательными операциями. Возглавлял его сам старик. На его лице не было заметно следов бессонной ночи и перенесенного потрясения. В защитном комбинезоне, надетом прямо на опаленный, в дырах, костюм, старик казался моложе своих лет, держался прямо, отдавал распоряжения неторопливо, твердым, даже звонким голосом.

Выслушав Марка, он только спросил:

— Сколько протянет?

— Доктор сказал — недолго.

— Пошли.

Норт лежал на носилках в углу летнего кафе, превращенного в госпиталь. Над носилками Норта склонились двое врачей и сестра — все в защитных комбинезонах и в масках.

— Опустите маски, — сказал один из врачей,

когда старик и Марк приблизились. — Он очень радиоактивен.

Старик послушно сдвинул на лицо маску и шагнул к носилкам. Врачи отстранились. На носилках лежала неподвижная белая фигура. Тело Норта по самую шею было закрыто простыней, на которой кое-где уже проступали темно-красные пятна. Голова была обвита бинтами. Открытыми оставались только один глаз, губы и подбородок. Глаз, живой и блестящий, был устремлен на старика.

— Узнал меня, Норт? — спросил старик, наклоняясь к раненому.

— Да... — чуть слышно прошептал Норт, попытался шевельнуться и застонал.

— Нельзя двигаться, — быстро сказал врач и сделал старику предостерегающий знак.

— Я знаю, — теперь голос Норта стал громче. — Наклонитесь ближе, шеф. Я должен что-то сказать...

Старик склонился к самому изголовью.

— Защитное поле, — шептал Норт. — Его пробил еще в начале... Я ничего не мог сделать...

— Не надо сейчас об этом, — сказал старик.

— Нет... Надо... Очень важно... Вы должны понять... Этот поток энергии... Цепная реакция... Там в решении оставалась неопределенность... Теперь я понял... Время... Поле времени...

Врач опять сделал предостерегающий жест, но старик отрицательно качнул головой, стараясь не упустить ни слова из того, что шептал раненый.

— Излучение... оно из будущего... Прорыв при деформации полей времени... Там впереди... нет ничего... Вы поняли? Бесконечность пылающей плазмы... Но все-таки... Я оказался... прав...

Губы его еще шевелились, но слов уже не было слышно. Постепенно замерли и губы.

— Все, — сказал врач.

Старик резко повернулся и зашагал прочь. Марк, прихрамывая, последовал за ним. На обратном пути старик не произнес ни слова. Встречные о чем-то спрашивали его, он не отвечал.

У дверей кабинета он сорвал маску вместе с капюшоном, на мгновение остановился, прерывисто вздохнул и, сделав над собой видимое усилие, вошел. Сам не зная зачем, Марк последовал за ним. В кабинете находились секретарь, девушка-радиотелефонистка и полковник Кроббс. Не обращая ни на кого внимания, старик прошел к своему столу, сел, снял очки и принялся протирать их.

— Сообщение из министерства, — сказал секретарь. — Министр уже вылетел сюда.

Старик молча кивнул.

При виде Марка полковник Кроббс встал, выпрямился и, подойдя к нему почти вплотную, торжественно произнес:

— Весьма сожалею... Я вынужден арестовать вас... Прошу следовать за мной...

— Что за бред? — вырвалось у Марка.

— Следуйте за мной! — повторил полковник.

— Что там такое? — спросил старик, надевая очки.

— Полковник арестовал меня, — объяснил Марк.

— В чем дело, полковник? Будьте любезны объяснить...

— Поведение доктора Марка Сэдвика в последние дни было крайне подозрительным. Его попытки проникнуть в лабораторию, где вчера произошла авария... найденный на территории лаборатории камень с запиской, написанной, как я установил, именно им... заставляют меня...

— Минуту, полковник, — старик поднялся из-за стола. — Карри, соедините меня с доктором Лиэллардом, только побыстрее...

Пальцы Карри пробежали по кнопкам ее аппарата.

— Доктор Лиэлрд слушает,— через несколько секунд объявила она.

Старик наклонился к переговорному динамику, стоящему на столе:

— Доктор Лиэлрд?

— Я,— прозвучало в ответ.

— Срочно присылайте санитарную машину и двух санитаров покрепче.

— Что там у вас еще стряслось?

— Ничего особенного. Получите нового пациента.

— Кто такой?

— Полковник Кроббс... Его откопали несколько часов назад.

— Ясно... Высылаю.

— В чем дело?— начал полковник.— Я не понимаю...

— Садитесь и подождите,— посоветовал старик.— Сейчас за вами придут, и все поймете.

— Вы отдаёте себе отчет?!— завопил полковник.— Вы будете отвечать за такие действия...

— Я уже принял на себя ответственность за все, что тут произошло,— спокойно сказал старик.— И за это тоже...

— Я вынужден буду арестовать и вас!— продолжал вопить полковник.— Я здесь представляю...

— Молчать!— вдруг крикнул старик, стукнул кулаком по столу.— Я вас уже арестовал. Забери у него пистолет, Марк!

Как ни странно, полковник сразу успокоился.

— Хорошо,— сказал он, отступая к своему креслу,— очень хорошо... Подчиняюсь... К сожалению, у меня нет пистолета,— пояснил он Марку.— Пистолет остался где-то там,— полковник сделал рукой неопределенный жест.

— Ладно,— процедил Марк, ощупывая на всякий случай карманы полковника. Потом он довольно небрежно толкнул его в кресло:

— Сидите пока тут.

Полковник промолчал. Устроившись в кресле, он принялся вытирать ладонью лицо и шею.

В открытые окна откуда-то снизу донесся звук сирены санитарной машины. Зашелестел гравий под колесами, стукнула дверца. Марк широко распахнул двери кабинета. В коридоре уже слышались быстрые шаги.

Старик навел Марка в военном госпитале. Похудевший и небритый Марк лежал на узкой койке и глядел в окно, где ветер раскачивал темные ветви серебристых елей.

При виде старика Марк приподнялся и сел.

— Ну как?— спросил старик, присаживаясь рядом на белый табурет.

— Через неделю обещают выпустить. Лучевое поражение второй степени. Всего-навсего.

— Мы с тобой дешево отделались...

— А как вы?— поинтересовался Марк.

— Как видишь... У меня иммунитет...

Они замолчали. Разговор явно не клеился.

— Я вчера подал в отставку,— сообщил старик, глядя на Марка поверх очков.

— Ну и зря. А впрочем, какая разница!— Марк подавил зевок.— Что теперь думаете делать?

— Буду разводить пчел.

— Неплохо... Только это не для меня. Терпеть не могу мед...

Они снова замолчали.

— Территория института объявлена запретной

зоной и консервируется на сорок лет,— сказал старик.— Решение уже принято, и саперы начали возводить ограждения вокруг. Радиация очень велика.

Марк пожал плечами:

— А тематика исследований?

— Будут строить другой институт с более мощными установками. Кредиты утверждены... Тебе, видимо, предстоит там работать.

— Если меня не арестует полковник Кроббс, когда выйду отсюда.

Старик усмехнулся:

— Карьера Кроббса кончилась. У него действительно сдвиги в психике. Лиэлрд его скоро не выпустит.

— Найдутся другие Кроббсы.— Марк откинулся на подушку.

— А тебя не интересует, что за «духа» выпустил из бутылки Норт?

— Откровенно говоря, нет... И кроме того, я ведь слышал его последние слова.

— Ты решил устраниться?

— Не знаю. Может быть... Откровенно сказать, мне это надоело.

— Они теперь ищут бумаги Норты,— продолжал старик,— его записи, дневники... Но, кажется, ничего не сохранилось. Вероятно, он записывал мало. Все держал в голове. Уже спрашивали у меня... Конечно, будут расспрашивать и тебя, Марк.

— Пусть спрашивают,— Марк снова зевнул.— Я ничего не знаю. Не дорос до понимания таких проблем. А собственных мнений у меня, как вы знаете, никогда не было.

— Гибель Норты для них сейчас невосполнимая потеря.

— Родятся другие Норты.

— Такое бывает не часто. К тому времени люди, быть может, поумнеют...

— Не все ли равно, шеф! Вспомните его последние слова... «Впереди нет ничего... Бесконечность пылающей плазмы...»

— Почему это тебя так поразило? Это естественное завершение цикла развития космических тел. Важно, чтобы это не случилось раньше срока по вине человека, по нашей вине, Марк... Ведь мы не знаем, какое будущее он зацепил своим экспериментом.

— Но вы сказали о новом институте, с более мощными установками. Значит, через десять, двадцать, пятьдесят лет исследователи неминуемо придут к тому же... Вот тогда может и исполнится его пророчество.

— Я не отрицаю серьезности ситуации... Но я и не склонен видеть в Норте абсолютного пророка. Будущее — великая неопределенность. Норт приоткрыл нам один из многих вариантов... Кстати, будущее ли он зацепил? Принудительное смещение полей времени — вот, скорее всего, источник энергии, полученной в ходе эксперимента... Впрочем, главное не в этом... Мы стали теперь чуть-чуть умнее. Конечно, остановить марафон научного поиска невозможно, да это и бессмысленно. Но продолжать его надо, держа руку на «стоп-кране», неустанно взвешивая все «за» и «против»... К сознанию этой необходимости человечество уже подходит... И вот, если разумно нажимать на «стоп-кран», особенно на поворотах...

Глядя в окно, Марк улыбнулся:

— Хотел бы я увидеть того, кто нажмет...

Улыбнулся и старик и тоже стал смотреть в окно. Там ветер раскачивал вершины елей и гнал в синем небе ослепительно белые облака...

ГРАНИ ПАМЯТИ

Юрий ЯРОВОЙ

Я помню чудное мгновенье...»
Миллионы людей читали эти удивительные пушкинские строки. И такова уж их сила и очарование, что они, кажется, сами собой откладываются в памяти на всю жизнь:

Я помню чудное мгновенье —
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты...

Но вот однажды эти строки прочел человек, обладавший феноменальной памятью. Он мог за один вечер запомнить сотни бессмысленных слов и шестизначных цифр. Его необъятная память стала предметом пристального изучения ученых. Но при всех своих феноменальных способностях этот человек не мог понять, что же хотел поэт сказать своими стихами.

Ему давали, например, прочесть двестише Бориса Пастернака:

Усмехнулся черемухе,
всклипнул, смочил,
Лак экипажей,
деревьев трепет...

И спрашивали:
— Как вы восприняли эти строки?

Он отвечал:
— «Усмехнулся черемухе» — я увидел молодого человека... Он ей улыбнулся... Но тут же «всклипнул», значит, уже появились слезы, орошают ее... Значит, здесь уже горе... Я вспомнил, как одна женщина пришла в крематорий и часами сидела и смотрела на портрет... Но вот «лак экипажей» — это уже приезжает барыня... Она выглянула. В чем дело? Почему «он» печален? И «деревьев трепет»?.. Мне легко, я вижу трепет и потом — деревья. А если наоборот — «деревьев трепет», — то я вижу дерево, и его надо еще раскатать...

Бессмыслица? Нет, мучительный труд понять ассоциации поэтических строк. Этот человек мог с первого чтения запомнить всего «Евгения Онегина» — вплоть до любой запятой в любой строфе,

однако бессилён был понять, что поэт хотел сказать строкой «Как гений чистой красоты», ибо эта строка с точки зрения формальной логики была сущей бессмыслицей. Не «гений», а «символ», «эталон» здесь надо!

Этого человека, для которого память в конечном итоге превратилась в несчастье, описал в своей «Маленькой книжке о большой памяти» известный советский психолог А. Р. Лурия. Изданная несколько лет назад массовым тиражом, эта книжка очень скоро стала библиографической редкостью. Помимо простого человеческого интереса к судьбе феномена, не знавшего никаких ограничений в своей памяти, она вызвала огромный интерес ученых самых разных специальностей — от врачей и биологов до кибернетиков включительно. Почему? Любое явление в природе легче изучать по отклонениям в норме, ибо тогда появляется возможность сравнивать. А Ш., как его называет в своей книге А. Р. Лурия, без сомнения, был величайшим отклонением, известным науке. И, во-вторых, восприятие, процесс запоминания и анализ информации в мозгу этого человека паразитально схожи с логическим «мышлением» электронно-вычислительных машин, что очень заинтересовало кибернетиков.

Так что же такое память?

На этот счет существует несколько гипотез, две из которых — синапсная и химическая — получили наибольшее распространение. Первую можно назвать и электрической, ибо суть ее заключается в том, что информация, поступающая в мозг, образует между нервными клетками и их отростками новые электрические контакты — синапсы. Вторая же гипотеза объясняет память образованием новых химических веществ в клетке или преобразованием старых. Но какая из гипотез верна?

Были проделаны опыты. Брали планарию, небольшого плоского червя, и заставляли его запоминать действие электрического тока, каждый укол сопровождала вспышкой света. После нескольких сеансов планария отлично усваивала, что свет «дерется», и при каждой новой вспышке свертывалась в комочек.

Тогда «обученную» планарию превращали в кашлицу и кормили ею других червей. Если природа памяти химическая, то «вещество памяти» должно перейти к «необученным» планариям вместе с кашлицей.

Червячный каннибализм принес блестящие результаты: планарии, питавшиеся кашлицей из тел своих собратьев, прекрасно знали, что означает вспышка света, и мгновенно свергивались в комочек, хотя никакого тока не было!

Однако попытки повторить эти опыты с «веществом памяти» на более высших животных окончились неудачей. Сенсационные эксперименты американского биолога Дж. Мак-Конелла с планариями вызвали в университете, где он работает, больше анекдотов, чем научных споров. Студенты шутили: что лучше — штудировать учебник или искрошить и съесть профессоров, их написавших?

Синапсная гипотеза, несмотря на почти полное отсутствие прямых доказательств, получила признание, особенно — среди кибернетиков. И это неудивительно: ведь и память электронно-вычислительных машин тоже электрическая или электромагнитная.

Как запоминает электронно-вычислительная машина? Представьте себе бухгалтера, который работает со странными счетами: на каждой рейке всего по одной костяшке. И знает этот бухгалтер всего две цифры: «0» и «1». Если ему нужно на счетах отложить «1», то он костяшку передвигает по рейке влево. «2» уже вызывает более сложные операции: первую костяшку в этом случае нужно вернуть на прежнее место — «0», а костяшку на второй рейке, второго порядка, — передвинуть влево. И запись цифры «2» в этой двоичной системе выразится как «10», а «527» — таким набором единиц и нулей «100001111». Попробуйте эту цифру умножить хотя бы на «2» — каторжный труд! Однако другого пути и других возможностей, кроме двоичной арифметики, электронно-вычислительные машины не знают. И память у них, соответственно, тоже двоичная: любая цифра, любая информация, чтобы она стала понятной машине, должна быть предварительно «искрошена» до состояния «двоичной кашлицы». Вот почему те же строки Бориса Пастернака машина попыталась бы понять точно так же, как человек-феномен из «Маленькой книжки о большой па-

мяти»: «усмехнулся — это такая гримаса на лице человека, черемуха — это дерево из семейства розовых, дико растет в Европе, Северной Америке и Азии. Но человек не может усмехаться черемухе — это нелепость. Запросить дополнительную информацию...»

До смысла, вернее, до образа, созданного этим двустишием, машина не докопается никогда.

Кибернетики говорят: «Для ассоциативного мышления» у машины слишком мала память. Вот четвертое поколение ЭВМ, возможно, уже будет понимать некоторые стихи Пушкина...»

Первая крупная ЭВМ была пущена в 1951 году. С тех пор конструкторы вычислительных машин свою работу подчинили одному — емкости памяти. От того, какую емкость имеет электронный, или магнитный, «мозг», сколько он может вместить бит, в которых измеряется информация, и зависит ранг машины. Предел, заветный рубеж для конструкторов ЭВМ — мозг человека, который, как считают биологи, способен вместить 10^{12} бит в каждом кубическом сантиметре!

На заре ЭВМ приводились такие сравнения. Если создать машину — а тогда, в пятидесятых годах, они работали на радиолампах — эквивалентную по своей памяти мозгу человека, то ее размеры были бы равными главному зданию Московского университета, высотой свыше двухсот метров!

С тех пор прошло 20 лет. За это время сменились уже три поколения ЭВМ. Емкость памяти самых лучших из них доведена уже до нескольких миллионов бит, а машины по-прежнему очень далеки от человека. Разумеется, для того, чтобы разместить современную ЭВМ, память которой была бы эквивалентна мозгу человека, потребовалось бы здание намного меньше Московского университета — ведь разрыв уже сократился до четырех порядков, мозг человека имеет емкость по сравнению с новейшими машинами лишь в 10.000 раз большую. Однако вот что говорят расчеты американских конструкторов: если бы все же такая машина была построена, то обошлась бы она в 10 миллиардов долларов, а ее запоминающее устройство весило бы 100 тысяч тонн! При этом такая электронная память потребовала бы один миллион киловатт электроэнергии.

Еще более «страшными» эти цифры кажутся на фоне данных мозга человека: вес около 1,3 килограмма, энергии потребляет всего 20 ватт.

Спрашивается, почему же тогда научно-техническая революция и вообще технический прогресс прежде всего связаны с электронно-вычислительными машинами. При всех своих минусах машина имеет и один могучий плюс: задачи-то она решает в 100 миллионов раз быстрее человека! Быстродействие ЭВМ заложено в самой ее природе: скорость прохождения электрического сигнала как раз в 100 миллионов раз больше скорости передачи сигнала по нерву. Другое дело — память.

Время от времени рождаются чудо-счетчики, производящие в уме сложнейшие вычисления буквально в считанные мгновения. Как это происходит, каким образом мозг такого человека-феномена превращается в вычислительную машину — неизвестно. Никто из них не смог вразумительно объяснить процесс вычисления. Любопытно и то, что сверхсчетом обладают, как правило, или дебилы, то есть не совсем полноценные в умственном отношении люди, или дети, не умеющие еще считать нормальным образом и теряющие способность к сверхсчету, едва их обучат в школе таблице умножения. И лишь очень немногие, как это случилось с человеком, описанным в «Маленькой книжке о большой памяти», сохраняют феноменальную способность до конца жизни.

«Для меня 2, 4, 6 — не просто цифры, — объяснял он сам процесс сверхсчета. — Они имеют форму... 1 — это острое число, независимо от его графического изображения, это что-то законченное твердое. 2 — более плоское, четырехугольное, бывает чуть серое. 3 — отрезок заостренный и вращается...» Таким образом, к великому разочарованию кибернетиков, сверхсчет у Ш. объяснялся мнемотехникой, когда каждая конкретная величина или факт, или цифра ассоциируется с картинкой, даже с целым пейзажем, и весь счет сводится к быстрым сменам картинок.

Объяснения человека-феномена не удовлетворили математиков — он и сам толком не знал, каким образом добывается поразительных результатов. Очевидно, в этом случае мы имеем дело с проявлением так называемого закона неаддитивности, который выражается в том, что сумма исходных компонентов всегда меньше полу-

ченного результата: $1+1=3$. Биологи и физики, изучая живую материю, сталкиваются с этим законом на каждом шагу.

Но может ли закон неаддитивности, который в общем-то и является показателем разума, интеллекта, если хотите, человека, его памяти, проявиться в машине, память которой, как подсчитано, должна весить 100 тысяч тонн? Нет, одной емкости мало, надо еще, чтобы электронный мозг занимал при этом объем, близкий к объему мозга человека. Только в этом случае, когда элементарные ячейки памяти находятся в непосредственном контакте, они способны будут обмениваться необходимой информацией между собой, что происходит в мозгу человека при образовании синапсов, если, конечно, эта гипотеза верна. Вот тогда, возможно, машина будет обладать уже не элементарной, а ассоциативной памятью, вот тогда машина, возможно, и поймет, что хотел сказать поэт словами «Как гений чистой красоты...»

В кабинете заведующего лабораторией ферромагнетизма Института физики металлов Уральского научного центра, члена-корреспондента Академии наук СССР Я. С. Шура есть ничем не примечательный с виду приборчик — диапроектор «Этюд», через который на экран проецируют диапозитивы. Однако в этом «Этюде» заложено будущее ЭВМ — термомагнитная память четвертого поколения машины, которая в сочетании с голографией позволит, наконец, достигнуть заветного рубежа — 10^{12} бит в каждом кубическом сантиметре вещества!

Термомагнитная память представляет собою тончайшие марганцево-висмутовые прозрачные пленки, бесчисленные колонии плотно прижатых, стоящих магнитных «иглоков». О размерах этих «иглоков» можно судить хотя бы по тому, что их длина, то есть толщина самой пленки, равна всего 500 ангстрем, или пяти миллионным долям сантиметра. Если какую-нибудь из этих «иглоков» нагреть тончайшим лучом мощного лазера, то она мгновенно переполюсуется, что в специальном, так называемом поляризованном свете будет замечено как крошечная черная точка. И вот таких черных точек, в которых закрепляется двоячная информация — «0» или «1», «плюс» или «минус», «черное» или «белое», — на каждом квадратном

сантиметре марганцево-висмутовой пленки можно разместить до 100 миллионов! Столько же, сколько, как считают биологи, в одном слое нейронов в мозге человека.

«Иголки» в термомагнитных пленках можно переполюсовывать не только лазерным лучом, но и обыкновенным магнитом. Я. С. Шур берет магнитный «карандаш» и острием его рисует на пленке профиль лица. Затем переворачивает «карандаш» и тупым концом, словно ластиком, стирает рисунок.

— Вот так и будет работать память четвертого поколения машин, — говорит ученый. — Нужно что-нибудь запомнить — луч лазера переполюсует необходимое количество «иглоков». И эта информация в виде черных точек в ее памяти будет храниться до тех пор, пока не поступит приказ стереть ее. Человек, к сожалению, проделать то же самое со своей памятью не может.

Конечно, потребуются еще годы, чтобы создать нужные лазеры, разработать системы объемных «видений» — голографических изображений этих пленок.

Память машины... Не кощунственно ли подобное словосочетание? Человек, венец природы, и стал-то человеком благодаря своему мозгу, способному воспринимать и хранить в своих недрах необъятную информацию об окружающем мире. А тут — груда металла, стекла, пластмасс...

— Память, очевидно, более пространственное в природе явление, чем было принято думать до сих пор, — вспоминаются слова другого ученого.

Полимеры окружают нас со всех сторон: обувь, платье, мебель, посуда... Если производство полимеров в 1960 году во всем мире исчислялось 10 миллионами тонн, то к 1983 году, согласно прогнозам, выпуск их будет равен выплавке стали. Что такое полимеры?

Профессор А. А. Поздеев, заведующий отделом физики полимеров Уральского научного центра, дает такое определение.

— Полимеры состоят из длинных цепей молекул, которые, подобно змеям, могут легко изгибаться, извиваться даже, и, чтобы полимер был прочным во всех направлениях, эти молекулы-змеи приходится «сшивать» поперечными цепями.

В прочности и кроются странности полимеров. Всем рыбакам хорошо известна лодка-казанка — из легкого, прочного дюралюминия. Однако, если на ней, не дай бог, напорются на большой скорости на топляк или рельс, забитый в дно реки... Итог печальный: чем выше скорость — тем больше пробойна.

Несколько лет назад появились точно такие же лодки из стеклопластика. Они ведут себя совсем иначе. Чем больше при столкновении скорость, тем пробойна меньше! А при известной скорости лодка из стеклопластика становится бронированной, ее не может пробить даже рельс.

Нет ли в этом парадоксальном явлении нарушения общеизвестных законов сопротивления материалов? Действительно, все попытки описать поведение полимеров под нагрузкой привычными формулами, которые применяются для расчета на прочность, например металлов, оканчивались неудачами. Полимеры вели себя «шиворот-навыворот». Однако более глубокие исследования показали, что никакого противоречия между поведением под нагрузкой полимеров и металлов нет. Теория сопротивления металлов — частный случай такой же теории полимеров.

Когда ученые немного разобрались в этих странностях полимеров, то, вполне естественно, стали искать формулу, по которой можно было бы рассчитывать пластмассы на прочность. И вот что выяснилось. Классическое уравнение прочности материалов для полимеров пришлось расширить за счет членов, которые учитывают... память! И не только память, но и наследственность. Основное уравнение теории наследственности полимеров, предложенное академиком Ю. Н. Работновым, — это не что иное, как расширенный за счет введения интегральных членов памяти закон Гука, тот самый закон, по которому ведутся расчеты на прочность металлов.

Слова «память» и «наследственность» по отношению к мертвой природе? Это, конечно, надо понимать как аллегории.

— Почему аллегории? — удивился А. А. Поздеев. — В том-то и дело, что в отличие от других материалов, с которыми имеют дело машиностроители, полимеры обладают и памятью, и наследственностью, которую можно представить в виде своеобразной

памяти «предков». И все ошибки инженеров, имеющих дело с полимерами, как раз в том и заключаются, что они в своих расчетах не учитывают эти два кардинальнейших свойства.

И профессор привел пример. Возьмем полиэтилен в виде шариков и начнем из них прессовать карандаши. Если технологический процесс вести очень быстро, без учета времени на «стирание» памяти, то через некоторое время полиэтиленовые «карандаши» опять превратятся в шарики.

Еще больше неприятностей ожидают инженеров, не желающих считаться с памятью полимеров, когда они вводят их в силовые узлы машин. Если полимер растягивают быстро, а потом медленно, то он помнит свои механические характеристики. При циклических нагрузках полимеры помнят характер сил, которые действовали на них несколько циклов назад. Создается невероятная на первый взгляд картина. Один и тот же материал, в зависимости от своего прежнего состояния и прежних нагрузок, имеет разные механические свойства. Причем, как показывают эксперименты, разброс характеристик одного и того же полимера может превышать целый порядок, то есть один и тот же материал в зависимости от наследственности, которую полимер запомнил, может выдерживать нагрузку, отличающуюся в десять раз!

Вот в этом феномене полимеров и кроется удивительная прочность стеклопластиковых лодок. Прочность пластмасс зависит не только от температуры, но и от того, с какой скоростью прикладывается сила. Для некоторых пластмасс, в том числе и для стеклопластиков, характерно поведение, которое как будто на первый взгляд противоречит здравому смыслу: эти материалы легко продавливаются пальцем, но непробиваемы при большой скорости удара. Все сверхпрочности полимеров легко объясняются теорией их наследственности, их памятью.

Так что же тогда такое память? Если конструкторы электронно-вычислительных машин ищут аналогии в синапсной гипотезе памяти человека, то создатели полимеров — в химической. Конечно, нелепо думать, что полимеры изменяют свой химический состав под влиянием разных нагрузок. Не меняется, как установлено тончайшими опытами, и химизм

нервных клеток памяти, когда в них вводят новую информацию. Но информация-то ведь в клетках закрепляется! А может, сами химические вещества, не меняя своего состава, обладают собственной, химической памятью?! Безумная идея... Однако именно эта идея и обсуждалась два года назад на отделении химии Академии наук СССР.

После нескольких лет поисков, колебаний и сомнений, которые были рассеяны сотнями экспериментов, доктор химических наук, заведующий лабораторией Института химии Уральского научного центра Р. О. Матевосян пришел к выводу, что химические реагенты (мертвая материя!) не только обладают памятью, аналогичной человеческой, но и способны передавать ее «по наследству».

Профессор Р. О. Матевосян работал главным образом с пикрилгидразином — бесцветной, слегка дымящейся жидкостью с крайне неприятным запахом. Он имеет не только состав, похожий на формулу воды, — та же окись, но не водорода, а азота, — но и близкие к воде температуры плавления и кипения.

Профессор работал с кристаллическим, замороженным гидразином, растворяя его в ацетоне, спирте и дихлорэтане. А затем в этих растворах соединял гидразин с разными веществами, например, с аммиаком.

Вторая стадия опыта заключалась в обратном превращении: прореагировавший с аммиаком гидразин из соединения извлекался, очищался и охлаждался до кристаллического состояния. А затем, применяя самые современные методы анализа, химики сравнивали гидразины, реагировавшие с аммиаком в ацетоне, спирте, дихлорэтане... Зачем, спрашивается? Ведь свойства и состав любого химического вещества никоим образом не зависят от способа их получения! Этот закон, так называемый постулат Пруста, был, установлен еще в прошлом веке...

А что показали рентгенограммы гидразинов, полученных из соединений с аммиаком в ацетоне, спирте, дихлорэтане? Выдержав в точном соответствии с постулатом Пруста одинаковость химического состава, эти гидразины по своей структуре оказались веществами разными! Но раз это вещества разные, помнящие свою «родословную», или, как выражаются химики, находящиеся в генетической связи со своим прошлым, то они и реагируют по-раз-

ному. Действительно, в опытах с двуокисью свинца реакция окисления в одном случае заканчивается через 20 минут, а во втором — через 2,5 часа!

Предоставим слово Рафаэлю Оганесовичу Матевосяну:

— Пусть два вещества, различаемые лишь способом своего синтеза, то есть обратного восстановления, но у которых в качестве прародителя было одно вещество, вступят в одинаковые реакции, а полученные продукты еще раз прореагируют с одним и тем же веществом. Будут ли «внуки» наших исходных веществ отличаться друг от друга? Да! Даже через несколько химических стадий, даже в отдаленных «поколениях» сказывается судьба, место и способ рождения «прародителей»... Таким образом, хотели бы мы того или нет, но в природе есть не только своеобразная химическая память, но и наследственность.

А разве в мире полимеров мы не наблюдаем то же самое?

Так что же такое память? Феномен живого мира или широко распространенное явление природы? Памятью обладает наш мозг — мозг человека. Память есть у всех животных. Даже одноклеточные бактерии, как удалось установить в последнее время, тоже неизвестно каким образом умеют кое-что запоминать. Памятью люди наградили электронно-вычислительные машины. И недалеко то время, когда машинный «мозг» не будет уступать по емкости человеческому.

Памятью обладают и полимеры. Памятью, как утверждает профессор Р. О. Матевосян, обладает практически любое вещество...

«В последние годы, — говорится в «Маленькой книжке о большой памяти», — учение о памяти, которое долго было в состоянии застоя, вновь стало предметом оживленных исканий и бурного роста...»

Виктор БАНЬКИН

«Чечевицу видите?»

Раз поутру, во второй половине мая, вышел на крыльцо, а меня кто-то спрашивает:

— Чечевицу видел?

Чуть погода настойчивый вопрос повторился:

— Чечевицу видел?

«Ну, ну,— подумал я, глядя на деревья. — Вот и чечевица к нам в Подмосковье пожаловала!»

Среди птичьей веселой разноголосицы голос чечевицы — громкий, несколько отрывистый — разносился далеко окрест. Казалось, пичуга сидит где-то рядом — не то на кусту сирени, не то на молодом клене, и, не уставая, то и дело спрашивает:

— Чечевицу видел?

В начале июня голос у птицы как будто несколько изменился, и она вопрошала более мягко, чуть-чуть в растяжку:

— Чечевицу ви-идите? Чечевицу ви-идите?

Возможно, пел другой самец, не тот, первый, возвестивший о прилете чечевицы из далекой Индии.

В одной солидной книге, определителе птиц нашей страны, было написано: оперение чечевицы-самца сплошь ярко-красное, зоб имеет карминный оттенок, крылья — бархатисто-малиновые.

Много раз, заслышав пение чечевицы, я осторожно крался к кусту, на котором, по моему предположению, пряталась красивая пичуга, чтобы хоть одним глазом глянуть на нее. Но стоило мне приблизиться к шиповнику или сирени, как чечевица замолкала, а чуть погодя ее звучный голос раздавался в другом месте.

Так до сих пор мне ни разу не удалось увидеть таинственную чечевицу. И теперь, заслышав где-то рядом: «Чечевицу видите?», мне уже чудится в голосе птицы добродушная насмешка.

Проделки Туули

Гостил как-то летом в Карелии. Деревушка лепилась по берегу озера, расхлестнувшегося на добрых километров десять в длину.

Изба моей хозяйки бабушки Марфы стояла среди берез на мысу, окнами на озеро — что тебе васильковое поле, глазами даже больно на него смотреть. Вода в озере была теплая, ласковая. Ну, прямо-таки как на родине моей — в Ставрополе на Волге.

Просыпался я рано, хотя и ложился поздно. И спал крепко, так крепко, что не слышал ночной грозы, разыгравшейся раз над озером.

Вышел поутру из летней своей боковушки, а бабушка Марфа, сутулая, большеносая, вся какая-то нескладная, стояла на крыльце, размахивая длинными костлявыми руками, и кричала на весь двор:

— Туули, негодник непутевый! Куда уволок плошку?

Пес Туули вертелся у крыльца, вилял туда-сюда облепленным репьями хвостом, ожидая завтрака.

— Совсем Туули отбился! — сказала мне бабушка Марфа. — Чуть ли не каждый божий день шальная собака уволакивает невесть куда посуду. На что же это похоже, люди добрые?

А Туули, смиренный ленивый пес, совсем не оправдывающий свое имя («туули» по-карельски ветер), смотрел с недоумением на хозяйку, не чувствуя за собой никакой вины.

Из кухни выглянула Катя, внучка ворчливой бабки, и поставила на крыльцо жестянку из-под свиной тушенки. Сказала примирительно:

— Сюда можно, бабушка?

— Нет и нет! — вскричала Марфа и притопнула ногой. — Не буду!.. Не буду я кормить Туули!

И ушла в избу. Тихая добрая Катя принесла чугунок, налила в жестянку мясной похлебки.

Облизываясь, Туули нетерпеливо гавкнул.

— Видел: бабушка на тебя осерчала, — сказала девочка, глядя пса по густошерстому загривку с черножуковой полосой, протянувшейся по спине до самого хвоста. — Будь умником, Туули. Не воруй больше посуду.

Наскоро позавтракав, я забрал удочки, банку с червями и ушел под обрыв удить рыбу.

Вернулся с рыбалки часа через три, когда кончился клев. Во дворе меня встретила веселая ясноглазая Катя.

— Гляньте-ка, — сказала девочка. — Какой клад нашла под крыльцом.

На нижней широкой ступеньке старинного крыльца в ряд стояли всевозможные — ненужные теперь в хозяйстве — миски, плошки, консервные банки, которые утащил Туули в последнюю неделю. Видимо, он решил: поел — убирай за собой посуду...

Позвали с кухни бабушку Марфу. От изумления старая не могла вымолвить даже слова.

Виновник же всей этой истории Туули лежал на траве в сторонке, свернувшись в клубок, и старался не глядеть на свою хозяйку.

РОЗОВЫЙ СЛОН

Часто тихими августовскими вечерами подолгу засиживался я на крутом мысу с березами. И жадно вглядывался в беспредельную даль — все еще отрадно светлую, все еще не подвластную чарам глухой, убаюкивающей дремы.

Все реже и реже бороздили остекленевшую гладь озера шустрые, тарыхтевшие напропалую моторки.

В лицо дул ветерок — ласковый, прянодуховитый, отгонявший от меня надоедливых комаров. Наверное, из дальних остывающих ложков приносил ветер запах скошенных трав.

Случалось, пролетали, обгоняя друг друга, припозднившиеся птицы. Они летели наперерез озера, устремляясь к противоположному берегу. Отсюда нахмурившийся ельник с островными макушками походил на мрачную крепость средневекового замка.

В один из таких вечеров и увидел я розового слона.

Огромный-преогромный слон с поднятым вверх хоботом застыл в изумрудно-зеленой вышине, точно о чем-то глубоко задумался.

На том берегу замигали колючие огоньки в пионерском лагере, а сказочно розовый слон — такая диковина в Карелии — все еще по-прежнему дирижаблем висел над потемневшим озером. Правда, теперь у слона не было хобота. Хобот — совсем еще недавно такой длинный — как-то незаметно свернулся в круглое облачко. И облачко это медленно удалялось в сторону мрачного ельника, намереваясь, похоже, сбежать от заснувшего великана.

Дед Проша

— В молодости-то я был куда как удалый охотник, — хватится лесничий дед Проша. — Зверю, бывало, легче от своего следа уйти, чем от меня...

Мы идем с дедом Прошей по широкой просеке. Ночью был иней, и теперь палая листва стала мокрой, яркими заплатами лепится к сапогам. В колеях светятся чистые лывки, засыпанные ржавою хвоей. Темным частоколом стоят по сторонам высокие сосны, а у подножья их — кусты рябины, тальника, мелкий осинник да березняк — все, чем зарастают молодые вырубки.

Вот навстречу нам из темнолесья вышла большая береза, чудом уцелевшая на просеке от топора.

— Ага, Настасья Дормидонтовна препожаловала, — говорит березе лесничий. — Здорово же ободрал тебя, голубушка, разбойник-листобой!

И уже обращается к рябине, тонкой и красивой, с рубиновыми гроздьями ягод, проступающих сквозь багровую чеканную листву:

— Живем, Елька? Разоделась ты у меня, прямо как невеста на выданье...

И в этой стройной рябинке, одиноко светящейся среди темных сосен, мне вдруг смутно увиделись черты знакомой девушки Лены, которую в поселке все так и зовут — Елкой, и которая так же вот ярко любит одеваться, и характером диковатая, странная какая-то, как говорят про таких — не от мира сего.

Я задумался над чудными кличками деда Проши, которые давал он деревьям. Настасья Дормидонтовна... Да ведь это продавщица из того же лесного поселка Савино, откуда и Елька, и сам лесничий. Точно, она! Такая же кряжистая, как та, на просеке, береза, у которой раскидистые сучья начинаются от самой земли, и особенно в зимнем инее напоминает она издали белый шар, а еще — Настасью Дормидонтовну в рабочем халате. И даже в манере есть что-то схожее: любит продавщица быть всегда на виду, как бы отдалиться от толпы...

— А это вот — дедушка Корней. — Лесничий подходит к древнему замшелому кедру.

Пока мы шли по лесу, со многими деревьями поздоровался старик, многие окликнул по имени-отчеству.

РОЗОВАЯ ПТИЦА ФЛАМИНГО

Мглистое марево повисло над пустыней. Солнечный шар уже начал спускаться за горизонт, но жара не спадала. Горячий воздух лениво тек над раскаленными за день песками и в его струях расплывались очертания невысоких барханов. От нестерпимой жары гудела голова. Мы медленно плелись между барханами, с трудом вытаскивая из песка ноги, стараясь не отстать от проводника. И вдруг откуда-то сверху до нас дошли гортанные звуки. Отдаленно они напоминали гоготание успокаивающихся после дружеской потасовки гусаков. Мы остановились. Сзади, быстро приближаясь, низко над песками летели растянутой цепочкой пять крупных птиц.

Так необычно и неожиданно было зрелище: длинные вытянутые шеи, еще более длинные, откиннутые назад ноги. Птицы все разом, в такт, взмахивали яркими розовыми крыльями.

Усталости как не бывало. Ноги зашагали веселее. Перегоняя нас, неслись над песками, вспыхивая красновато-розовыми огнями, словно сполохи северного сияния, небольшие стаи удивительных птиц — фламинго. Большая колония птиц собиралась после дневных трудов на ночевку.

Я спросил проводника, где живут фламинго. Немного подумав, он неопределенно махнул рукой в сторону поблескивающей в лучах низкого солнца полосы соли, выступившей на берегах мелющего озера.

Мне очень захотелось побывать у фламинго «дома». Увы, осуществить это желание оказалось не так-то просто. За долгое жаркое лето озеро сильно обмелело и далеко отступило от берегов, покрыв, как льдом, поверхность глубокого зловонного ила

корочкой соли. С низких берегов воды не было видно. Она началась где-то там, за 5—8 километров от берега. Никто не пожелал отправиться со мной к соленому озеру, а один я не решился пуститься в столь рискованное предприятие. Да и никто из нас не догадался захватить в пустыню резиновых болотных сапог.

Мне много раз приходилось встречаться потом с фламинго на воле. Я видел их зимой под Ленкоранью, где в поисках корма они уходили далеко в море. Я видел, как море становилось розовым, вскипая тысячами стаями птиц, собравшихся на зимовку на другом берегу Каспия — в заповеднике Гасан-Кули. Довелось наконец побывать однажды и у фламинго «дома».

Солнце еще не показалось над водой, когда наш вертолет опустился на узкую песчаную полосу острова, затерявшегося среди водной глади. Мы быстро выгрузили багаж — резиновые надувные лодки, кинокамеру, ящики с бутылками и банками для проб воды и сбора живых организмов — и тронулись в путь. Огромное озеро Челкор-Тенгиз, длиной почти в 85 км и местами до 40 км в ширину, здесь, в центре, было очень мелко. Шест, когда им оттапливались, глубоко увязал в иле. Два часа потребовалось нам, чтобы преодолеть полтора километра.

Гнездовая колония находилась прямо в воде. В нескольких метрах друг от друга торчали из воды невысокие пирамиды. Ни один кустик, ни одна тростинка не украшали гнездовья. Только грязная, с хлопьями пены и множеством плавающих перьев вода да кочки, кочки, кочки, уходящие до самого горизонта.

В большинстве гнезд птенцы уже вылупились. Немногие насиживающие птицы при нашем приближении поднялись на крыло и с тревожным криком улетели. Вся орава птенцов тоже выпрыгнула из своих квартир и, быстро семеня ногами, пошлепала по мелководью вслед за ними. Хотя птенцы буквально на днях появились на свет, они были настолько резвы, что лишь после часовой возни, измазавшись в липком илу, мы сумели поймать двух, явно больных. Обмерив и взвесив юных фламинго, мы вернули пленникам свободу и отправились в обратный путь. Не хотелось распугивать колонию — фламинго бросают насиженные места, если их беспокоят. Полтора года назад некий горе-ученый разорил «для научных целей» около 200 гнезд фламинго в крупном гнездовье на Индерском озере, и с тех пор фламинго здесь больше не гнездятся.

Жизнь птиц в глубине Челкор-Тенгиз совсем не сладкая. Здесь в центре горько-соленого озера летом корма для них нет, и они вынуждены каждый день улетать за пропитанием за 20—60 км в опресненную часть озера или на соседнее пресное озеро Кургаль-Джин и окрестные мелкие водоемы.

В Казахстане известны пять гнездовых фламинго. Ближайшие к ним находятся в Алжире, в Западной Европе в заповеднике Камарг и в Индии. Кроме того, обыкновенные фламинго живут в Восточной Африке, на островах Карибского моря, в Южной Америке и на тихоокеанских островах Галапагос.

Фламинго — типичные жители плоских равнин. Поэтому они и селятся на голых песчаных островах, на широких низких пляжах, в

мелководных соленых озерах и по берегам неглубоких морских заливов.

Фламинго — отличные ходоки. Они часами бродят по мелководью. На пальцах у них перепонки, и они неплохо плавают. И летают, несмотря на большие размеры, совсем недурно. Только взлетать для них — мучение. Чтобы подняться в воздух, птицам нужен разбег, а для этого необходима хорошая «взлетная площадка». Вот одна из главных причин, почему фламинго живут на равнинах, лишенных растительности. Но даже при наличии «взлетно-посадочной полосы», а ею может быть и прибрежное мелководье, фламинго поднимаются в воздух неохотно, только в случае крайней необходимости. Сначала птица тяжело бежит, далеко вперед выкидывая свои длинные ноги и помогая взмахами крыльев. Уловить, когда тело оторвалось от земли, крайне трудно, так как и в полете птица некоторое время еще перебирает по инерции ногами, как бы бежит по поверхности воды. Только набрав высоту, фламинго, подобно самолету, убирающему шасси, придают ногам такое положение, чтобы они оказывали наименьшее сопротивление встречным потокам воздуха.

Обыкновенный фламинго питается мелкими водяными насекомыми, рачками, моллюсками и червями, выкапывая их под водой из ила. Поиски корма — основное занятие птицы, и поэтому голова фламинго все время опущена в воду. Он поднимает ее только затем, чтобы вдохнуть порцию воздуха и осмотреться — ему необходимо убедиться, что враг не подкрадывается. Спокойно себя чувствовать фламинго могут только на открытом месте, где все кругом как на ладони и врагу негде укрыться. Вот еще одна причина пристрастия птиц к голым пустынным местам.

Удивительна семейная жизнь фламинго. Птицы любят гнездиться прямо на воде. За несколько дней упорного труда каждая пара строит для своего потомства из ила и грязи маленький островок — конусообразную башенку с продолговатым лотком на вершине. Иногда, чтобы достать строительный материал, птицам приходится клювами пробивать корку засохшего сверху ила. Тогда строительство затягивается.

В гнездо самка откладывает пару больших зеленоватых островчатых яиц. Высиживают их

оба родителя. Через месяц с небольшим вылупляются птенцы.

Когда родители улетают за кормом, птенцы остаются «дома» под присмотром «нянь» — старых бездетных птиц. Днем птенцы компаниями по несколько сотен в сопровождении «няни» отправляются на прогулку, сначала пешком, а через несколько дней, научившись держаться на воде, и вплавь. К вечеру, еще до прилета родителей, «няньки» загоняют их на ночлег. Интересно, что в этом море пушистых сероватых тел, среди десятков тысяч совершенно одинаковых птенцов родители разыскивают своих детей и кормят только их.

Летом у птиц начинается линька. Они разом теряют все крупные перья и не могут летать. Раньше в этот период их жестоко истребляли, так как мясо фламинго довольно вкусное.

...Когда-то на месте этой большой низменности в Восточной Африке было огромное озеро. Прошли века, и тропическое солнце высушило его. Остались лишь многочисленные мелкие озера с очень соленой водой да пыльная выжженная равнина, где ничего не растет. Эти унылые места пришли по душе фламинго. Люди знали, что здесь живут несметные стаи фламинго. Но где находятся эти гнездовья, где птицы выводят потомство, — никто не знал. И только совсем недавно, в 1956 году, с самолета удалось обнаружить на отмели в глубине соленого озера Натрон огромное гнездовье. Увидеть его с берега нельзя — сверкающая рябь воды всегда прятала этот многомиллионный птичий город.

Из года в год гнездятся фламинго на озере Натрон. Только в 1962 году им пришлось изменить своей привычке. Тот год был для Африки необычайно дождливым. Вода в озерах сильно поднялась, и фламинго не смогли построить здесь гнезда. Из Танзании гигантская стая перелетела в Кению на озеро Магади. Обычно фламинго на Магади не гнездились — уж слишком много щелочи в воде озера. Однако в 1962 году дождевые воды сильно разбавили соленую воду, и озеро показалось птицам удобным.

Через 32 дня проклюнулись яйца. Еще неделю сидели птенцы на своих овеваемых ветерком пирамидках. Когда же молодые фламинго опустили в воду лапки, они увязли в густой ныше — солнце успело подсушить озеро. Грязь налипала на лапы, не давая и шагу ступить. Соль быстро

подсыхала, спекаясь в твердую корочку, и длинные лапки птенцов «вмерзали» в горячий лед. 800 тысяч птенцов оказались под угрозой неминуемой гибели. Вот тогда-то и была проведена операция под кодовым названием «Фламинго».

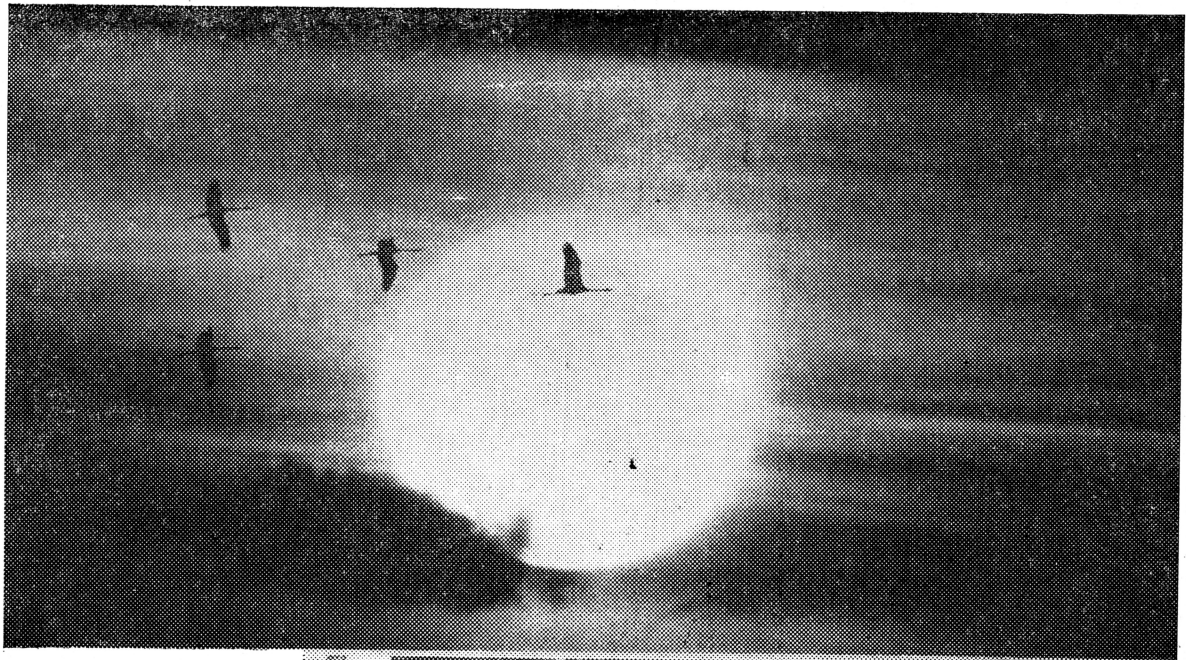
По всем африканским странам в Европе и даже в Америке собирали школьники средства на спасение фламинго. Правительство Кении послало на озеро Магади войска. Малышей, которые еще не «вмерзли» окончательно и могли кое-как передвигаться, перегнали в менее соленую часть озера. 27 000 птенцов вручную вырубили из соли и перевезли на пресные водоемы. Остальных спасти не удалось.

Спасенные людьми птицы вернулись в Танзанию и выводят своих птенцов на отмелях озера Натрон. А на озере Магади фламинго с тех пор больше не прилетали.

Некогда фламинго жили всюду. Они гнездились от Иртыша на востоке и до Волги на западе, заселяли все берега Каспия. Теперь их осталось не так уж много...

Посетителей зоопарков фламинго не привлекает. Поджав голову под крыло, грязная, почти полностью потерявшая свой яркий наряд, часами, не шелохнувшись, стоит на одной ноге эта птица. А что же ей еще делать в неволе? За кормом летать незачем, гнезда строить не из чего да на людях и боязно. Разве что поспать. А во сне, может, и присниется жаркое солнце да слепящий блеск бескрайних озер...

Б. СЕРГЕЕВ,
доктор биологических наук

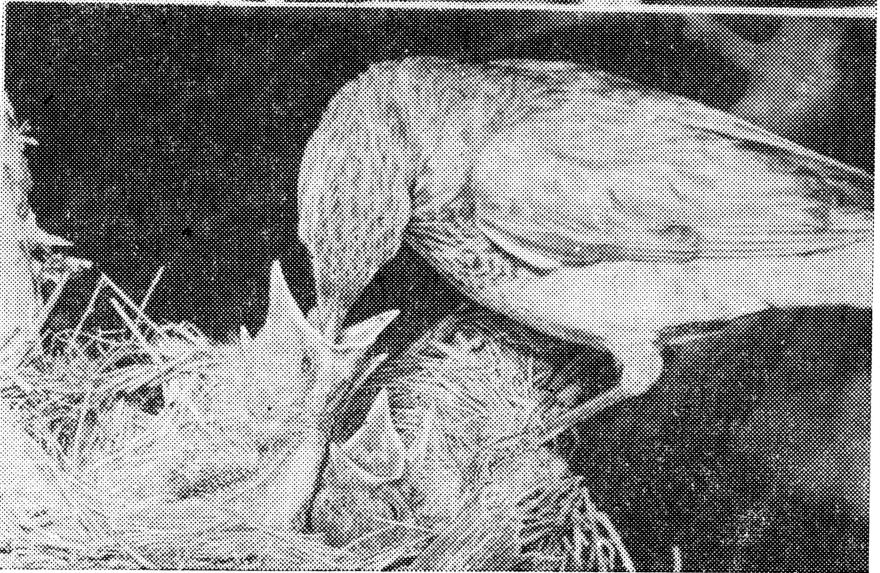
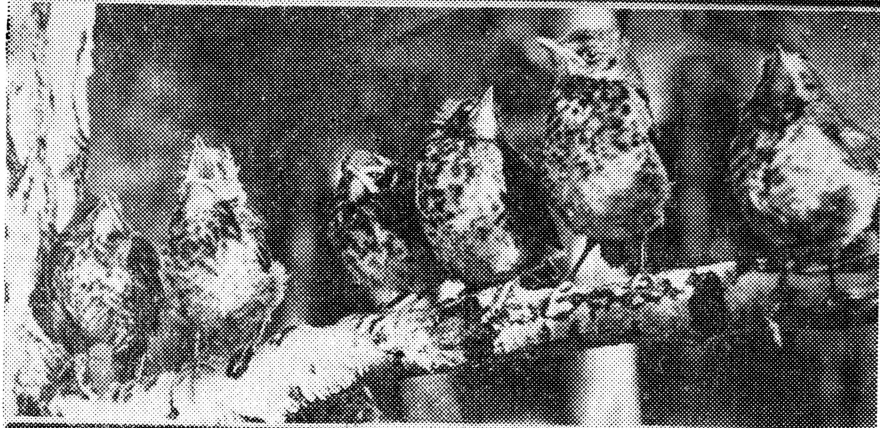
ПТИЦЫ

Фото

В. Тверитина
(г. Курган)

И. Челако
(г. Свердловск)

В. Юхина
(г. Казань)

КТО

ОКРЕСТИЛ ГОРКУ?

Названия, о которых пойдет речь, знают немногие, их нет на самых подробных картах, о них молчат длинные перечни колхозных угодий.

Это так называемая условная, или временная, топонимика, которую создают путешественники, охотники, туристы для своего узкого употребления. Куда бы ни пришел человек — без названий как без рук, а хорошей подробной карты или знающего человека нет. Тогда-то и рождаются свои — временные — топонимы.

Эта условная топонимика интересна в различных отношениях, но прежде всего потому, что она помогает понять сам процесс возникновения названия. Ведь «готовые» названия любого масштаба — и всем известная Кама, и какая-нибудь гора Паквна на Северном Урале — сами о себе рассказывают мало. Их надо «разговорить» — понять, что они значат, а это иногда очень трудно, и только потом можно гадать (точнее не скажешь — именно гадать!), при каких обстоятельствах эти названия возникли. Очень часто в таких случаях — широкое поле для фантазии и мало собственно науки.

Конечно, чем «новее» название, тем больше возможностей узнать правду о причинах его появления. Условные же, или временные, топонимы — прямые свидетели процесса наименования. Потому-то они так интересны для науки.

Целые системы, или, скромнее, микросистемы, условных топонимов встречаются не так уж редко. Случалось и мне участвовать в их создании.

Лет десять — пятнадцать тому назад, под осень, когда уже открывалась охота, мы не раз большой группой отправлялись на хребет Зигальга на Южном Урале поохотиться, да и просто подышать свежим воздухом в этой Уральской Швейцарии с ее аль-

пийскими лугами и хрустальными родниками.

Одна была беда: Зигальга — хребет километров 40 длиной, с многочисленными плато, довольно крутыми пиками, скалами, перевалами, а точных карт у нас не было, местных названий мы тоже не знали. Вот и пришлось создавать свою топонимику.

К нашему последнему — четвертому — путешествию по Зигальге эта топонимическая микросистема сложилась окончательно. Не могу сказать, чтобы она была очень оригинальна, но нас вполне уст-

раивала. Здесь были и Черничная гора, получившая свое название за буро-фиолетовый цвет выгоревших черничников, и **Великое плато** — действительно подавлявшее своей грандиозностью, и камень-останец **Лев**, слегка напоминавший лежащего царя зверей, но, пожалуй, самыми любопытными по своей судьбе оказались два совершенно банальных названия — **Первое плато** и **Второе плато**. Их история поучительна.

В первой экспедиции наш лагерь находился на втором по порядку плато, если считать с северо-восточного конца хребта. И мы называли его просто **Это плато** и **Наше плато**. Если же приходилось охотиться на **Первом плато** (считая с того же конца), говорили «Пошел на **То плато**». И все было понятно до тех пор, пока кто-то не «открыл» еще одно плато к юго-западу от **Нашего плато**. Пришлось уточнять: показывать рукой и говорить традиционное «Пошел на **То плато**». Но это уже было неудобно. И обширное плато, лежавшее к юго-западу от лагеря, стали называть **Великим**, **Наше плато** получило наименование **Первого**, а **То плато** (точнее, первое **То плато**) стало **Вторым плато**. Вот как это выглядело бы на схеме:

И опять все было хорошо, но только до начала второй экспедиции, когда наш лагерь пришлось перенести на **Второе плато** (**То плато**), потому что на **Первом плато** (**Этом**, или **Нашем плато**) пересох родничок. И сразу началась путаница: **То плато** стало **Этим** (**Нашим**) плато, но это бы еще можно перенести, хуже, что мы оказались на **Втором плато**, тогда как фактически, если считать с северо-восточной оконечности Зигальги, оно было первым.

Оказалось, что даже такие простые названия, как **Первое плато** и **Второе плато**, нельзя давать бездумно. Что было делать? При-

шлось вмешаться в стихийно сложившуюся топонимическую систему и в «административном порядке» переименовать **Первое плато** — во **Второе**, а **Второе** — в **Первое**.

Теперь все оказалось в соответствии с фактами, и «зигальгйская» топонимика исправно служила нам и в последующие приезды.

Но на Зигальге условные названия выступали, так сказать, в чистом виде: с местными жителями мы не встречались и их не знали. А вот в Шалинском районе Свердловской области, в Саргинском охотхозяйстве, возникла ситуация куда интересней.

Из года в год охотился я здесь со своим товарищем Анатолием Николаевичем. Разрабатывая маршруты, договариваясь о встречах, наконец, просто рассказывая друг другу о своих похождениях, мы не могли обойтись без микротопонимов (названий малых объектов), а от приезжих городских охотников и из лесхозовских карт узнать можно было немного: к названиям железнодорожных платформ Берлога и Баскинской к реке Баской с течением времени добавились только Куарская дорога, река Осиновка, урочища Углежого и Гаражи, названия нескольких избышек — вот, пожалуй, и все. С местными охотниками особых контактов у нас не было. И на свет появилась топонимика «для двоих»: гора **Пыхтун** (очень крутая, пока поднимешься — попытишь), **Мертвая дорога** (на ней никогда не попадалась дичь), **Красивое место** (действительно редкое по красоте место — лужайки, перемежаемые ельничками), **Матвеевский лог** (автор любил там охотиться), **Бежин луг** (большой луг, на который наше не особенно изощренное воображение перенесло первое пришедшее в голову название — тургеневский Бежин луг), **Глухаринная горка** (здесь был глухаринный ток) и много других.

Появились и «гибридные» названия, произведенные нами от местных топонимов, например, **Берложская узкоколейка**. Теперь было легче ориентироваться, и мы стали совершенствовать топонимическую систему: несколько раз к нам присоединялся охотник по имени Лазарь, но по разным причинам не удержался в нашей компании, и вот возникший было **Лазаревский лог** сознательно и уже не без озорства переименован в **Толин лог** — мы почувствовали свою власть над топонимикой. Но

за это легкомыслие и самостоятельность очень скоро поплатились...

Проплутав чуть ли не целый день в каких-то вырубках в стороне Бисертской дачи и встретив местного охотника, я тщетно пытался выяснить у него краткий путь к **Глухаринной горке**. Он не знал этого названия. Пришлось возвращаться дальними тропами. Но самое курьезное было впереди.

Как-то мы попытались обменяться «охотничьей» информацией с местными жителями. Слышал бы кто-нибудь этот разговор! Мы толкуем о **Пыхтуне**, **Красивом месте**, а они — понятное дело! — и слыхом не слыхивади о таких, зато щедро украшали свою речь местными названиями. И не всегда поймешь — об одном и том же месте рассказывали мы друг другу или нет. Как будто бы говорили на разных языках! В конце концов пришлось обратиться к испытанному древнему способу — показывать пальцем, ну, и карта, хоть и плохонькая, помогла, конечно. Насилу разобрались, хоть и не во всем. Причем оказалось, что мы нарекли некоторые безымянные урочища и прошли мимо ряда давным-давно названных.

Условные топонимические системы — не случайность, а необходимость, именно в них надо видеть зародыш будущей «настоящей» топонимики. В топонимической экспедиции на Северном Урале мне не раз приходилось наблюдать, как легко при необходимости создают название манси. Для них — оленеводов и охотников, кочующих по горам и в пургу, и в туман безо всяких карт и компасов, — очень важна точная ориентировка, отсюда и невероятно гибкая топонимическая система.

Исходными, конечно, всегда бывают узловые общеизвестные названия: **Хосья** — «длинная река», **Ось-Нёр** — «узкий хребет», **Яныг-Лох** — «большой лог». От них очень легко образовать описательный новый топоним-ориентир, который будет понятен любому манси. Так, два года база нашей экспедиции находилась в вершине реки Хосья. Это место манси при нужде называли **Хосья-Талях** — «Вершина Хосья». Затем появился и **Хосья-Талях-Павыл** — «Поселок в вершине Хосья». Теперь же это место могут назвать **Хосья-Талях-Павыл-Ер**, то есть «Место (бывшего) поселка в вершине Хосья».

Когда был освоен принцип, то и мы сами при необходимости

могли создавать подобные наименования, что было существенно для нашей работы, например, при общении с проводниками.

Однажды наши мансийские друзья, решив подшутить, спросили, запомнил ли я, как называется одна явно безымянная скала. Я понял шутку и лихо выпалил: «**Хосья-Талях-Сяхл-Сори-Миннэ-Я-Талях-Керас!**», то есть «Скала в вершине речки, текущей по перевалу горы в вершине Хосья». Мои учителя разразились громовым хохотом, но остались довольны, и потом еще долго вспоминали об этом случае.

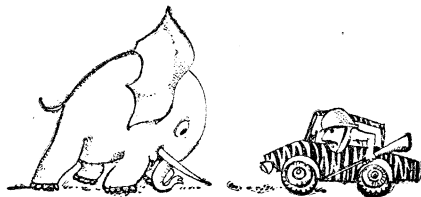
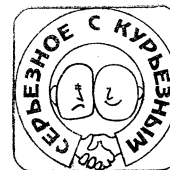
Не надо, конечно, думать, что мансийская топонимика в основном состоит из таких названий-ориентиров, своеобразных полуназваний. Манси сплошь и рядом дают и обычные наименования по свойству или событию. Наш проводник Володя, чтобы оглядеться, забрался на высокую скалу, которая возвышалась над лесом, а спустившись, с улыбкой назвал ее: **Ладя-Хахсам-Керас** — «Скала, на которую поднимался Володя»; он же, увидев на речном утесе гнездо какой-то птички, назвал этот утес **Сесва-Питинг-Керас** — «Скала с гнездом птички сесвы».

Далеко не все такие названия приживаются, но из многих возникают впоследствии настоящие топонимы — народное чутье и употребление производят отбор, и речевое становится языковым. А для науки условные топонимы — настоящий клад, так как они многое дают для понимания самого процесса наименования.

Может быть, и вам, читатели, приходилось создавать такие названия?

Проф. А. К. МАТВЕЕВ

- БОЯТСЯ ЛИ СЛОНЫ ТИГРОВ!
- ШУТКА ПРИРОДЫ
- ЕЩЕ ОДИН МИРОВОЙ РЕКОРД

Боятся ли слоны тигров! Полковник индийской армии Сингх, опытный охотник, был уверен: да, боятся. Поэтому он, выезжая на охоту, раскрасил свой автомобиль под тигра. Но практика не подтвердила теорию. Первый же слон, встреченный Сингхом, завидев автомобиль, бросился в атаку. Полковник едва успел выскочить из кабины. А слон так спрессовал автомобиль, что тот стал похож на блин.

Англичанин Билли Эдвардс, проснувшись однажды утром, увидел в окно вместо своего ухоженного сада огромный провал, в котором свободно разместился бы 10-этажный дом. Как выяснилось позднее, под садом Эдвардса была пещера, потолок которой и обвалился той ночью.

Чудесная вещь — теплый душ, однако долго под ним не простишь. Сколько же, в самом деле, может человек выдерживать этот вид купания! На этот вопрос ответил американец Дуг Пеннингтон. Он просидел под душем 118 часов, поставив тем самым мировой рекорд продолжительности купания.

Главный редактор С. МЕШАВКИН

Редколлегия: МУСА ГАЛИ, А. ДОМНИН, С. КИПРИН, Б. КОЛЕСНИКОВ, В. КРАПИВИН, Ю. КУРОЧКИН, Д. ЛИВШИЦ (зам. главного редактора), Г. МАШКИН, Н. НИКОНОВ, А. ПОЛЯКОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, К. СКВОРЦОВ, И. ТАРАБУКИН (ответственный секретарь), В. ТРУСОВ

Обложка Р. КАПТИКОВА

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Художественный редактор М. Горшкова.

Технический редактор Э. Максимова.

Корректор В. Бурангулова

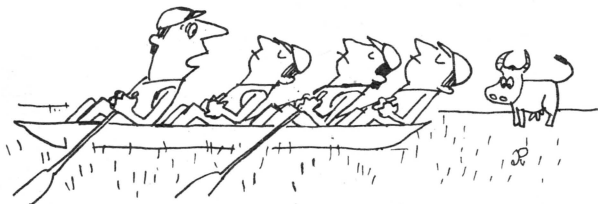
Адрес редакции: Свердловск, ГСП-353, ул. 8 Марта, 8. Телефон 51-22-40
Средне-Уральское Книжное Издательство.

Сдано в набор 25/II 1974 г. НС 20150. Подписано к печати 16/IV 1974 г. Бумага 84×108¹/₁₆=2,62 бум. л.—
8,8 печ. л. Уч.-изд. л. 10,5. Тираж 270 000. Цена 30 коп. Заказ 114.

Типография изд-ва «Уральский рабочий», г. Свердловск, пр. Ленина, 49.

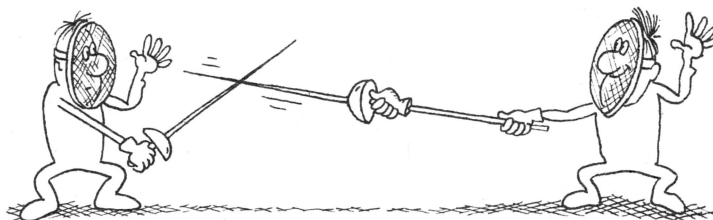
СПОРТ...

Рисунки
В. Милейко,
В. и В. Васильевых,
С. Ашмарина
и М. Русакова

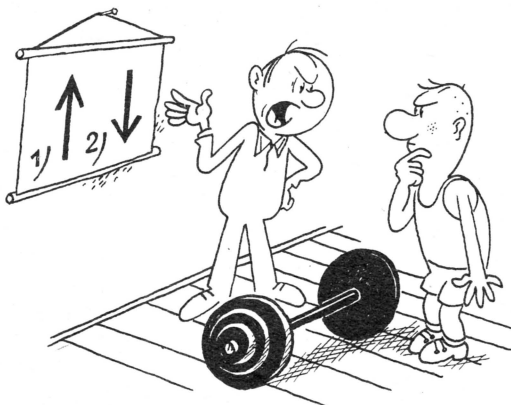

— РЕБЯТА, ВАМ НЕ КАЖЕТСЯ,
ЧТО МЫ НЕМНОГО УВЛЕКЛИСЬ?

СПОРТ...

СПОРТ...

— НЕУЖЕЛИ И ТЕПЕРЬ
ЧТО-НИБУДЬ НЕЯСНО?

— ОПРЕДЕЛИТЬ ПОБЕДИТЕЛЯ
НАМ ТАК И НЕ УДАЛОСЬ!

Речка Решетка

Е. ГИЛЕВА (г. Свердловск)